

Научное издание

ВЕСТНИК

Луганского государственного
педагогического университета

Серия 3

Филологические науки
Медиакоммуникации

№ 4 (86)
2022

№ 4 (86) • 2022 ВЕСТНИК ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КНИТА

Издатель ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
«Книга»
ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011, т/ф (0642)58-03-20

Министерство образования и науки
Луганской Народной Республики
Государственное образовательное учреждение
высшего образования
Луганской Народной Республики
«Луганский государственный педагогический университет»

ВЕСТНИК

Луганского
государственного
педагогического
университета

Серия 3

Филологические науки.
Медиакоммуникации

№ 4(86) • 2022

Сборник научных трудов

Луганск
2022

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5
В 38

Учредитель и издатель
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

Основан в 2015 г.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор

Синельникова Л. Н. – доктор филологических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ротерс Т. Т. – доктор педагогических наук, профессор

Выпускающий редактор

Калинина Г. Г. – заведующий редакционно-издательским отделом

Редактор серии

Новикова А. А. – кандидат филологических наук, доцент

Состав редакционной коллегии серии:

Дяговец И. И.	– доктор филологических наук, профессор
Иванов Е. Е.	– кандидат филологических наук, доцент
Калинкин В. М.	– доктор филологических наук, профессор
Колесникова С. М.	– доктор филологических наук, профессор
Кораблев А. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кочетова С. А.	– доктор филологических наук, профессор
Кушнерук С. Л.	– доктор филологических наук, профессор
Ломакина О. В.	– доктор филологических наук, профессор
Марфина Ж. В.	– кандидат филологических наук, доцент
Озерова Е. Г.	– доктор филологических наук, профессор
Просянкина О. И.	– доктор филологических наук, доцент
Соболева И. А.	– кандидат филологических наук, доцент
Супрун В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Теркулов В. И.	– доктор филологических наук, профессор
Шулежкова С. Г.	– доктор филологических наук, профессор

В38 Вестник Луганского государственного педагогического университета : сб. науч. тр. / гл. ред. Л. Н. Синельникова ; вып. ред. Г. Г. Калинина; ред. сер. А. А. Новикова. – Луганск : Книта, 2022. – № 4(86) : Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. – 144 с.

Настоящий сборник содержит оригинальные материалы ученых различных отраслей наук и групп специальностей, а также результаты исследований научных учреждений и учебных заведений, обладающие научной новизной, представляющие собой результаты проводимых или завершенных исследований теоретического или научно-практического характера.

Адресуется ученым-исследователям, докторантам, аспирантам, соискателям, педагогическим работникам, студентам и всем, интересующимся проблемами филологических наук и медиакоммуникаций.

*Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий
(приказ МОН ДНР № 370 от 27 мая 2022 г.; приказ МОН ЛНР № 911-ОД от 10 октября 2018 г.
(с изменениями от 14.04.2022 г.). Включено в РИНЦ*

Печатается по решению Ученого совета Луганского государственного педагогического университета (протокол № 4 от 29.11.2022 г.)

УДК 08:378.4(477.61)ЛГПУ:[80+070(062.552)]
ББК 95.4я43+80я5+76я5

© Коллектив авторов, 2022
© ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

- Грицкова Н. В., Милоков М. Н., Орехова А. Д.** Особенности эмотивной лексики и лексических средств эмотивности в рекламных франкоязычных текстах.....5
- Новикова А. А.** Современная англоязычная христианская проповедь как специфический вид речевой коммуникации.....10

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- Дзвоник Е. О., Дзвоник Д. А.** Постмодернизм во французской литературе второй половины XX века.....18
- Ли Е. С.** Анализ аллюзий в творчестве Кафки Асагири (на материале ранобэ «Великий из бродячих псов»).....23
- Чередниченко В. М., Латышева В. С.** Четыре главных классических памятника китайской литературы.....30

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

- Гребеник И. А.** Педагогические аспекты развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического вуза.....35
- Гришак С. Н.** Особенности реализации гендерного компонента в содержании обучения английскому языку студентов вуза.....41
- Сысенко А. В., Зайцева А. Ю.** Преподавание иностранного языка в эпоху цифровизации.....50

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

- Богачева В. Э., Дятлова А. М.** Интернациональные термины как объект лингвистического исследования при переводе специальной литературы.....59
- Каложная В. Ю., Гончарова С. В.** Перевод идиом как трансляция культурного кода носителей языка.....67
- Каткова В. П.** Сопоставительный анализ перевода фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте.....72
- Кисель В. С., Василькова И. Р.** Поиск эквивалента и аналога как основные способы перевода фразеологизмов.....80
- Кубракова М. В.** Последовательный перевод в аспекте профессиональной деятельности будущих переводчиков.....88
- Ткачева Ю. Г.** Контекст как фактор достижения адекватности при переводе.....93
- Токмачева М. А.** К вопросу о современных методах в преподавании иностранных языков.....100

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

- Бочацкая А. А.** Современные медиалингвистические исследования.....106
- Гайворонская Л. Ю.** Роль «языка жестов» в коммуникативном поведении итальянцев.....112

Дроздова А. В. Факторы обновления концепции профессиональной подготовки журналистов.....	120
Куянцева Е. А. Украинские медиакритические материалы как важная составляющая информационной войны Украины – России.....	125
Хохлов А. А. Методология описания концептосферы современной российской публицистики.....	132
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	137
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	139

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 821.133.1

Грицкова Наталия Викторовна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
interpreter912@gmail.com

Милюков Максим Николаевич,
преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
drybomb@mail.ru

Орехова Анна Дмитриевна,
магистрант Института филологии
и социальных коммуникаций ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
annaslytherin.com@gmail.com

Особенности эмотивной лексики и лексических средств эмотивности в рекламных франкоязычных текстах

В данной статье рассмотрены существующие сведения о лексических средствах эмотивности; были обобщены и проанализированы представленные языковые средства, особенности лексики, присущие современному французскому рекламному тексту.

***Ключевые слова:** эмотивность, воздействие, лексические языковые средства, лексика, рекламный текст.*

Актуальность статьи обусловлена повышенным интересом лингвистов к категории эмотивности как в тексте в целом, так и в рекламном тексте в частности. Вопрос проявления эмоций в языке становится всё более актуальным, так как является сложным и дискуссионным. Способность текстов волновать, воздействовать, заставлять переживать содержание всегда признавалась их неотъемлемым внутренним качеством. Эту специфическую особенность создатели рекламы считают одним из основополагающих факторов воздействия. Но как языковое воплощение эмоциональности, эмотивность и сегодня остается одним из наиболее неопределенных качеств текста.

Основополагающей для рекламного текста функцией выступает воздействующая, побуждающая на активное действие – купить рекламируемый товар. Полная эффективность рекламного текста раскрывается с использованием эмотивности, которая чаще всего отражается в тематике и лексике.

Для французского рекламного текста весьма характерна эмотивно окрашенная лексика, которая, согласно классификации, предложенной Ю. И. Рождественским, может быть разделена на три группы [2, с. 273]:

1) лексика общелитературного языка, которая употребляется в общепринятом значении в текстах всех функциональных стилей;

2) лексика общелитературного языка, которая употребляется в значении, принятом в общелитературном языке, обычно не используемая в рекламном тексте;

3) специальная, профессиональная терминология.

Первая группа имеет широкое распространение во французском рекламном тексте, так как подобная лексика легче всего перенимает эмотивность из тематики и контекста. Основная функция таких слов – передать смысл и донести информацию реципиенту. Эмотивность проявляется на основе данной контекстуальной информации. Например, рекламный текст французской компании детского питания «Blédina»: «*Découvrez de nouvelles recettes de Blédina pour le repas du soir. Parce que le dîner est une des clés pour que bébé s'endorme bien! Blédina – près de 100 ans du côté des mamans*» [5] «Откройте для себя новые рецепты для детского вечернего рациона от компании «Бледина». «Хороший ужин – это один из самых важных факторов, способствующих здоровому сну вашего малыша. «Бледина» – вот уже 100 лет мы помогаем мамам» (*tout et далее перевод наш*). В данном примере вся лексика общелитературная, и выполняет информирующую и побудительную функцию, слова вне контекста без определенной эмоциональной окраски. Нейтральная лексика *que bébé s'endorme bien* и *du côté des mamans* вызывают эмоции у определенной категории реципиентов – матерей, для которых смысл и посыл находит эмоциональный отклик.

Первая группа слов так же часто используется в рекламном тексте тех марок и компаний, которые уже завоевали общественное доверие. Их реклама направлена на тех реципиентов, для кого важен престиж, качество и достойная репутация, что, как нам известно, свойственно большинству французов. Например, рекламный слоган известной автомобильной компании: «*Volvvo – voiture pour ceux qui estiment le prestige*» [5] «Вольво – машина для тех, кто ценит престиж». Логическое утверждение затрагивает в сознании реципиента уже известную информацию о продукции компании, поэтому слова *estiment le prestige* получают эмотивный контекст и, с непосредственной направленностью к каждому реципиенту *pour ceux qui* вызывает эмоциональный отклик.

Вторая группа лексики встречается намного реже, так как достижение прямого информирования и логической аргументации достигнуть труднее. Но именно данный диссонанс несет в себе эмотивность. Этот вид лексических единиц выражает понятия, не связанные с видом рекламируемого товара, а ассоциирующиеся с ним при указании на какие-либо общие признаки. Этим фактом обусловлено употребление лексики, которая, на первый взгляд, не имеет общего смысла и ассоциаций с рекламируемым товаром.

Как, например, в рекламном слогане известной компании «Lipton»: «*Dans ma famille on choisit Lipton. Thé Lipton – fort comme l'amitié, chaud comme l'amour*» [3] «Моя семья выбирает чай «Липтон». «Липтон» – крепкий, как

дружба, горячий, как любовь». Эпитеты *fort* и *chaud*, часто используемые для описания чая, эмоционально нейтральны и их употребление в контексте этой рекламы логично и информативно. Но добавление сравнения с лексикой *l'amitié, l'amour, ma famille* привносит новые ассоциации к тематике семьи, любви и дружбы, которые окружены в нашем сознании теплым эмоциональным фоном и вызывают положительные эмоции. Соответственно, нейтральные эпитеты приобретают эмотивность, которая уже передается следующей лексической связке *Thé Lipton*. В результате, отсылка к семейным ценностям, дружбе и чувствам, что весьма близка национальному характеру французов, образует четкое представление о продукте.

Третья группа слов, представляющая собой специальную и профессиональную терминологию, имеет наиболее широкое распространение во французском рекламном тексте. Как и предыдущие, лексика, присущая языку определенной науки или сфере хозяйственной деятельности человека, направлена на развитие рациональной аргументации и формулировки логических доводов в рекламном тексте.

Факт ее использования напрямую связан с особенной чертой французского народа, которому, по мнению ученого С. де Мадариага, «всегда был очень важен научный и рациональный подход, независимо от сферы деятельности» [1, с. 112].

Соответственно, франкоговорящие создатели рекламы не опасаются запутать реципиентов, включая в текст рекламы специализированную лексику. Наоборот, во французской рекламе научные термины в сочетании с сопровождающими текст яркими иллюстрациями и эмотивными ассоциациями создают у потенциальных покупателей впечатление научной обоснованности тех или иных свойств, качеств рекламируемого товара.

Именно поэтому реклама автомобилей насыщена техническими терминами, а реклама лекарственных средств – медицинскими и т. д. Рассмотрим рекламу автомобильного концерна «Citroën»: «*Vous êtes 6 fois gagnant avec nouvelle C4 Picasso: à partir de 5,1 L/100 km; faibles consommation et émission de CO₂; coffre de pétrole – 70 litres; système – tenue de route et sécurité moderne; Limiteur-régulateur de vitesse électronique; Super bonus de 700€ à chaque client en mars!*» [5] «У вас может быть 6 причин для покупки нового «Ситроен С4 Пикассо»: расход топлива – 5,1 л /100 км; низкий уровень выброса CO₂; объем бензобака – 70 литров; современная система безопасности; электронный ограничитель скорости; специальный бонус – скидка 700 € каждому клиенту в марте!»

Техническая терминология, которая знакома не только автомобилистам, но и обычным людям, имеет цель донести информацию реципиентам. Акцент делается на логичность и лаконичность, и такая лексика вызывает эмоциональный отклик у направленной аудитории – тех, кто хочет приобрести автомобиль. В данном примере делается акцент на положительные качества товара, а техническая лексика вызывает чувство сопричастности и открытости, на основе чего передается эмотивность и доверие конкретной аудитории.

Куда более яркая терминологическая лексика встречается в сфере красоты и моды. Например, рекламный текст губной помады бренда «Winky Lux»:

«*Pour qui? Celles qui aiment jouer avec la couleur: les folles de lipsticks*» [4]. «Для кого? Для тех, кто любит разнообразие цветовых оттенков: для помешанных на губной помаде». Здесь уже присутствует личностная направленность – *Pour qui* и эмоциональная акцентуализация – *les folles de lipsticks*. В данном примере терминологией выступает нейтральное *la couleur*, которое благодаря персонификации приобретает эмотивный окрас.

Отдельной категорией лексики, успешно передающей эмотивность, выступают англицизмы. Их прямое использование без аналога на родном языке стало широко использоваться во французских рекламных текстах. Это объясняется простым фактом – международные компании используют английский язык как официальный, и сами французы в большинстве знают этот иностранный язык. Следовательно, небольшие заимствования не затруднят понимание, а наоборот оживят рекламный текст.

Наиболее часто англицизмы встречаются в рекламных текстах иностранных компаний, тогда французским рекламщикам приходится адаптировать рекламный текст. Как, например, в рекламном тексте американской фирмы «StoryBrook Cosmetics», которая производит лицензированную линейку косметики, стилизованную под фильмы о Гарри Поттере: «*Maquillage Harry Potter: la palette «Poudlard» fait le buzz*» [4]. «Макияж в стиле Гарри Поттера: палетка теней «Хогвартс» пользуется бешеной популярностью». Сам продукт, относящийся к мега популярной франшизе с огромным количеством фанатов, вызывает глубокий эмоциональный отклик у реципиентов, на которых направлена эта реклама. Прямое упоминание *Harry Potter* несет в себе эмотивность, которая затрагивает все положительные эмоции в сознании реципиента, связанные с отсылкой. Слово *buzz*, оставшееся без перевода, выделяется не только смысловой нагрузкой, но и содержащейся эмотивностью.

Самым ярким проявлением эмотивности в рекламном тексте выступают эпитеты и прилагательные. Этот вид лексики несет описательный функционал, именно в описаниях проявляется эмотивность, так как напрямую связана с тематикой и контекстом. Так, для поддержания положительного эмоционального фона, рекламщики часто используют лексемы «*meilleur*», «*chic*», «*original*», «*bon*», «*mieux*», «*douceur*» и др., которые при определенном контексте выражают концепт «хорошее качество» и становятся синонимичными. Вышесказанное иллюстрируется примером рекламы кафе сети «SweetSpot»: «*Quoi de mieux qu'un bon petit-déjeuner pour démarrer la journée sous les meilleurs auspices?*» [3]. «Что может быть лучшим предзнаменованием удачного дня, чем хороший завтрак?» Использование синонимичных *mieux*, *bon*, *les meilleurs* передают положительно окрашенную эмотивность, что напрямую вызывает эти эмоции у реципиента.

Эмотивность синонимичных прилагательных демонстрирует рекламный слоган мужских духов марки «Yves Saint Laurant»: «*L'Homme. Yves Saint Laurant. Sensuel et magnétique*» [5]. «Мужчина. Ив Сен Лоран. Чувственный и притягательный». Синонимы *sensuel et magnétique* вызывают определенную ассоциацию с чувствами комфорта, роскоши и наслаждения, которые в свою очередь связаны с положительными эмоциями. Таким образом через эпитеты проявляется эмотивность.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что средства эмотивности проявляются в определенном контексте или получают эмотивный окрас в сознаниях конкретной аудитории. В большинстве случаев общелитературная лексика эмотивно нейтральна, но приобретает эмотивность из направленных ассоциаций и контекста. Наиболее важную роль в эмоциональной окраске рекламного текста играют эпитеты, которые нередко используются синонимично.

Список литературы

1. **Мадариага, С.** Англичане, испанцы, французы / С. Мадариага. – СПб. : Наука, 2003. – 247 с.
2. **Рождественский, Ю. В.** Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : СвР-Агус, 2000. – 369 с.
3. **Guerrine, S.** «Scame France» passe le cinquième» [Электронный ресурс] / S. Guerrine. – Режим доступа: <https://www.nouvelobs.com/>, свободный. (Дата обращения: 11.02.2022 г.).
4. **Maquillage Harry Potter: la palette «Poudlard» fait le buzz** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.glamourparis.com/beaute/tendance-maquillage/articles/harry-potter-les-highlighters-poudlard-font-le-buzz/47259>, свободный. (Дата обращения: 24.09.2022 г.).
5. **Rousseaux, F.** «L'illusion du choix» [Электронный ресурс] / F. Rousseaux. – Режим доступа: <https://www.marieclaire.fr/>, свободный. (Дата обращения: 11.02.2022 г.).

**Gritskova N. V.,
Milukov M. N.,
Orekhova A. D.**

Features of the Emotive Vocabulary and Lexical Means of Emotivity in Advertising French Texts

This article examines the existing information about the lexical means of emotivity; the presented linguistic means, the features of vocabulary inherent in the modern French advertising text were generalized and analyzed.

Key words: *emotivity, impact, lexical language means, vocabulary, advertising text.*

УДК

Новикова Анна Анатольевна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
anitabogdan@mail.ru

Современная англоязычная христианская проповедь как специфический вид речевой коммуникации

В статье рассматриваются обобщенные понятия о проповеди как специфическом виде речевой коммуникации. Автор утверждает, что проповедь функционирует в религиозной сфере общения как один из фундаментальных жанров религиозной коммуникации и указывает, что различные аспекты языкового воплощения жанра современной англоязычной проповеди представляют собой обширное поле для специальных исследований.

Ключевые слова: стиль, текст, речевая коммуникация, христианская проповедь.

Важные изменения во взаимоотношениях между государством и церковью в России в начале XXI столетия «открыли» для ученых церковно-религиозную сферу функционирования языка и позволили изучать религиозные тексты, учитывая не только специфику их возникновения, но и существования.

Сегодня вопросы использования языка в различных видах, формах и актах речевого общения занимают центральное место в современной лингвистике: проповедь является предметом изучения риторики, лингвистики, религиозной философии, культурологии и, прежде всего, гомилетики – «науки о церковном красноречии или проповедовании» [1, с. 5], то есть, в лингвистике за последние годы при изучении типов текста в религиозной сфере именно проповеди было отдано наибольшее предпочтение (Г. А. Агеева, Н. Ю. Ивойлова, Т. В. Ицкович, Е. В. Морозова, О. А. Прохвятилова, А. Г. Б. Салахова и мн. др.). Так, например, Л. В. Левшун обозначил основные признаки жанра проповеди, Ю. В. Кагарлицкий рассматривал в русской проповеди XVIII века риторические стратегии, А. К. Михальская изучала современную проповедь с позиций риторики, О. А. Прохвятилова исследовала речевую организацию звучащей православной проповеди и молитвы и т. д.

Кроме этого, в сферу задач современной российской и зарубежной лингвистики была добавлена концептуализация основ выделения и описания религиозного стиля, о чем свидетельствуют исследования М. Войтак (Польша), И. В. Голуб, В. И. Карасика, В. Г. Костомарова, Н. Б. Мечковской, О. А. Прохвятиловой, Н. Н. Романовой, Г. Н. Скляревской и др.

Целью статьи является описание современной англоязычной христианской проповеди как специфического вида речевой коммуникации.

Церковной проповедью называют «речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» [6, с. 123]. При этом важными задачами проповеди являются: «1) раскрытие и уяснение в сознании верующих богооткровенных истин христианской веры; 2) побуждение их сообразовать свою жизнь с христианским учением» [6, с. 126]. Н. Б. Мечковская называет проповедь фундаментальным, первичным жанром религиозной коммуникации: «Религия как мистический коммуникативный процесс начинается именно с проповеди учения людям» [4, с. 205], то есть, если рассматривать проповедь как сформированный речевой жанр, то она представляет собой класс текстов, схожих в основе использования в однотипных коммуникативных ситуациях, общности целевых установок, а также структурной схожести [1, с. 9]. Проповедь – это важная часть любого христианского богослужения.

В связи с тем, что церковная проповедь традиционно находится в ведении риторики (ее относят к сфере духовного красноречия), вопрос о ее функционально-стилистической принадлежности связан с определением места ораторской речи в системе функциональных стилей. Некоторые исследователи, например, Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, такое понятие, как «ораторский стиль» умещают в рамках более широкого понятия «публицистический стиль», подразумевая общую для них функцию воздействия и основную часть используемых в них языковых средств [1, с. 13], а Н. Н. Кохтев, выделяя роды и виды красноречия по признаку отнесения их к различным областям речевой деятельности, относит проповедь к «информационно-пропагандистской» сфере как и политическую речь, политическое обозрение, митинговую речь, военно-патриотическую речь и научно-популярную лекцию [6, с. 34].

В настоящее время англоязычная христианская проповедь, как утверждает Г. А. Агеева, – это «специфический вид речевой коммуникации, характеризующийся рядом дифференциальных и интегральных признаков. Проповедь – публичная речь, произносимая, обычно, в церкви священнослужителем (адресантом) перед прихожанами (адресатом) по определенному поводу с целью оказания религиозно мотивированного воздействия на адресата» [1, с. 6], поэтому основная задача проповеди – стимулирование слушателей к соответствующей реакции или ответному действию, как в религиозной, так и во вне-религиозной сферах жизни (посредством разъяснения или даже внушения). Итак, главным показателем успешности проповеди является степень ее воздействия на дальнейшее поведение аудитории.

Мы позволим себе согласиться с мнением таких исследователей, как Т. В. Ицкович, О. А. Крылова, Л. П. Крысин, которые полагают, что религиозный стиль «соответствует религии как форме общественного сознания и занимает особое место в парадигме функциональных стилей русского литературного языка» [3, с. 87] и, соответственно, английского.

Многофункциональность – это отличие современной богослужебной проповеди от других видов речевой коммуникации. Выделяют следующие важнейшие функции проповеди: богослужебную, религиозно-образовательную, нравоучительную (религиозно-воспитательная), функцию эмоционального воздействия, объединяющую. При этом образ автора в жанре проповеди

является сложным и комплексным. Некоторые современные американские теоретики имеют неосторожность сравнивать отличного проповедника с факсовым аппаратом, принимая во внимание такие качества, как точность и бесперебойность при передаче важной информации [7, с. 9].

Одним из важных моментов при прочтении проповеди является и аудитория. В средневековых руководствах по гомилетике описывали до 120 видов аудитории проповедника, при этом практиковалось обращение по ходу проповеди к отдельным группам прихожан: к молодым, достигшим зрелости, пожилым и старикам, к мужчинам и женщинам, к бедным, лицам среднего достатка и богатым, и т. п. [8, с. 9]. Обычно аудитория богослужебной проповеди хорошо знакома проповеднику, ведь он владеет информацией о составе семьи и особенностях своих слушателей, поэтому все это отражается на выборе темы проповеди, на подборе иллюстраций, на стиле изложения. Таким образом, слушатели в определенной мере становятся соавторами проповеди. В некоторых церквях Америки для прихожан устанавливают даже специальные ящики, куда они опускают листки с предложениями о темах будущих проповедей. Кроме этого организуются проповеди в виде пресс-конференций, дискуссий, диалогов.

Если для христианства в США многонациональность была характерна с самого начала, то для Великобритании тенденцию к многонациональности можно считать достаточно новым явлением. Некоторые конфессии достаточно терпимо относятся к перспективе появления проповедников с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и первые подобные случаи уже отмечаются. На современный образ проповедника сильно повлияло и феминистское движение – в некоторых сборниках «лучших проповедей» практически половину авторов составляют женщины [7], т. е., любое изменение социального состава проповедников влечет за собой мировоззренческие изменения, а также отражается на содержании и стиле проповедей.

Дж. Киллинджер указывает, что женщины-проповедники, например, отличаются большей терпимостью и лучшей способностью соотносить слово с окружающим миром, они акцентируют внимание на психологических и эмоциональных проблемах человека в мире (семья, воспитание детей и т. д.), а мужчины-проповедники предпочитают традиционные библейские и богословские темы. Исследователь отмечает положительное влияние, которое оказывает деятельность женщин-проповедников на проповедников-мужчин: «они становятся более открытыми к диалогу и более чуткими к изменениям в обществе» [10, с. 6]. Тем не менее, Д. Кристал указывал, что в религиозной речи присутствует предвзятое отношение к женщинам, предубеждение, которое проявляется в регулярном использовании слов «He», «mankind», «man's son» и «Father» для обозначения Бога. Он считал, что это предубеждение должно быть устранено и предлагал избегать данной предвзятости с помощью нейтральной лексики [9, с. 158].

Одним из первых в отечественной лингвистике к изучению религиозного дискурса обратился В. И. Карасик, который среди прочих институциональных дискурсов выделил религиозный дискурс и даже разработал модель его описания. С точки зрения теории коммуникации, как утверждает М. Я. Блох,

Бог – это «высший наадресант», и «высший наадресат», учитывая, прежде всего, богослужбную функцию проповеди, поэтому традиционными участниками коммуникативного акта являются адресант (проповедник) и адресат (прихожане), при этом подразумевается участие в этом акте и третьего «скрытого коммуниканта» – Бога, это отличает проповедь от других речевых актов. При этом богослужбная проповедь изначально создается в расчете на непосредственный контакт с прихожанами, но лишь в некоторых отдельных случаях может быть представлена в печатном виде, предварительно подвергнувшись специальной обработке. Речь проповедника – это устная подготовленная речь, или «скриптная» речь, согласно терминологии М. Я. Блоха [2, с. 121]. Итак, проповедь – это промежуточный тип между письменной и устной речью.

Тематический диапазон современной проповеди достаточно широк. Е. С. Степанов выделяет следующие виды проповедей, которые в настоящее время звучат в русских православных храмах: догматические, нравоучительные, житийные, похвальные, проповеди на церковно-общественные и экуменические темы [1, с. 12], вот американские и английские гомилеты предлагают очень разнящиеся между собой классификации проповедей с тематической точки зрения. Это в значительной мере обусловлено религиозными убеждениями авторов, поскольку взгляды на содержательную сторону проповеди среди представителей различных конфессий во многом не совпадают. Некоторые из них считают, что проповеди на «отвлеченные» темы (посвященные человеческим или социальным проблемам) в принципе не имеют права на существование.

Помимо темы, содержательная сторона текста включает также «диктумное» (фактуальное) содержание – это события библейской и церковной истории, факты из жизни общества, сюжеты из истории, художественной литературы, кино и др.; события из жизни знакомых проповеднику людей, личный опыт проповедника и т. д., т. е., материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи [5, с. 13].

Различные аспекты языкового воплощения жанра современной проповеди (фонетический, лексический, фразеологический, синтаксический) представляют собой обширное поле для специальных исследований. Так, например, отличить язык христианской проповеди от «утилитарного языка» сознанию адресата помогает словарный состав проповеди, ведь отличительной чертой проповеди как религиозного жанра является большое количество слов лексико-семантического поля религии. Это, прежде всего, традиционно религиозная лексика с соответствующей пометой в словаре. Для языка современной англоязычной проповеди характерны:

- 1) слова, именующие Бога и другие Небесные силы (*God, Lord, Guardian angel, Raphael*);
- 2) слова, называющие святыне книги (*Ecclesiastes, the Gospel, Scripture*);
- 3) слова, называющие обычных верующих, святых и противников веры (*apostle, martyr*);
- 4) слова, обозначающие ключевые понятия христианского вероучения (*resurrection, cross, salvation*);

- 5) слова, именующие атрибуты церковной жизни:
- наименования молитв и церковных песнопений (*psalm, hymn*);
 - наименования церковных служб (*Mass, Matins*);
 - наименования предметов одежды духовенства (*cassock, surplice*);
 - наименования церковных таинств и обрядов (*baptism, Eucharist*);
 - наименования архитектурных сооружений и элементов построек (*chapel, nave*);
 - наименования предметов церковного обихода (*myrrh, pulpit*);
 - наименования чинов и должностей в церковной иерархии (*archbishop, curate*);
 - наименования событий церковного календаря (*Easter, Pentecost*) [5, с. 9].

Помимо лексики с религиозной окраской тексты проповедей характеризуются также значительным количеством устаревшей лексики: историзмов и архаизмов, но это характерно и для других религиозных жанров. Приведем примеры историзмов: *Pharisee, denarius, centurion*; архаизмов: *whither, unto, creatures*; устаревшей лексики: *behold, verily* [8]. Таким образом, широкое употребление историзмов, архаизмов и устаревшей лексики в текстах проповедей обусловлено их интертекстуальными связями с древними библейскими текстами и является ключевым приемом в имитации проповедником стиля библейской притчи.

О. А. Прохватилова считает, что конструктивными принципами речевого строя современного пастырского слова и системы его выразительных средств является бинарность (двучленность семантической структуры высказывания или его частей: *time and eternity*) и симметрия (принцип симметрии проявляется в соразмерном, гармоничном расположении частей целого: *life eternal*) [6, с. 38]. При этом в проповеди бинарные понятия носят контрастный характер, а средством выражения бинарности становится антитеза.

В группу характерной для проповеди традиционно религиозной лексики входят также имена прилагательные (*holy, almighty, heavenly*) и глаголы (*to deserve, to invite, to repent, to change, to draw near, to respond*). Д. Кристал [9, с. 165] подчеркивал характерную для религиозной лексики группу вокруг лексической доминанты – слова «God», указывая, что большинство теологических терминов имеет два уровня интерпретации: с одной стороны – богословское толкование, с другой стороны – уровень повседневного употребления в жизни рядовых верующих, но такое понимание термина, когда он и не совпадает с богословским, но и не противоречит ему, в целом, считается приемлемым [9, с. 167].

Некоторые слова, относящиеся к языку повседневного общения и не содержащие семантического компонента «религия», получают новые окказиональные значения в религиозном контексте, а также ярко и выразительно передают значение ее ключевых понятий: *Jesus – the Messiah, the Prince of Peace, the Great Physician* (богословские перифразы); *Jesus-the carpenter; the one who walks always beside you; the child whose birth we celebrate* (индивидуально-авторские) и т. д. [8].

Для проповедей характерна интертекстуальность, проявляющаяся в тесной связи с библейскими текстами, поэтому в текстах проповедей ярко

выделяется группа интертекстуальной лексики: *Moses, Jerusalem, Canaan, Gomorra, Sodom, scapegoat, stumbling block, whited sepulchers* [8], а некоторые из библеизмов вне религиозной сферы постепенно утрачивают религиозную семантику (например, *scapegoat* [8]), но в контексте проповеди она восстанавливается.

Итак, важным в проповеди является и когнитивный аспект, ведь речь проповедника всегда безапелляционна, в ней отсутствуют всяческие словообразования, выражающие сомнения. Пастырь всегда знает истину, и именно ее он и сообщает прихожанам, поэтому для проповедей всех христианских конфессий имеет значение нравственная оценка событий и явлений адресанта к тому, что он сообщает. Сегодня в центре внимания проповедников находятся темы, преимущественно связанные с теологическими, антропологическими и экклезиологическими аспектами бытия.

В современных англоговорящих странах христианство представляет собой достаточно пеструю картину. Разнообразие конфессий отражается и на языке проповеди и в первую очередь это касается выбора лексики. Основу текста любой проповеди составляют слова стилистически нейтральные. Но для языка проповеди одних церквей будет характерно сочетание нейтральной лексики с торжественно-возвышенной, для других – с разговорной, а для большей части – определенное соотношение всех трех стилистических типов лексики, как в примере проповеди С. В. Бекера: «As we meditate on this text, it will give us an opportunity to speak of the presentation of Our Lord as a foreshadowing of his redeeming work...<...> Now when we read about these things in the Bible, we sometimes wonder why God went about this in such a roundabout way» [8], поэтому любая современная проповедь сегодня открыта для включения средств создания выразительности. При этом репертуар этих средств обширен, а специфика их употребления обусловлена жанрово-стилистическими особенностями пастырского слова и позволяет оказывать «одухотворяющее» речевое воздействие на аудиторию [6].

Грамматический уровень более универсален, чем лексический, в стилистическом отношении. Тем не менее, в каждом стиле и жанре есть свои значимые грамматические особенности, определяющие его своеобразие. К числу таких грамматических характеристик относятся определенные морфологические формы, синтаксические конструкции, а также значимое отсутствие таковых. На наш взгляд, грамматические особенности современной англоязычной христианской проповеди обусловлены, прежде всего, ориентацией этого жанра на устную коммуникацию. Предложения строятся таким образом, чтобы максимально облегчить их восприятие на слух: простые предложения преобладают над сложными, сложносочиненные предложения предпочтительнее сложноподчиненных. Обращает на себя внимание большое количество вопросительных и побудительных предложений, обилие однородных членов, всевозможные повторы и параллелизмы, инвертированные конструкции. Многие грамматические особенности современной англоязычной христианской проповеди связаны с такой характеристикой проповеди, как диалогичность; многие служат средством для придания речи проповедника большей выразительности.

Итак, англоязычная христианская проповедь в наши дни – это устойчивый речевой жанр, имеющий собственные экстра- и интралингвистические особенности. Являясь по существу вторичной формой священных текстов (первичный текст – Библия), текст проповеди демонстрирует частое использование сакральной лексики. Проповедь существует в религиозной сфере общения как один из фундаментальных, первичных жанров религиозной коммуникации. Задачей любой христианской проповеди является оказание религиозно-мотивированного воздействия на мировоззрение и поведение слушателей, чтобы донести до их сознания определенные максимы христианского вероучения. Проповедь для гомилетики и для лингвистики – это объект с разными задачами для исследования. Церковную науку интересует, прежде всего, ее содержательная сторона, а лингвистику – план выражения, поэтому специфика жанра современной англоязычной христианской проповеди находит свое отражение в особенностях строя текста, прежде всего, в его композиции.

Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении современной англоязычной христианской проповеди, а также в рассмотрении особенностей стилей отдельных проповедников различных деноминаций, сопоставлении стилей мужчин и женщин-проповедников. Такие исследовательские направления, как теолингвистическая интерпретация языковых явлений, теолингвистическое изучение религиозной художественной и специальной религиозной литературы, теолингвистическое понимание влияния языка религии на нерелигиозные сферы его применения также кажутся многообещающими и плодотворными.

Список литературы

1. **Агеева, Г. А.** Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации: на материале современных немецкоязычных проповедей : автореф. дис. ... канд. филол. наук : специальность 10.02.04 «Германские языки» / Г. А. Агеева. – Иркутск, 1998. – 21 с.
2. **Блох, М. Я.** Литературно-художественная речь и стилевая дифференциация языка / М. Я. Блох // Россия и Запад: проблемы истории и филологии. – Нижневартовск : Изд-во Нижневартовского пед. ин-та, 1999. – С. 269–272.
3. **Ицкович, Т. В.** Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы / Т. В. Ицкович // Жанры речи. – 2016. – №1. – С. 87–93.
4. **Мечковская, Н. Б.** Язык и религия / Н. Б. Мечковская – М. : Фаир, 1998. – 352 с.
5. **Митина, Ю. В.** Лексика с религиозной семантикой и ее стилистические функции в житийных памятниках XV века : автореф. дис. ... канд. филол. наук : специальность 10.02.01 «Русский язык» / Ю. В. Митина. – М., 2000. – 20 с.
6. **Прохватилова, О. А.** Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохватилова. – Волгоград: ВГУ, 1999. – 362 с.
7. **Ailing, R.** «God's Spirit Bears Witness with Our Spirits». The Conversation Partners of Inspired Preaching // Preaching as the Art of Sacred Conversation

(Sermons that Work VI) / R. Ailing., D. J. Schlafer – Harrisburg, Pennsylvania: Morehouse Publishing, 1997. – P. 8–12.

8. **Brearely, M.** Foreword / M. Brearely // The Fifth Times Book of Best Sermons. – London, New York: Cassell, 1999. – P. 7–17.
9. **Crystal, D.** Investigating English Style / D. Crystal. – L. : Longman, 1979. – 264 p.
10. **Killinger, J.** Fundamentals of Preaching / John Killinger. – Minneapolis: Fortress Press, 1996. – 224 p.

Novikova A. A.

Modern English-language Christian Preaching as a Specific Type of Verbal Communication

The article deals with generalized notions of preaching as a specific type of verbal communication. The author states that preaching exists in the religious sphere of communication as one of the fundamental genres of religious communication and points out that various aspects of the linguistic embodiment of the genre of modern English-language preaching represent a vast field for special research.

Key words: *style, text, verbal communication, Christian preaching.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

УДК 821.133.1.05

Дзвоник Евгения Олеговна,
ст. преподаватель кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dzvonick70@gmail.com

Дзвоник Дарья Александровна,
магистрант Института филологии
и социальных коммуникаций
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dashadvoncik@mail.ru

Постмодернизм во французской литературе второй половины XX века

В статье рассматриваются особенности такого литературного направления, как постмодернизм. Авторы отмечают трудности определения данного термина, а также его многогранность и неоднозначность; перечисляют общие темы и приемы, характерные для этого литературного течения, а также более подробно останавливаются на таком явлении, как демифологизация, приводят примеры произведений.

Ключевые слова: постмодернизм, демифологизация, тенденции, французская литература, полемика.

Направление постмодернизма в литературе возникло во второй половине XX века. Это литературное течение трактуется как реакция на военные ужасы, вопиющее нарушение прав человека, разруху послевоенного периода, а также отрицание идей века Просвещения, реализма и модернизма.

Если в модернизме главная цель автора – найти смысл в меняющемся мире, то писатели-постмодернисты говорят об отсутствии смысла происходящего. Они нивелируют закономерности и ставят фортуна, игру случая превыше всего. Ирония, черный юмор, фрагментарность повествования, смешение жанров, отсутствие канона – вот основные черты литературы постмодернизма. Постмодернизм в литературе, как и постмодернизм в целом, с трудом поддается определению – нет однозначного мнения относительно точных признаков феномена, его границ и значимости. Но, как и в случае с другими стилями в искусстве, литературу постмодернизма можно описать, сравнивая её с предшествующим стилем.

Цель статьи – рассмотреть особенности французского постмодернизма второй половины XX века.

Итак, первая статья о данном направлении появилась во Франции в 1977 году. Это была статья Г. Блейка «Американский постмодернизм». Перво-

начально термин относился к области архитектуры, пластических искусств, философии, эстетики, эпистемологии, а в 80-е годы вошел и в литературу. Несмотря на живую полемику и многочисленные обсуждения, термин вошел в обиход исследователей литературы многих стран, но во Франции он употреблялся в основном теоретиками, журналистами, но его суть оставалась неустойчивой, подвижной, неопределенной. В литературоведении и критике Франции фигурировали особые, специфические определения романной продукции 1960-80-х гг. («новый роман»), а тем более – последних десятилетий (неореализм, минимализм, автофикционализм и т. п.). Термин же «постмодернизм» оказался настолько не востребованным, что порой без него обходились целые монографии [1].

В 1979 году появилась ставшая впоследствии знаменитой книга Ж.-Ф. Лиотара «Постмодернистский удел». Говоря о противоречиях теории постмодернизма, нельзя не обратить внимание на некоторое смещение акцентов в позиции вышеназванного исследователя. В своем основополагающем труде по проблемам постмодернизма «Постмодернистский удел» Ж.-Ф. Лиотар писал, что «если все упростить до предела, то под «постмодернизмом» понимается недоверие к «метарассказам», эрозия веры в «великие повествования», то есть, недоверие к тем всеобъемлющим системам Разума, Прогресса, Истории, в которые веровал модернизм, но это было лишь «недоверие», а не «оппозиция» [3].

Один из парадоксов «постмодернизма», «постпостмодернизма», «неомодернизма», «сюрмодернизма» видится в том, что в любом случае акцент ставится на модернность и отношение к модерности, и соотношение с ней, что так или иначе определяет понимание современной литературы. В «Словаре литературоведческих терминов» Х. ван Горпа и Д. Делабастиа, указывается, что «Литературный постмодернизм обычно определяется в соотношении с модернизмом, с которым он порывает настолько, насколько и продолжает его: *«avec lequel il rompt autant qu'il le prolonge»* [4].

Складывается парадоксальная ситуация, когда ученые разных стран, размышляя о том, что же происходит в разных областях культуры после 80-х годов, не могут найти соответствующего определения и используют лишь приставку «пост», чтобы обозначить «постиндустриальное общество», «постмодерн», «постлиберализм», «постструктурализм», «посткультурные исследования», «посткультурный дискурс», «постколониализм», «постисторию», «посттеорию», указывая на некие еще не сформулированные трансформации в нашей культуре, которые произошли «после» и, очевидно, являются переходными к чему-то, пока неизвестному, недоступному для четкого формулирования. Однако приставка «пост» не столь однозначна, и ее трансформации и переосмысления в истории французской литературы дают значительный материал для прояснения специфики современной литературы и ее тенденций.

Для того, чтобы приблизительно представить сложность и многообразие литературы, которая условно относится к течению постмодернизма, перечислим общие темы и приемы. Ирония, игра, черный юмор, интертекстуальность, пастиш, метапроза, фабуляция, пойомеон, историографическая метапроза, временное искажение, магический реализм, технокультура и гиперре-

альность, паранойя, максимализм, минимализм, фрагментация. Достаточно добавить, что тема эта в литературе еще недостаточно изучена и дает простор для новых открытий, в частности, в теории литературы.

К этому списку можно добавить демифологизацию классических сюжетов. В этом русле следует упомянуть М. Турнье. Дебютный роман Турнье, который вышел гигантским для новичка тиражом 300 000 экземпляров, сразу обеспечил автору славу популярного писателя, принес Большую премию Французской академии и положил начало его знаменитым романам-мифам. Каждая следующая книга М. Турнье является, так или иначе, переосмыслением классических сюжетов: «Пятница» – «Робинзона Крузо» Д. Дефо, «Лесной царь» – баллады И. В. Гете, «Каспар, Мельхиор и Бальтазар» – библейской истории о волхвах, «Метеоры» – легенды о близнецах Касторе и Поллуксе, а также небольшие рассказы «Златобород», «Побег Мальчика-с-пальчик», в сюжетах которых читатель сразу узнает аллюзии на «Синюю Бороду» и сказку «Мальчик-с-пальчик». Сам писатель так комментирует свое творчество: «Я люблю обращаться к историям, которые всем хорошо известны. Но в этом заключается своего рода игра, которая состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить букву этой истории, не переворачивая ничего с ног на голову, но, с другой стороны, рассказать нечто совсем другое» [4].

А. Нотомб, известная франкоязычная бельгийская писательница, также в своем творчестве обращается к классическим французским сказкам, даже не утруждаясь дать другое название: «Синяя Борода», «Рикки с хохолком». Действие перенесено на подмостки современности, Париж в наши дни, но персонажи настолько четко прописаны, а сюжет приближен к классическому, что читатель с удивлением наблюдает, как типичная средневековая история вдруг становится актуальной и максимально понятной современникам.

Таким образом, одним из воплощений литературной практики постмодернизма, для которой характерно обильное использование интертекстуальных связей, стало «переписывание классики». Добавим несколько примеров: П. Мене («Госпожа Бовари показывает когти», 1988), Ж. Селях («Эмма, о Эмма!» 1992), Р. Жан («Мадемуазель Бовари», 1991) предлагают свои варианты развития классического сюжета, изменяя время действия, условия, вводя в романский мир фигуру самого автора, Г. Флобера. К. Пинно в своей «Истории маленького волка» также переписывает сказку, знакомую всем с детства «Красную Шапочку». Только теперь жертвой становится не девочка и бабушка, а сам волк – здесь возможно проследить влияние идей эмансипации.

Важную роль в понимании тенденций развития современной литературы сыграл colloquium «К картографии современного французского романа», который состоялся в Сорбонне 23–25 мая 2002 года. Центром научных исследований Сорбонны были изданы накануне colloquium Тетради «Исследования романа второй половины века», в которых намечены основные тенденции развития современного романа.

Один из организаторов colloquium, директор Центра научных исследований, парижский профессор М. Дамбр писал в предисловии к «Тетрадам» о том, что colloquium посвящен объективному изучению литературных феноменов, «вписанных в историю своего времени и своего искусства», литера-

туры, которая обращена к репрезентации своей цивилизации и ее представителей» [4]. М. Дамбр говорил о том, что актуальными становятся проблемы статуса вымысла, возвращения романного и романического, легитимности сюжета, различных модификаций современного литературного повествования. Осмысление новейших тенденций в современной французской литературе связано не только с появлением художественных явлений, не вписывающихся в постмодернистскую парадигму, но и с резервами и неисчислимыми вариациями постмодернизма.

Выход из кризиса «изнутри» постмодернизма видит профессор А. Куссо, которая указывает, что в творчестве писателей, которых многие критики относят к постмодернистам (М. Уэльбека, Ф. Бона, Ж. Броннера, Ф. Клоделя и других), можно увидеть «возвращение» к репрезентации сиюминутной реальности, а их персонажи детерминированы современной действительностью, их видение мира в контексте социального и исторического детерминизма стало одной из отличительных особенностей эволюции современного повествования [2].

Размышляя над отказом постмодернистов от «исторической иллюзии», над концепцией мира как фильма без сценария, А. Куссо отмечает, что «возвращение» рассказа и «возвращение» к рассказу в литературе конца XX века – лишь кажущийся парадокс (рассказ – специфическая черта литературы постмодерности) [2]. Постмодернисты отрицают «идеологизированную историю», «великие метаповествования» и возвращение к личным «маленьким историям», что как раз и отвечает мысли Ж.-Ф. Лиотара [3].

Но все эти авторы называют свои произведения «романами», и за их фрагментарными повествованиями вырисовывается жажда романного как стремление воплотить – во что бы то ни стало! – подобие целостности, смысл. Фрагментарное повествование обретает «романный горизонт» под влиянием «вкраплений» из библейских текстов, исторических источников, свидетельств. Родится подвижное единство, некое равновесие между сборником фрагментов и романом. Этот «романный горизонт» способствует обретению смысла, намечает возрождение традиции историчности.

Основная структура таких романов – «романы воспитания». Герой в пути, духовном росте, но каждый раз этот путь не завершен и героическое положение персонажа шатко. Особенно ярко это подчеркивают детально проанализированные в работе А. Куссо [2] открытые концовки романов, которые амбивалентны и дают возможность прочитать их и как поражение героя, и как его духовную победу. И хотя развернутой эволюции персонажа, как в классическом романе воспитания, здесь нет, но в то же время ощущение духовного пути, топоса воспитания в этих произведениях явственны и чрезвычайно важны как проявление новой тенденции в развитии современного французского романа.

Статья А. Куссо в целом доказывает, что традиции романного и романического, которые были «разгромлены» новым романом, текстуализмом, по-своему возрождаясь, обновляются в современной французской литературе, и их обновление часто идет «изнутри» тех произведений, которые чаще всего называют «постмодернистскими» [2].

Такая постановка вопроса позволяет по-новому взглянуть на полемику о невозможности новизны в постмодернизме, о путях преодоления кризиса французского романа в постмодернистской ситуации, а также дает новые направления для исследований в теории и практике современной французской литературы.

Список литературы

1. **Blanckeman, B.** Les fictions singulières / B. Blanckeman // Etude sur le roman français contemporain. – Paris : Leotar, 2002. – P. 122–156.
2. **Cousseau, A.** Postmodernité: retour au récit à la tentation romanesque / A. Cousseau // Vers une cartographie du roman contemporain. Cahier du Centre de Recherche «Études sur le roman du second demi- siècle». – 2002. – № 1. – P. 13–19.
3. **Lyotard, J.-F.** La condition postmoderne: Rapport sur le savoir dans les sociétés les plus développées / J.-F. Lyotard. – Paris : Edacious, 1979. – 246 p.
4. **Шевякова, Э. Н.** Особенности постмодернизма во Франции / Э. Н. Шевякова // Вопросы филологии. – 2009. – №2 (32). – С. 68–74.

**Dzvonik E. O.,
Dzvonik D. A.**

Postmodernism in French Literature of the Second Half of the Twentieth Century

The article examines the features of the literary trend of postmodernism. The authors note the difficulties of defining the term «postmodernism», as well as its versatility and ambiguity, analyze common themes and techniques as characteristic features of this literary trend, as well as dwell in more detail on such a phenomenon as demythologization, give examples of books.

Key words: postmodernism, demythologization, trends, French literature, polemic.

Ли Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии,
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
ekaterina.li.93@mail.ru

Анализ аллюзий в творчестве Кафки Асагири (на материале ранобэ «Великий из бродячих псов»)

В данной статье рассматривается ранобэ «Великий из бродячих псов» Кафки Асагири и аллюзии на другие литературные произведения. Через призму анализа образов персонажей особое внимание уделено влиянию на популяризацию классических японских произведений.

Ключевые слова: аллюзии, ранобэ, лайт-новелла.

В последнее время в мире значительно возрос интерес к японской литературе, истории и к культуре в целом. Самобытные элементы национальной культуры, знакомство с японской литературой позволяют нам прикоснуться к духовному миру японского народа.

Японская литература имеет богатую историю и считается одной из ведущих литератур в мире, включающей в себя множество жанров, каждый из которых служит отражением своего времени, что и вызывает неподдельный интерес со стороны исследователей. Каждая эпоха в истории страны непременно приносила в общую сокровищницу произведений некий новый жанр, превращая его в визитную карточку своего времени.

Как известно, свою историю японцы хронологически упорядочивают по китайскому образцу – *нэнго* («эпоха»), поэтому делят ее на отрезки по годам правления императоров. Каждая из эпох была не похожа на другую, так как они отражали внутреннее состояние страны и восприятие мира гражданами, живущими в ней. Одни из них благоволили к созданию эстетически прекрасных произведений в различных сферах искусства, другие же сосредоточились на боевых действиях, что привнесло больше развития в политической сфере, но несмотря на это не оставило совсем в стороне и искусство, привнеся более жестокие и реалистичные произведения. Но несомненно, каждая из них вынесла на поверхность истории новые события и имена героев, пополнив национальную сокровищницу значимых произведений.

С наступлением XX века Япония переживает послевоенную глобализацию, начинается популяризация американской культуры, что стало толчком к созданию таких литературных жанров, как *манга* (японские комиксы) и *ранобэ* (сокращение от японского райто-нобэру, которое в свою очередь произошло от двух английских слов «light» и «novel»). Это иллюстрированные книги в мягких обложках, чаще ориентированные на молодую аудиторию. Они, как правило, написаны легким, разговорным языком, такие произведения зачастую приобретают печатную версию при условии достижения элек-

тронными вариантами наибольшего количества положительных отзывов на интернет-платформах.

Изучению литературы Страны восходящего солнца посвящали свои труды такие великие ученые-японисты, как Т. П. Григорьева, Н. И. Кондрад, В. А. Матвеев, Н. И. Фельдман и др. Несмотря на то, что творчеству японских авторов посвящено множество исследований, все они в основном фокусируются лишь на самых популярных и наиболее известных произведениях. Однако в последнее десятилетие интерес к японской литературе заметно возрос, что во многом связано с упоминанием имен писателей и их произведений в одних из самых распространенных видов современной литературы Японии – манга и ранобэ.

Целью данной статьи является изучение интертекстуальности в жанре лайт-новеллы как вида художественной литературы Японии на материале ранобэ Кафки Асагири «Великий из бродячих псов».

В настоящее время ранобэ как художественное и культурное явление вызывает интерес не только в Японии, но и в других странах: в Азии, в Европе, США, Австралии, а также России. Можно сказать, что в силу своей поливариативности, способности к взаимодействию с другими видами искусства, умению откликаться на проблемы современного социума, восприимчивости к различным технологическим инновациям лайт-новеллы представляют собой интересный феномен сегодняшней культуры. Писатели то и дело пытаются раскрыть специфику мышления своего народа, используя все возможные культурные и литературные отсылки, которые являются популярной формой литературной интертекстуальности. Подобные «включения» к предшествующим литературным фактам принято называть аллюзией (от лат. «alludere» – «играть или шутить»).

Литературовед Н. Г. Владимирова определила аллюзию как «стилистическую фигуру, намек на известный литературный или исторический факт, риторическую фигуру» [2, с. 33]. Советский и русский литературовед А. П. Квятковский трактует аллюзию как «намек, употребление в речи или в художественном произведении ходового нарицательного выражения, являющегося намеком на известный исторический, литературный или бытовой факт» [4, с. 14]. В словаре литературоведческих терминов С. П. Белокурова дается схожее определение: «Сознательный авторский намек на общеизвестный литературный или исторический факт, а также известное художественное произведение» [1, с. 15].

В этой связи стоит обратить внимание на литературное произведение «Великий из бродячих псов» Кафки Асагири. Мир данного ранобэ похож на послевоенную Японию и Японию нулевых. Сюжет базируется на противостоянии различных группировок и организаций, разных по степени легальности – от правительственного «Комитета по делам одаренных» до «Портовой Мафии», курирующей теневую жизнь города Йокогамы, где и происходят все события.

И мир, и сюжет «Псов» не слишком выделяются среди прочих представителей жанра сёнэн (жанра, целевая аудитория которого мальчики-подростки), наполненного приключениями и сражениями, о спасении мира, верности и дружбе.

При этом прототипами персонажей являются известные японские писатели конца XIX – начала XX веков. Позже их дополняют писатели со всего мира: от Ф. С. Фицджеральда и Г. Лавкрафта до Ф. М. Достоевского, А. С. Пушкина и Агаты Кристи. В образах персонажей отражены некоторые моменты и взаимоотношения из биографии писателей, а в сюжете достаточно отсылок на содержания их произведений. Таким образом, авторы отсылают нас к реальным произведениям реальных авторов, используя прием аллюзии.

Действия разворачиваются в мире, в котором существуют «эсперы» – люди, обладающие сверхъестественными способностями. Например, прототипом главного героя Осаму Дадзая является один из великих прозаиков начала XX века. Писатель Дадзай – морально подавленный человек, несколько раз пытающийся совершить самоубийство. Герой же ранобэ унаследовал этот депрессивный склад ума, а попытки суицида стали для него практически хобби. Не случайно любимой книгой персонажа является реально существующее «Полное руководство по самоубийству» Ватару Цуруми (1993), которое стало бестселлером в начале 90-х годов.

Осаму Дадзай считается классиком современного японского эго-романа. Он соединил в своих произведениях древние традиции исконно японской прозы и традиции западного исповедального романа. Также О. Дадзай стал популяризатором старинной исповедальной традиции в японской литературе, при которой произведение составляется в форме личного дневника. Он много пишет об отчужденных от общества, «лишних» людях, к которым всю жизнь причисляет и себя.

Персонаж Дадзай обладает способностью «Неполноценный человек», которое позволяет его хозяину отменять действие любой способности и таким образом временно превращает эспера в обычного человека. Данное умение – прямая аллюзия на повесть «Исповедь неполноценного человека», рассказывающая об Обо Ёдзо, мужчине, который не способен раскрыться другим людям и поэтому вынужден играть роль беззаботного шутника, отказывающего себе в праве называться человеком.

Поэтесса-феминистка Ёсано Акико также подарила свое имя одной из героинь. Она выступала за независимость женщин и не раз подвергалась жесткой критике за откровенный эротизм некоторых стихотворений. Основная тема ее лирики – любовь.

Стихотворение «Не отдавай, любимый, жизнь свою» (автор Ёсано Акико) в свое время вызвало бурю негодования в японском обществе, ведь оно посвящено любимому брату поэтессы, который находился в войсках, осаждавших Порт-Артур. Название способности «Не отдавай свою жизнь» героини Ёсано из новеллы точно воспроизводит название стихотворения и позволяет ей мгновенно вылечить смертельные раны тех, кто уже на пороге смерти. Профессор В. В. Фёдоров утверждал, что поэтическое бытие овладевает словесной формой бытия, однако оно способно лишь привести мироздание в гармонию: «Это состояние не может быть осуществлено положительной и тем более отрицательной односторонностью, но разрешить их антиномию может только любовь» [6, с. 114].

Кэндзи Миядзава – честный деревенский паренек в новелле и японский поэт и автор детской литературы в реальной жизни. Один из самых лю-

бимых и почитаемых писателей в Японии, однако малоизвестный за ее пределами. Был ревностным приверженцем буддийской Сутры Лотоса, смысл которой он пытался донести в своих произведениях. «Прелесть произведений Кэндзи в их высоком идеализме, уникальном виденье мира, аграризме и религиозной вере, а также богатом и красочном словарном запасе» [7, с. 12].

Кэндзи Миядзава – еще один персонаж, опирающийся на стереотипы, связанные с реальным автором. В его сказках, рассказах и поэзии нет упоминания больших городов, однако есть японская глубинка, говорящие звери и люди, живущие в единении с природой. Сам Миядзава в ранобэ родом из деревеньки Ихатово (так Миядзава называл свою родную префектуру Иватэ, так оно звучало на языке эсперанто, который он изучал) расположенной в такой глубинке, что там жители не используют деньги, а единственная забота полиции – чинить трубы и спасать кошек.

В предисловии к сборнику сказок «*Звезда Коздоя*» писателя Миядзава Кэндзи есть стихотворение «*Устоять перед дождем*», которое является одноименным с названием способности юного детектива «Вооруженного детективного агентства», проявляющейся только тогда, когда он голоден.

Малоизвестный за пределами Японии писатель-китаист *Ацуси Накадзима* выступает одним из главных героев новеллы. Писатель был большим поклонником творчества Франца Кафки. По аналогии со знаменитым романом «Превращение» А. Накадзима написал рассказ «История поэта», о чиновнике, который превратился в тигра. В отличие от Ф. Кафки, автор не стремился показать «абсурдность бытия», а возвышал моральные качества, заложенные в человеке. Произведения А. Накадзима далеки от политических веяний его времени. Он старался писать для молодого поколения, чтобы помочь найти себя. Рассказы наполнены поиском смысла и попытками ответить на вопрос о предназначении человека, его истинной сущности.

Способностью главного героя А. Накадзимы является превращение в тигра при виде полной луны. Название «*Зверь лунного света*» не совпадает с оригиналом. Ранобэ напрямую заимствует превращение в зверя как сверхспособность, но не его характер. А. Накадзима здесь сравнительно типичный главный герой, с которым происходят различные приключения.

Писатель *Эдогава Рампо* – это Э. А. По и А. Конан Дойль в одном лице. Этот псевдоним, записанный японской слоговой азбукой с оригинальным порядком фамилия-имя, означает «Эдгар Аллан По». В реальной же жизни Рампо – писатель и критик, считающийся основателем современного детектива. Этот человек за свою жизнь проделал колоссальный труд для развития литературного детектива в Японии, по сути «открыв» этот жанр для современной японской литературы. Главным действующим лицом многих его произведений стал детектив К. Акэти. Как правило, он – не главный герой истории, а лишь резонер, вспомогательный элемент, дающий герою, расследующему преступление, подсказку и выводящий его к истине. Образ Акэти в Японии широко известен, он стал частью массовой культуры в не меньшей степени, чем Шерлок Холмс А. Конан Дойля – на Западе.

Гениальный детектив, моментально раскрывающий любые дела независимо от их сложности, Эдогава Рампо наделен умением, позволяющим раз-

гадать любую загадку, выяснить правду о месте преступления и указать на преступника за счет своей «Сверхдедукции». В действительности же Рампо от природы умный и наблюдательный, не обладающий никакой сверхъестественной способностью, однако сам он уверен, что является эспером. В детективном романе Р. Нокса вторая заповедь гласит, что для поиска разгадки «исключается действие сверхъестественных или потусторонних сил», следовательно, название способности носит интертекстуальный характер.

Кёка Идзуми – автор мистических романов. Творчество Идзуми приходится на довоенные годы. Помимо романов сочинял также стихотворения в форме хайку. Для его произведений характерны особый романтизм и мистицизм, на который вдохновила его литература эпохи Эдо. Типичный для писателя образ героя – женщина, являющаяся жертвой, но символизирующая бунт против оков социальных условностей. Можно сказать, что персонаж Кёко в новелле отсылает нас не столько к автору, сколько к образам его героинь. Девушка из страха работает на Портовую Мафию, но в то же время считает, что заслуживает смерти за свои преступления, а присоединившись к Агентству пытается всем доказать, что она не просто убийца.

Кёка Идзуми – хрупкая девушка, способная вызвать демона, выполняющего ее приказы посредством мобильного телефона, который она всегда держит при себе. Название способности «Снежный демон» происходит от пьесы К. Идзуми и имени принцессы Сираюки, принесенной по сюжету в жертву дракону. Описание демона в ранобэ схоже с изображениями в постановках и экранизации.

Куникида Doppo предстает очень серьезным, но слегка вспыльчивым молодым человеком. Всю свою жизнь документирует в записной книжке. Живший в реальности автор тоже скрупулезно вел дневник, напечатанный уже после его смерти. В период активной литературной деятельности писал на разные темы: стихи о природе и человечности, о разочаровании в цивилизации и стремлении уйти от мирской суеты. Он начинал как идеалист, но к концу жизни склонился к натурализму. В своих книгах он стремился обличить пороки современного ему общества. Как и персонаж ранобэ, он работал учителем математики. Таким образом, в этом герое собрали множество разных деталей биографии прототипа.

Куникида Doppo – напарник Дадзая, обладающий способностью «Поэзия Doppo», которая позволяет материализовать любой предмет, написанный на листке бумаги, являющийся намеком на небольшой сборник стихов Куникиды. Также К. Асагири обратил внимание на страсть персонажа, связанную ведением дневника, на обложке которого написано «*risou*» – «идеал». В данном случае мы наблюдаем отождествление реального писателя и героя, ведь Куникида Doppo был приверженцем идеалистического направления, но со временем его творчество стало тяготеть к натуралистическим тенденциям.

Главный антагонист ранобэ – Акутагава Рюноске – мрачный юноша, часто утверждающий, что люди слабы и беспомощны. Данный персонаж обладает способностью «Расёмон», позволяющей превращать его плащ в монстра, пожирающего все на своем пути. Персонаж новеллы не только заимствует у произведения название для сверхспособности, а также историю его жизни,

которая практически полностью тождественна судьбе главного героя из «Ворота Расёмон».

Дзюньитиро Танидзаки со сверхспособностью «Мелкий снег» – легкомысленный юноша в ранобэ и литературный новатор в реальной жизни. Несмотря на использование аллюзий на роман Дзюньитиро Танидзаки «Мелкий снег» или «Снежный пейзаж», анализируемое произведение не имеет отношения к содержанию. В названиях вышеуказанных произведений снег символизирует нечто приходящее, иллюзорное, поэтому способность Танидзаки создавать иллюзию в пространстве следует этому канону.

Сестра Дзюньитиро Танидзаки – Наоми – главная героиня романа «Любовь глунца», являющаяся спутницей жизни в оригинальном произведении, характеризуется как самоуверенная, властная девушка, держащая своего брата в «ежовых рукавицах» и символизирующая образ роковых женщин романов Танидзаки. Существует предположение, что в образе Наоми автор описал собственную сводную сестру Сэйко. Подобное заимствование образной системы из ранних произведений автора можно расценить как аллюзию.

На данный момент новелла «Великий из бродячих псов» пользуется спросом у широкой аудитории, следовательно, можно сказать, что данный неординарный способ продвижения японской литературы лишь способствует популяризации классических произведений. Мемориальный музей Ёсано Акико в Сакаи организовал выставку при участии создателей «Великого из бродячих псов», которую посетили почти восемь тысяч человек. Дирекция музея отмечает, что интерес молодых людей легко перекидывается с ранобэ на реальных писателей и их произведения.

Однако аудитория читателей ранобэ ограничена, так как в основном данный жанр предназначен для подростков и молодежи. Кроме того, новелла популярна за пределами Японии, следовательно, мы можем предположить, что лайт-новелла «Великий из бродячих псов» привлечет не только японскую молодежь, но и зарубежных читателей.

Учитывая малоизученность жанра ранобэ, являющегося народным достоянием японцев и сочетающего в себе не только лингвистические, но и культурные особенности, возникает необходимость в детальном изучении аллюзий в современной японской литературе.

Список литературы

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб. : Паритет, 2006. – 320 с.
2. Владимирова, Н. Г. Условность, созидаящая мир / Н. Г. Владимирова. – В. Новгород, 2001. – 144 с.
3. Григорьева, Т. П. Японская литература XX века / Т. П. Григорьева. – М. : Худож. лит., 1983. – 416 с.
4. Квятковский, А. П. Словарь поэтических терминов / А. П. Квятковский; под ред. С. М. Бонди. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 240 с.
5. Ксимилов, Г. Г. Обзор истории современной японской литературы / Г. Г. Ксимилов. – Х., Канцелярия Приамурского генерал-губернатора, 1909. – 121 с.

6. **Фёдоров, В. В.** Мир как слово / В. В. Фёдоров. – СПб. : НОРД-ПРЕСС, 2008. – 120 с.
7. **Iwasaka, M.** Ghosts And The Japanese: Cultural Experience in Japanese Death Legends / M. Iwasaka. – Utah: Utah State University Press, 1994. – 342

Li E. S.

**Analysis of Allusions in the Works of Kafka Asagiri
(on the Material of Ranobe «The Great of the Wandering Dogs»)**

This article examines Kafka Asagiri's «The Great of the Wandering Dogs» novel and allusions to other literary works. Through the prism of analyzing characters' images, special attention is paid to the influence of the popularization of classic Japanese works.

Key words: *allusions, light novel, light novel.*

УДК 811.581.19

Чередниченко Виталия Михайловна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
air120896@gmail.com

Латышева Виктория Сергеевна,
преподаватель кафедры английской и
восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
victorizyx@gmail.com

Четыре главных классических памятника китайской литературы

В данной статье рассматриваются четыре великих классических романа (四大名著): «Путешествие на Запад», «Речные заводы», «Троецарствие» и «Сон в красном тереме», которые оказали наибольшее влияние на развитие китайской литературной традиции.

Ключевые слова: китайская литература, классический роман, «Путешествие на Запад», «Речные заводы», «Троецарствие», «Сон в красном тереме».

Китайская литература зародилась еще в древности, поэтому имеет долгую историю становления и развития. Исходя из письменных памятников, которые сохранились до наших дней, можно сделать вывод, что история китайской литературы насчитывает около 3000 лет. Все слои общества относились к литературе с признанием и уважением, так как знание литературы считалось обязательным для образованного человека.

Цель статьи – рассмотреть и проанализировать четыре главных классических памятника китайской литературы.

Среди памятников китайской художественной литературы выделяют четыре произведения, которые больше остальных повлияли на развитие китайской литературной традиции. Это такие романы, как «Троецарствие» Ло Гуаньчжуна, «Речные заводы» Ши Найяня, «Путешествие на Запад» У Чэнэня и «Сон в красном тереме» Цао Сюэциня. Их принято называть – «Четыре великих творения» или «Четыре классических романа» Китая [1]. Эти произведения объединили в себе историю, войны, волшебство и быт простых людей.

Роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (三国演义 [Sānguó Yǎnyì]) оказал сильное влияние на весь жанр исторического повествования. После него появилось множество литературных произведений, в которых реальные исторические события и художественный вымысел переплетались самым поразительным образом и порождали невероятные сюжетные повороты. Среди них были истории о китайских династиях и исторические романы, повествующие об отдельных династиях.

Исторический роман «Троецарствие» состоит из 120 глав, содержит более 800 тысяч слов и включает в себя около 1000 исторических личностей. В основе сюжета лежит междоусобная борьба 184–280 гг. за власть между тремя царствами – царством Шу во главе с Лю Бэем, царством У во главе с Сунь Цюанем и царством Вэй во главе с Цао Цао. Действие романа разворачивается вокруг владений Шу, царства, построенного знатным военачальником, и затрагивает его противоречие с соседними царствами.

В произведении с большой точностью излагаются невероятные стратегии, использовавшиеся в сражениях между этими царствами. Ло Гуаньчжун разработал живой диалог и придал жизненность главным персонажам. В мельчайших деталях описываются политика, дипломатия, идеология и нравственность. Сюжет романа заставляет задуматься, а герой при этом вынужден делать выбор, часто трагический, между преданностью и политическими последствиями.

Форма исторических повествований получила широкое распространение среди авторов вплоть до XX в. Наравне с историческими повествованиями, популярными стали и романы, сюжет которых основывался не только на исторических событиях, но и на художественной фантазии автора, часто играющей первостепенную роль. Так, роман Ши Найяня «Речные заводы» (水浒传 [Shuǐ hǔ zhuàn]) является прекрасным примером китайской художественной классической литературы и по праву считается одним из лучших романов своего времени в культурном наследии китайского народа [2]. Он оказал невероятное влияние на развитие героико-приключенческого жанра. Существует множество так называемых «продолжений», в которых задействованы те же герои или развиваются отдельные эпизоды романа. Большое влияние роман оказал на специфичный жанр «судебного романа» («гунъань сяошо»).

Роман «Речные заводы» является одним из первых китайских романов, который был написан в жанре авантюрно-героической эпопеи или как его еще называют «рыцарского» романа. Его сюжет связан с историческими событиями, относящимися к концу династии Северная Сун XI–XII вв. Первоначальное издание романа имело 100 глав, но в XVII в. литератор Цзинь Шэнтань сократил структуру романа до 70 глав и добавил к ним комментарии.

В романе подробно описан сунский императорский двор и его ближайшее окружение. Слабость и беспомощность центральной власти подчеркивается интригами со стороны сановников злодеев Тун Гуань, Гао Цю и Цай Цзин, которые предали свое государство. Из-за несправедливости люди подняли мятеж, они хотели защитить свою родину и свой народ. Выходцы из речных заводов ставят перед собой цель наказать злодеев чиновников, которые окружают императора. Подвиги и приключения мятежников во главе с Сун Цзяном являются важной составляющей частью романа, также в тексте прослеживается повествование о борьбе «дворца» против мятежника Фан Ла. В конце романа происходит призыв к спокойствию, в соответствии с которым оставшиеся в живых герои вступают в примирение с троном. В произведении встречается немало элементов, описанных в песенно-повествовательных жанрах.

Сюжеты «Речных заводов» и «Троецарствия» часто ложатся в основу театральных пьес и представлений.

Средневековая проза на байхуа содержит множество фантастических сюжетов. Характерные черты этого жанра проявили себя в романе-эпосе У Чэнэня «Путешествие на Запад» (西游记 [Xī Yóu Jì]). Роман рассказывает о невероятном путешествии монаха и его учеников по Шелковому пути в Индию [3].

Данное произведение является первым романом Китая, которое написано в авантюрно-фантастическом жанре. У Чэнэнь описывает историю, основанную на реальных событиях. Это странствия танского монаха Сюаньцзана в 600–664 гг. в Индию, по Шелковому пути, в поисках священных книг, которыми являются буддийские сутры. Это изложение заметок, сделанных во время семнадцатилетних странствий Сюаньцзана по Центральной и Южной Азии, и фольклорные источники – легенды и сказания [5].

По возвращению монах поделился увиденным во время своих путешествий, что легло в основу «Записок о Западных краях во времена Великой династии Тан». Его последователи составили подробное описание жизненного пути своего учителя, где реальность переплелась с легендами и небылицами. В романе часто присутствует аллегория, где волшебство символизирует борьбу добра и зла. Встречаются фантастические персонажи, которым присущ иносказательный смысл, а в поступках героев прослеживаются земные страсти и человеческие чувства.

Позже появилось огромное количество произведений на похожую тему, чье содержание основывается на фольклорных и письменных источниках, существовавших еще в эпоху Хань.

Со временем повествовательная проза стала чаще рассказывать об обычной человеческой жизни, в произведениях начали появляться представители средних и низших слоев общества. Одним из самых выдающихся произведений, которое описывает нравы китайского общества, является роман Цао Сюэциня «Сон в красном тереме» (红楼梦 [Hónglóu Mèng]). Изначально у романа были иные названия, которые раскрывали важную содержательную сторону произведения. Например, название «Записки о Камне» – отражало мифологическую и метафизическую сторону сюжета; название «Судьба Золота и Яшмы» – намекало на связь между человеческими жизнями; название «Повествование о двенадцати шпильках Цзиньлина» – говорило о судьбе двенадцати женских персонажей.

«Сон в красном тереме» – самое распространенное название, оно подразумевает историю жизни знатного аристократического семейства, которая проходит словно во сне, потому что она ложная и иллюзорная. Данному роману присущи автобиографические, семейные и даже политические черты, но больше всего ему присущи черты романа о нравах [4].

Первые 80 глав произведения были написаны Цао Сюэцинем и вышли в свет под названием «Записки о камне», незадолго до его смерти. В 1791 г. издатель Гао Э опубликовал ещё сорок глав, завершив сюжетную линию романа и дав ему нынешнее название [6].

Сюжет романа завязан на судьбе одного клана родственников. Автор выделяет наигранность, искусственность жизни данного дома, подробно описывая все семейные обряды: молебны, пиршества, выходы в люди, стихотвор-

ческие вечера и театральные постановки. Несмотря на всю идеальность, здесь присутствует лживость, неустойчивость, то, что разрушает устои этой семьи изнутри. Вражда проявляется между старшим и младшим поколением, между мужчинами и женщинами, между хозяевами и слугами. В семье царит лицемерие и скрывается истина: зависть, ненависть, глупость. Отношения между членами семейства наполнены конфликтами и заговорами.

Это первый роман, где писатель детально раскрывает переживания героев и смену их настроений. В романе перемешаны элементы автобиографического толка и выдумки, события повседневности чередуются со сверхъестественными происшествиями. Художественные достоинства романа принесли ему огромную популярность, в XIX в. появилось множество «продолжений» романа, но ни одно из них так и не достигло художественного уровня оригинала.

Самая значимая причина классического характера данных литературных памятников заключается в том, что все они стали основателями своего жанра и оказали сильное влияние на последующее развитие литературных жанров. Произведение «Речные заводы» – первый роман, написанный в приключенческо-литературном жанре. Роман «Троецарствие» – первое авторское эпическое произведение, посвященное эпохе троецарствия. Становление жанра фантастической эпопеи начинается с романа «Путешествие на Запад». Роман «Сон в красном тереме» собрал в себе все достижения ранних произведений классики Китая, в нем объединены фантастика, подробное описание быта, показано истинное описание нравов знати и нижних слоев общества.

Важность этих романов заключается в том, что в основе сюжетов лежат реальные исторические события, основой для которых служили старинные предания и историографическая хроника. Таким образом, историческая основа романов показывает, что это не просто повествование, а сокровищница знаний реальной жизни китайского народа. Перспективы дальнейших исследований мы видим в изучении особенностей китайской современной литературы.

Список литературы

1. **Малышев, Г. И.** Роль «Четырех классических романов» в литературе Китая / Г. И. Малышев, Д. П. Буров // ЯЗЫК И КУЛЬТУРА. Сборник статей XXVII Международной научной конференции. – 2017. – С. 343–345.
2. **Мыщик, Ю. С.** Речные заводы – первый китайский роман в стиле «уся» / Ю. С. Мыщик // Филология и лингвистика в современном обществе : материалы II междунар. науч. конф. – С. 50–52.
3. **Никольская, С. В.** Буддийские мотивы в романе У Чэнэня «Путешествие на Запад» (XVI в.) / С. В. Никольская // Философские вопросы буддизма. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 114–123.
4. **Трунова, А. С.** Китайский классический роман «Сон в красном тереме» и его продолжения / А. С. Трунова // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2016. – № 2. – С. 29–37.
5. **Соловьева, А. В.** Жемчужины китайской литературы / А. В. Соловьева // Редкие Земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rareearth.ru/pub/20140414/00558.html>, свободный. (Дата обращения: 13.06.2021 г.).

6. Сон в красном тереме [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.abirus.ru/content/564/623/625/645/654/12137/12142.html>, свободный. (Дата обращения: 13.06.2021 г.).

**Cherednichenko V. M.,
Latysheva V. S.**

The Four Major Classics of Chinese Literature

This article discusses the four great classical novels (四大名著): «Journey to the West», «Water Margin», «Romance of the Three Kingdoms», and «Dream of the Red Chamber», which have had the greatest influence on the development of the Chinese literary tradition.

Key words: Chinese literature, classical novel, «Journey to the West», «Water Margin», «Romance of the Three Kingdoms», «Dream of the Red Chamber».

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.016:81'243

Гребеник Игорь Анатольевич,
аспирант кафедры педагогики
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
engstudy2020@mail.ru

Педагогические аспекты развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранный язык у студентов неязыковых специальностей технического вуза

В данной статье был изучен и проанализирован вопрос педагогических аспектов развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического университета. На основе анализа автор пришел к выводу, что развитие прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей является практически необходимым и целесообразным условием обучения. Развитие прагматического компонента у студентов неязыковых специальностей должно осуществляться посредством овладения определенными аспектами: степени адаптации к речевым ситуациям, умения вести диалог, развития темы высказывания, целостности и связности высказываний. С целью развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка необходимо изучать правила, нормы и этикет речевого взаимодействия, использовать современные профессионально-ориентированные тексты, чтобы приблизить учебную ситуацию к реальной среде речевого общения.

Ключевые слова: прагматический компонент, формирование специальных знаний и навыков, профессионально-ориентированный текст, коммуникативная компетенция иностранного языка, неязыковая специальность.

В настоящее время, в контексте формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей, актуальное значение приобретает развитие прагматического компонента, который является одной из приоритетных задач обучения иностранному языку в техническом высшем учебном заведении. Иностранный язык (английский) выступает в качестве универсального средства для реализации поставленных профессиональных целей и осуществления успешной профессиональной деятельности. Формирование прагматического компонента коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей должно осуществляться поэтапно и последовательно, посредством изучения

правил, норм и приемов иноязычного речевого взаимодействия, которые призваны обеспечить эффективность речевого общения в условиях профессионального взаимодействия и сотрудничества.

Целью данной статьи является изучение и анализ педагогических аспектов развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического высшего учебного заведения.

Исследованиям теоретических особенностей и специфики развития прагматического компонента (компетенции) в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического высшего учебного заведения посвящены научные работы многих современных педагогов, ученых-методистов и лингвистов: Е. Б. Гришаевой, И. В. Кожуховой, Н. И. Колотовой, Л. Г. Копревой, М. В. Овчинниковой, Л. Н. Полуниной, С. В. Шустовой, Н. М. Царенко и др.

Следует сказать, что развитие прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей технического вуза занимает актуальное место в методике и практике иноязычного образования в современное время. Отметим, что прагматическая компетенция, согласно новому словарю методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) под редакцией Э. Г. Азимова, предполагает: а) знание правил построения и объединения высказываний в текст (дискурс) (компетенция дискурса); б) умение практически применять высказывания для выполнения различных коммуникативных функций (функциональная компетенция); в) умение последовательно строить высказывание в соответствии со схемами речевого взаимодействия (компетенция схематического построения речи). Выражается в способности построения высказывания в соответствии с коммуникативной и прагматической целью. Компетенция дискурса включает умение упорядочить предложения в единый связный текст с учетом темы, известной или новой информацией, стиля и регистра общения, воздействия на собеседника. Овладение учащимися прагматической компетенцией включает следующие аспекты: степень адаптации к речевым ситуациям, умение вести диалог, развитие темы высказывания, целостность и связность высказывания [1, с. 208].

В контексте нашего исследования особое значение имеет формирование коммуникативной компетенции, которая в соответствии с документом Совета Европы «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка» представляет собой сложное, многоуровневое понятие и состоит из трех компонентов (компетенций): лингвистической, социолингвистической и прагматической. В рамках данной статьи детально проанализируем прагматический компонент коммуникативной компетенции. Так, под прагматической компетенцией (компонентом) следует понимать знание основных языковых и речевых правил, норм и принципов изучаемого (иностранного) языка, в соответствии с которыми речевые высказывания: 1) организованы, структурированы и упорядочены («дискурсивная компетенция»); 2) практически используются для выполнения определенных коммуникативных функций («функциональная компетенция») [3].

Необходимо отметить, что в процессе обучения студентов неязыковых направлений подготовки технического вуза дисциплинам «Иностранный язык (английский)» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» прагматическая компетенция выступает в качестве значимого составного компонента коммуникативной компетенции и важного элемента образования в целом, так как должна помочь в формировании специальных знаний и навыков в понимании, интерпретации и воспроизведении речевого иноязычного общения (устного и письменного). Данная компетенция предполагает учитывать в речевом общении определенные условия: а) социально-бытовой и профессиональный контекст; б) спонтанность и ситуативность высказываний; в) целесообразность и адекватность речевых высказываний. Важным условием развития прагматической компетенции у обучающихся является работа с профессионально-ориентированными текстовыми материалами и литературой, речевое иноязычное общение на общекультурные, профессиональные и специальные темы, изучение и овладение речевыми нормами и этикетом [2].

В рамках формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей развитие прагматического компонента должно осуществляться поэтапно и последовательно. На первом этапе необходимо помочь обучающимся в осмыслении функциональной направленности иностранной речи в сравнении с функциями родного языка. На данном этапе необходимо научиться анализировать приемлемость и адекватность коммуникативных моделей в соответствии с определенными ситуациями общения. Второй этап предполагает систематизацию коммуникативного опыта, что оказывает воздействие на формирование навыка к функциональному анализу и интуитивному выбору средств коммуникативной прагматики. Третий этап предполагает развитие прагматических знаний и навыков в осуществлении спонтанной и творческой речевой деятельности на иностранном языке [4].

Отметим, что целесообразное развитие прагматической компетенции может обеспечить достижение успеха в реализации коммуникативных планов и задач: знакомства и установления контакта с собеседником, выражения собственного мнения или оценки по заданной тематике, побуждения собеседника к определенным действиям, эффективности воздействия высказываний на поведение собеседника. Однако в случае, если прагматический компонент не учитывается в процессе обучения студентов навыкам речевого иноязычного общения, то при овладении языковыми структурами не всегда происходит соотнесение данных норм с конкретной коммуникативной задачей в определённо-заданной ситуации [4].

Необходимо отметить, что развитию прагматического компонента у студентов неязыковых профилей подготовки технического вуза, в рамках дисциплин «Иностранный язык (английский)» и «Иностранный язык в профессиональной сфере», следует уделять большое внимание, т. к. данный компонент играет важную роль в понимании и восприятии межкультурной, межличностной и профессиональной коммуникации. В образовательном процессе, в ходе практических занятий по иностранному языку, необходимо выделить достаточно времени для изучения определенных правил, норм и традиций ре-

чевого общения. А также овладеть иноязычным речевым этикетом, в частности, важно усвоить особенности реализации речевых актов взаимодействия (приветствие, предложение услуг, благодарность, жалобы, извинения, обращения и иные формы вежливости). Стратегию по обучению речевому этикету на иностранном языке целесообразно разделить на три этапа. Первый этап обучения речевому этикету предполагает ознакомление с различными формами приветствия, прощания, извинениями, жалобами и пр., которые соответствуют разнообразным ситуациям речевого общения и характеризуются различной стилистической окраской. Второй этап предполагает ознакомление и проведение анализа предложенных ситуаций речевого общения на предмет адекватного использования формул речевого этикета, а также идет практика применения правил употребления формул в определенных ситуациях речевого взаимодействия. На данном этапе работа с иноязычным (общекультурным и профессиональным) материалом позволяет студентам выработать адекватные навыки и умения по применению приобретенных знаний в собственном речевом общении. Третий этап обучения речевому этикету предполагает самостоятельное построение и воспроизведение в устной и письменной формах собственных речевых иноязычных высказываний, подбирая в соответствии с целями и задачами коммуникации определенные речевые стратегии и тактики [4].

В рамках данной статьи важно отметить, что основными функциональными компонентами прагматической компетенции, которые обеспечивают формирование коммуникативных навыков и умений в процессе обучения иностранному языку (английский) студентов неязыковых специальностей технического вуза, являются: а) операционный компонент – то есть, дифференциация функциональных особенностей языковых правил и речевого этикета; б) организационный компонент – то есть, соблюдение определенных норм общения, структурирование высказываний. Развитие прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей направлено на преодоление межъязыковой интерференции, которая выступает в качестве основного фактора, препятствующего успешному осуществлению межличностной и профессиональной коммуникации на иностранном языке в контексте реальной ситуации [5].

На основании проведенного анализа научно-исследовательской, научно-педагогической и методической литературы мы пришли к выводу, что развитие прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей является практически необходимым и целесообразным условием обучения в техническом высшем учебном заведении. Под прагматическим компонентом (компетенцией) следует понимать знание основных языковых и речевых правил, норм и принципов изучаемого (иностранного) языка, в соответствии с которыми речевые высказывания организованы, структурированы и упорядочены, а также практически используются для выполнения определенных коммуникативных функций. Развитие прагматической компетенции должно осуществляться поэтапно и последовательно, при этом необходимо

учитывать функциональные компоненты данной компетенции (операционный и организационный), которые обеспечивают формирование коммуникативных навыков и умений в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. Формирование прагматического компонента коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей должно осуществляться посредством овладения определенными аспектами: степени адаптации к речевым ситуациям, умения вести диалог, развития темы высказывания, целостности и связности высказываний. Соответственно, с целью развития прагматического компонента в процессе формирования коммуникативной компетенции иностранного языка у студентов неязыковых специальностей необходимо изучать правила, нормы и этикет речевого взаимодействия, использовать современные профессионально-ориентированные тексты, чтобы максимально приблизить учебную ситуацию к реальной профессиональной среде речевого иноязычного общения.

Список литературы

1. **Азимов, Э. Г.** Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. – М. : ИКАР, 2009. – 448 с
2. **Кожухова, И. В.** Прагматическая компетенция на практикуме по иностранному языку. / И. В. Кожухова // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. Вып. № 98. – 2015. – № 27 (382).– С. 96–100.
3. **Общеввропейские компетенции** владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка [Электронный ресурс] // The Common European Framework of Reference for Languages: Learning, teaching, assessment (CEFR) PDF document (Original English variant) – Режим доступа: <https://gm.coe.int/1680459f97>, свободный. (Дата обращения: 25.09.2022 г.).
4. **Овчинникова, М. В.** Формирование прагматической компетенции иностранных студентов на уроках РКИ как условие успешного коммуникативного взаимодействия / М. В. Овчинникова, Н. И. Колотова // Педагогические Науки. Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 2 (42). – С. 1–7.
5. **Полунина, Л. Н.** Функциональные компоненты прагматической компетенции и их роль в развитии коммуникативных умений студентов высших учебных заведений в процессе обучения английскому языку / Л. Н. Полунина // Теория и методика обучения и воспитания. Педагогика. Вопросы теории и практики. – Вып. № 6. – 2020. – Т. № 5. – С. 792–797.

Grebenik I. A.

Pedagogical Aspects of the Pragmatic Component Development in the Process of Communicative Foreign Language Competence Formation Among Students of Non-Linguistic Specialties of the Technical University

The issue of pedagogical aspects of the pragmatic component development in the process of communicative foreign language competence formation among students of non-linguistic specialties of the technical university have been studied and analyzed in the article. Based on the analysis, the author came to the conclusion that development of the pragmatic component in the process of communicative foreign language competence formation among students of non-linguistic specialties is a practically necessary and expedient condition for learning. Development of the pragmatic component in students of non-linguistic specialties should be carried out by mastering certain aspects: the degree of adaptation to speech situations, the ability to conduct a dialogue, development of the topic's statement, the integrity and coherence of statements. In order to develop the pragmatic component in the process of communicative foreign language competence formation, it is necessary to study rules, norms and etiquette of speech interaction, use modern professionally oriented texts to bring the learning situation closer to the real environment of speech communication.

Key words: *pragmatic component, special knowledge and skills formation, professionally oriented text, communicative foreign language competence, non-linguistic specialty.*

Гришак Светлана Николаевна,
д-р пед. наук,
профессор кафедры английской
и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
svetlanagrishak@mail.ru

Особенности реализации гендерного компонента в содержании обучения английскому языку студентов вуза

В статье предпринята попытка выявить особенности разработки содержания обучения английскому языку студентов вуза с учетом гендерного компонента. Установлено, что в процессе реализации гендерного компонента разработка содержательного наполнения учебного материала по английскому языку должна осуществляться с «гендерной точки зрения», что подразумевает включение гендерного аспекта в ряд компонентов содержания обучения иностранному языку (коммуникативный, предметный, процессуальный).

Ключевые слова: *содержание иноязычного обучения, компоненты содержания обучения английскому языку, гендерное равенство, гендерно-маркированная лексика, политкорректное речевое поведение, студенты вуза.*

Язык вообще, и иностранный язык в частности, как средство отражения культуры, имеет уникальные возможности влияния на человека, поэтому его изучение нужно рассматривать не только как процесс приобретения языковых или речевых знаний и умений, но и, прежде всего, как универсальное средство личностного развития обучающихся на основе выявления индивидуальных способностей и интересов. Благодаря иностранной речи, человек не только имеет возможность общаться с представителями других культур, но и получает определенную информацию об окружающем мире, знакомится с наследием предыдущих поколений, учится адекватно реагировать на различные события, что, в свою очередь, способствует становлению и всестороннему развитию его как личности. Более того, изучение иностранного языка дает возможность не только расширить знания о культуре другой страны, но и может изменить представление об окружающем мире и изменить внутренний мир обучающихся, обогатить их духовно.

Учитывая, что общей целью обучения иностранному языку в рамках базового курса является овладение обучающимися основами иноязычного общения, в процессе которого осуществляются образование, воспитание и развитие личности, то вполне очевидно, что иностранный язык является одним из действенных средств, изучение которого влияет на представления студентов о реальной языковой картине мира, где царит дискриминация по полу, при этом осознание существования гендерной асимметрии в языке будет способствовать обретению ими морально-этических ценностей, к которым мы относим идею гендерного равенства, означающую *равенство между*

женщинами и мужчинами, предполагающее их равные права, обязанности и возможности.

Следует отметить, что XX век охарактеризовался усилением внимания как зарубежных (M. Doyle, L. Irigaray, R. Lakoff, D. Spender и др.), так и российских (Е. И. Горошко, А. В. Кирилина, В. В. Потапов, М. В. Томская, И. И. Халеева и др.) ученых-лингвистов к вопросу отношения общества к мужчинам и женщинам, находящему отражение в языке и отображающему особенности ценностной картины мира языкового сообщества, что способствовало появлению гендерных исследований в разных областях языкознания и межкультурной коммуникации.

При этом ряд ученых-лингвистов (Е. Н. Мазина, Т. Е. Овчинникова, Е. С. Сахарчук, А. Н. Себрюк и др.) подчеркивают актуальность гендерных исследований, имеющих отношение к обучению иностранному языку в высшем учебном заведении. В языке находят отражение явления, в которых проявляется определенное мужское или женское понимание, отношение, действие, поэтому в процессе межкультурной коммуникации становится востребовано знание этих явлений. Как справедливо замечает Т.Е. Овчинникова, «... обогащение процесса общения коммуникантов гендерным дискурсом, который предполагает изучение особенностей национально специфического восприятия мира, отраженных в иноязычных гендерных стереотипах, повышает успешность мультикультурной коммуникации» [4, с. 12].

Не вызывает сомнений, что на современном этапе развития цивилизации ролевые функции женщин и мужчин в обществах различных культур подвержены весьма серьезным изменениям. Однако, как правило, люди не учитывают их во взаимоотношениях друг с другом, что и ведет к возникновению проблем, которые обостряют гендерно-коммуникативную взаимосвязь, в частности, в межкультурном взаимодействии.

Очевидно, что получение студентами информации об иноязычных гендерных стереотипах и гендерно маркированных реалиях культуры изучаемого языка позволит избежать конфликтных ситуаций с представителями иноязычных лингвокультурных сообществ, будет способствовать формированию личности, свободной от гендерных стереотипов и традиционных представлений о положении женщин и мужчин в обществе.

Цель статьи – выявить особенности разработки содержания обучения английскому языку студентов вуза с учетом гендерного компонента.

Следует подчеркнуть, что содержание образования, включая и иноязычное, является постоянно развивающейся категорией, которая, по утверждению многих исследователей (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Н. И. Гез, В. И. Загвязинский, А. Н. Щукин), имеет исторический характер, поскольку определяется целями и задачами образования на том или ином этапе развития общества, из чего следует, что содержание образования в целом и обучения в частности может изменяться под влиянием потребностей жизни, производства и уровня развития научного знания. При этом важное значение имеет взаимосвязь содержания обучения с социальным заказом общества.

При подборе учебного материала следует учитывать тот факт, что студенческие годы являются временем гендерной ресоциализации личности.

Они характеризуются повышенным интересом к гендерной тематике и проблематике. В рамках нашей статьи социализация индивида рассматривается как обретение им определенной культуры, которой свойственны языковые практики, отличные в мужской и женской среде различных лингвокультурных сообществ.

В детском и подростковом возрасте люди общаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуру и усваивая свойственный им речевой этикет, поэтому неосведомленность относительно таких речевых практик может привести во взрослом возрасте к недопониманию и конфликтам, которые приравниваются к межкультурным. Субъекты обучения – как девушки, так и юноши студенты – должны обладать определенным гендерным знанием, чтобы уметь предотвращать подобные конфликты (в том числе в будущей профессиональной деятельности).

Учитывая вышесказанное, содержательное наполнение учебного материала на занятиях по английскому языку, преподавание которого осуществляется с учетом гендерного компонента, должно разрабатываться под «гендерным углом зрения» (Л. В. Штылёва) [7], предусматривающим обогащение и углубление знаний гендерной направленности, расширение общеобразовательного кругозора студентов в сфере гендерных отношений, формирование у них гендерных представлений, основанных на принципах гендерного равенства.

Изучение различных моделей содержания иноязычного обучения в высшей школе [1] позволило выделить следующие компоненты, требующие согласно цели статьи изменений с учетом включения гендерного компонента:

- коммуникативный компонент, который включает в себя языковой, речевой и социокультурный учебный материал (содержание учебного материала);
- предметный, элементами которого являются сферы общения, а также темы и ситуации, определяемые этими сферами;
- процессуальный компонент, то есть процесс обучения, в котором и реализуется его содержание.

Нами установлено, что последовательность усвоения компонентов содержания обучения иностранным языкам реализуется таким образом: языковые знания → языковые навыки → речевые умения.

Доминанта того или иного компонента в процессе обучения зависит от этапа, который определяется по ведущему виду учебной деятельности. Первым этапом обучения иностранному языку является приобретение лексических и грамматических знаний, формирование и развитие соответствующих лексико-грамматических навыков и умений. Следующим шагом является переход к развитию речевых умений в соответствии с заданной тематикой, когда отбор учебного материала зависит от стремления наиболее полно и качественно раскрыть содержание предлагаемой темы. Приобретенный на предыдущих этапах лексико-грамматический запас и обеспеченная возможность его активного употребления предполагает постепенное смещение акцента обучения с языковой тренировки на реально-речевую коммуникацию, в процессе которой усваиваются дополнительные языковые единицы, связанные с содержанием изучаемого предмета.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что обязательным компонентом обучения иностранному языку должно быть изучение гендерно-маркированной лексики, норм политкорректности, речевого поведения в условиях межкультурной коммуникации в речевых ситуациях, касающихся гендерной тематики либо отражающих гендерные отношения.

Следовательно, реализация гендерного компонента в содержании обучения английскому языку студентов, по нашему мнению, предполагает:

1) формирование у студентов определенного запаса базовых знаний, составляющих основу межкультурного общения с позиции гендерного равенства;

2) овладение студентами определенным минимумом гендерно маркированной лексики, то есть лексическими единицами, в которых вербализируются инокультурные гендерные концепты; ознакомление с политкорректной лексикой;

3) овладение вербальными моделями с гендерно маркированной лексикой в ситуациях межкультурной коммуникации.

Структура базовых знаний включает: а) информационную культуру (исторические, экономические факты с гендерно ориентированной информацией); б) культурные ценности (литература, живопись, кино, театр, средства массовой информации, которые касаются гендерной тематики); в) поведенческую культуру (нормы вербального и невербального общения; языковые ситуации, связанные с гендерными стереотипами, а также обусловленные гендерными отношениями коммуникантов, принятыми в лингвокультурном сообществе изучаемого языка).

Общественная значимость категории «гендер» оправдывает его использование применительно ко всем языковым явлениям, имеющим отношение к проблемам пола. Пол и его проявления не просто «регистрируются» языком, но приобретают аксиологичность, оцениваются с точки зрения наивной картины мира [4; 6; 9]. Поэтому правомерно установить, как происходит фиксация пола в языке: с помощью каких средств, семантических полей, оценок и тому подобное.

Термин «гендер» внедряется еще на начальном этапе обучения. В английском языке нет, как известно, грамматических форм для выражения категории рода, которая создается с помощью лексических средств. Большинство справочных пособий (*A University Grammar of English*) отмечает существование тесной связи между биологической категорией и категорией грамматической. Данные категориальные различия не определяются артиклями, редко обозначаются особыми суффиксами; лишь несколько местоимений указывают на принадлежность к полу (*he, she, it*).

Существительные живых существ принадлежат к двум типам: морфологически маркированные (*bride – bridegroom, host – hostess, god – goddess*) и немаркированные (*king – queen, bachelor – spinster, monk – nun*). Некоторые пары слов мужского и женского рода имеют общее название (*parent – father / mother, child – son / daughter*). Отдельные различительные формы (чаще всего для женского рода) выходят из употребления, заменяясь двойными формами (*poetess – poet, authoress – author*). Иногда двойные формы используются с так называемыми «гендерными маркерами» (*boy / girl friend, man student, male nurse, woman engineer*).

При объяснении языковых явлений важно также учитывать экстралингвистические факторы, влияющие на развитие языка. Так, появление в английском языке ряда слов двойного рода (*postal worker* вместо *postman*, *salesperson*, или *salesclerk*, вместо *saleslady*) обусловлена стремлением избежать социальной дискриминации по половому признаку [3; 5; 6].

Известно, что неодушевленные существительные единственного числа заменяются местоимением *it*, хотя на практике можно наблюдать ряд отклонений от правил. Так, местоимение *she* используется для обозначения корабля или страны (*Italy and Her History*).

Традиционно *he*, *him*, *his* употребляются по отношению к человеку, чей пол неизвестен (*a student lost his book*). Таким образом, женщины, по мнению феминистских исследователей, исключаются из дискурса по вине мужчин-грамматистов [5]. Вместо этого они предлагают употреблять в этом случае два местоимения (*his / her*, *he / she*), что не очень удобно. Целесообразно употреблять формы множественного числа или изменять структуру предложения:

All students must have paid their fees by Wednesday.

All student fees must be paid by Wednesday.

После слов *anyone*, *no-one*, *everyone* также употребляется местоимение *them / they / their* в значении единственного числа: *If anyone has any information related to the crime will they please contact the police?*

Примечательно, что до XVI столетия использовалось местоимение *they / them / their*, которое и теперь применяется в английской и американской повседневной речи.

В современном узусе употребление так называемых гендерно нейтральных местоимений явилось проявлением достижений феминизма как общественного движения. Необходимость знания студентами принятых в английской лингвокультурной среде норм политкорректности, связанных с гендерным дискурсом, очевидна, поскольку отсутствие в отечественных учебниках соответствующей информации и упражнений приводит к пробелам во владении мультикультурной компетенцией, что способно затруднить понимание коммуникантов в условиях межкультурного общения.

Обучающиеся должны иметь представление о политкорректной лексике. В методическом пособии *“Equality & Diversity in Language and Image. Guidance for authors and communicators”* отмечается, что английский язык все еще сохраняет тенденцию воспринимать мир как такой, который принадлежит мужчинам и все женское, таким образом, оказывается отклонением от нормы [8, с. 12–13]. Сейчас исключение части человечества из языкового дискурса считается негативным явлением.

Так, организация дискуссий на профессиональные и общекультурные темы, обсуждение вопросов разнообразного бытового характера в процессе обучения иностранному языку предусматривают формирование у студентов политкорректного иноязычного речевого поведения, поэтому в содержание учебного материала следует включить вербальные паттерны политкорректного иноязычного межкультурного общения в процессе обмена мнениями [8, с. 13–14].

Положение о том, что язык отражает культурные различия и по-разному концептуализирует одни и те же явления особенно последовательно прослеживается в рамках изучения состава фразеологизмов языка, который сохраняет и воспроизводит культурные установки народа. Использование в подобных исследованиях гендерного знания, то есть культурной составляющей концепта «гендер», позволит раскрыть культурную специфику гендерных стереотипов и асимметрий, присутствующих в любом обществе, развивавшемся на основе патриархальной культуры.

Эти знания внедряются путем выполнения соответствующе разработанных упражнений, нацеленных на формирование у студенческой молодежи способности критического осмысления гендерной асимметрии современного английского языка, а также употребление политкорректного или несексистского (*not-sexist language*) языка.

При разработке содержания обучения английскому языку с учетом гендерного компонента очень важно обратить внимание на необходимость правильного выбора лексических единиц. Ряд глаголов и прилагательных соотносятся с существительными только женского или мужского рода: красивый – *handsome*, красивая – *pretty*, хихикать – *giggle* (о женщинах), *chuckle* (о мужчинах). В английском языке слова *spinster* (старая дева) и *bachelor* (холостой) обозначают человека, который холост, коннотация же этих слов различна. Если слово *bachelor* нейтрально, и к тому же оно подразумевает, что у неженатого есть шанс жениться, то *spinster* имеет надменный оттенок. Американская исследовательница Р. Лакофф приводит ряд оппозиций подобного рода, свидетельствующих об отражении в языке гендерных стереотипов [9].

Важными для отбора языкового материала считаем исследования гендерного доминирования в общении, то есть предоставление слова, возможности довести высказывание до конца, частоты перебивания теми, кто говорит, друг друга, поскольку данные исследования позволяют прогнозировать расхождение с полученными в зарубежных источниках результатами, ибо определенные принципы, с помощью которых описывается коммуникация в западной культуре, отличаются от отечественных [2; 5; 6; 8].

Проблема гендерных различий неразрывно связана с вербальным поведением. Гендерные исследования в области когнитивной лингвистики и психолингвистики доводят, что особенности развития речевой деятельности, обусловленные процессами мышления и сознания, существенно влияют на процесс обучения [2; 4].

Овладение вербальными моделями с гендерно маркированной лексикой в ситуациях межкультурной коммуникации предполагает тот факт, что студенты должны иметь представление о существующих различиях речевого поведения мужчин и женщин, в том числе и невербального (в воспитании, социальной роли, поведенческих ожиданиях). Так, считается, что употребление «более сильных» восклицаний (*shit, damn*) является прерогативой мужчин, а «более слабых» (*goodness, oh fudge*) – женщин. Женщины чаще используют прилагательные *adorable, charming, sweet, divine* и некоторые другие. В синтаксическом плане, по мнению Р. Лакофф, основным отличием женского языка от мужского является использование разделительных вопросов (*tag-question*),

являющихся чем-то средним между утверждением и общим вопросом. Употребление данной структуры преимущественно женщинами обусловлено тем, что она звучит менее категорично, чем утверждение, но увереннее, чем общий вопрос. Использование разделительных вопросов мужчинами и женщинами отличается интонационным оформлением: повышение интонации (*Rise*) в вопросах, задаваемых женщинами, и понижение интонации (*Fall*) в выражениях мужчин [9].

Процессуальный компонент, отвечающий за реализацию соответствующего содержания иноязычного обучения, предусматривает включение в содержание учебного материала на занятиях по английскому языку аутентичного текстового материала и комплекса упражнений, которые должны содержать гендерно маркированную лексику и быть направлены на активное взаимодействие субъектов иноязычной речевой деятельности с использованием коммуникативных ситуаций из области межкультурного взаимодействия, связанного с гендерными отношениями.

При чтении аутентичных текстов упрощается путь к пониманию и идентификации обучающихся с представителями иной культуры, поскольку они имеют возможность проследить жизнь иностранцев в повседневных ситуациях. Это определяет тематику учебных произведений. Реализация гендерного компонента при разработке содержания обучения английскому языку студентов предполагает включение тем, затрагивающих проблемы освещения гендерных стереотипов, традиционных гендерных ролей, дискриминации женщин в современном лингвокультурном сообществе, гендерных отношений в повседневной жизни, общечеловеческих ценностей, к которым мы относим идею равенства полов. Благодаря чтению и обсуждению аутентичных текстов, у студентов происходит развитие понимания, толерантности, принятия, уважения и солидарности по отношению к конструктивным отличиям, что позволяет в итоге посмотреть на чужое с позиции этого чужого.

Также отбор страноведческого материала, который связан с предоставлением равных возможностей членам и группам сообществ, куда могут быть зачислены как женщины, так и мужчины, будет, по нашему мнению, способствовать не только более эффективному овладению студентами английского языка, но и формированию их как субъектов диалога культур, развитию уважительного внимания к индивидуальности и инакомыслию.

При таком подходе непосредственно через использование иностранного, в нашем случае английского, языка студенты овладевают вербальными и невербальными моделями поведения, принятыми в другом лингвокультурном сообществе, осознают национально-специфические особенности восприятия мира, что в целом ведет к формированию умений межкультурного общения на основе идеи гендерного равенства.

Разрабатывая задачи для речевых и ролевых игр, нужно выбирать ситуации, которые точно имитируют те социальные роли, в которых на самом деле могут оказаться женщины и мужчины. Например, это могут быть задачи, которые направлены на разоблачение существующих в обществе гендерных стереотипов:

According to an article in the “Daily Mail”, these are some of the things you’ll never hear men say:

- Hi? Mum? I just rang for a chat.
- Where’s the toilet cleaner?
- Let’s ask that woman for directions.

And these are some of the things you’ll never hear women say:

- Do you think I’d look better if put on a few kilos?
- I’ve just killed an enormous spider in the bath.
- Would you please stop sending me flower? It’s embarrassing.

Do you agree?

Также для ознакомительного чтения студентам могут быть предложены аутентичные тексты гендерной направленности – статьи из газет и журналов:

– «*Cosmopolitan readers queue for Tube job*» by Paul Marston from the *Daily Telegraph Newspaper* (затрагивает вопросы найма женщин на традиционно «мужскую» работу);

– «*South Korea’s “Sea Women” Trap Prey and Turn Tables*» by Norimitsu Onishi from the *New York Times* (приводит примеры гендерных ролей в профессиональной сфере, которые зависят от определенной культуры и традиций страны);

– «*Taking away the need to lie*» from the *Financial Times* (разоблачает проблему совмещения женщиной карьеры и семьи).

Например, в процессе работы над текстом статьи «*South Korea’s “Sea Women” Trap Prey and Turn Tables*» следует показать студентам изменчивость традиционных гендерных ролей, в частности, в профессиональной сфере, которые зависят от существующей культуры в определенной стране, как эти роли меняются со временем и в соответствии с представлениями о чисто женском или мужском (поведение, качества, гендерная роль) в данном обществе. Студенты имеют возможность осознать, что через традиции и стереотипные представления о женских и мужских ролях происходит моделирование гендерной реальности культуры. В современном мире такие традиционные гендерные представления влияют на самореализацию женщин и мужчин, выступая барьером в развитии индивидуальности, ограничивая выбор личности в решении различных жизненных ситуаций и закрепляя гендерное неравенство в обществе.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что реализация гендерного компонента в содержании обучения английскому языку студентов вуза имеет ряд особенностей. Прежде всего это проявляется в том, что разработка содержательного наполнения учебного материала по английскому языку должна осуществляться под «гендерным углом зрения» (Л. В. Штылёва), что предусматривает включение гендерного аспекта в ряд компонентов содержания иноязычного обучения (коммуникативный, предметный, процессуальный) и предполагает: 1) формирование у студентов определенного запаса базовых знаний, составляющих основу межкультурного общения с позиции гендерного равенства; 2) овладение студентами определенным минимумом гендерно маркированной лексики, то есть лексическими единицами, в кото-

рых вербализуются инокультурные гендерные концепты; 3) ознакомление с политкорректной лексикой, принятой в западном лингвокультурном сообществе; 4) овладение вербальными моделями с гендерно маркированной лексикой в ситуациях межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. **Ванягина, М. Р.** Содержание иноязычного обучения в системе высшего образования нелингвистического профиля / М. Р. Ванягина // Преподаватель XXI. – 2020. – № 4. – С. 153–166.
2. **Кирилина, А. В.** Гендер и гендерная лингвистика на рубеже третьего тысячелетия / А. В. Кирилина // Вопросы психолингвистики. – 2021. – № 3 (49). – С. 109–147.
3. **Мазина, Е. Н.** Анализ гендерного аспекта языковых явлений в практике преподавания английского языка / Е. Н. Мазина, Е. В. Полховская // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 222–225.
4. **Овчинникова, Т. Е.** Гендерный подход в обучении студентов университета иностранному языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук : спец. 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования» / Т. Е. Овчинникова. – Оренбург, 2007. – 22 с.
5. **Потапов, В. В.** Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В. В. Потапов // Вопросы языкознания. – 2002. – № 1. – С. 103–127.
6. **Себрюк, А. Н.** Об учете андроцентризма и гендерной асимметрии в обучении современному английскому языку / А. Н. Себрюк // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2017. – № 1. – С. 75–85.
7. **Штылева, Л. В.** Фактор пола в образовании : гендерный подход и анализ / Л. В. Штылева. – М. : ПЕР СЭ, 2008. – 316 с.
8. **Equality & Diversity in Language and Image.** Guidance for authors and communicators. – Edingbourg : Open University Press. – 2008. – 17 p.
9. **Lakoff, R.** You Are What You Say // Mind Speaks to Mind / Ed. By Dean Curry. – Washington : United States Information Agency, 1994. – P. 41–46.

Grishak S. N.

Features of the Gender Component Implementation in the Content of Teaching English to University Students

This paper attempts to identify the features of the content development of teaching English to university students, taking into account the gender component. It is established that in the process of implementing the gender component the content development of the educational material in English should be carried out from a «gender perspective», which implies the inclusion of the gender aspect in a number of components of the content of foreign language teaching (communicative, subject, procedural).

Key words: *content of foreign language teaching, components of English teaching content, gender equality, gender-marked vocabulary, politically correct speech behavior, university students.*

Сысенко Анастасия Викторовна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
nastenka.16.07@mail.ru

Зайцева Анна Юрьевна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
vasilenko0905@mail.ru

Преподавание иностранного языка в эпоху цифровизации

В статье рассматриваются особенности преподавания иностранного языка в эпоху информационно-коммуникационных и цифровых технологий. Описывается появление термина «цифровизация». Анализируется понятие «цифровые образовательные технологии» и применение их в образовательной среде.

Ключевые слова: *иностраннный язык, цифровые технологии, цифровизация, информационно-коммуникативные технологии, обучение, мультимедийность.*

2020 год стал значимым во всех сферах деятельности человека, а эпоха цифровизации затронула все сферы социальной жизни. И, конечно же, это коснулось преподавания иностранного языка. Формат дистанционного обучения открыл новые перспективы для развития новых профессиональных качеств, как преподавателя, так и студентов. Такой формат предоставил обучающимся возможность изучать иностранный язык с использованием масштабного количества электронных программ.

Кроме событий последнего времени, значимость данного исследования в эпоху цифровизации образования вызвана глобальными процессами перехода к цифровой экономике и обществу. Актуальность статьи заключается в том, чтобы в условиях глобализации разобраться и понять важность применения цифровых технологий в преподавании иностранного языка.

Целью настоящего исследования является рассмотрение понятия «цифровизация образования», анализ и обзор практики применения современных цифровых образовательных средств, выявление их дидактического потенциала и педагогических условий, способствующих наиболее эффективному процессу формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в высших учебных заведениях.

Для достижения результатов исследования использовались следующие теоретические и эмпирические методы исследования: наблюдение, понятийно-терминологический разбор, обсуждение результатов и обобщение совре-

менных работ в области методики и лингводидактики, методы сбора и накопления данных, опытное обучение.

Использование компьютерных технологий в преподавании английского языка началось более полувека назад. Совсем недавно эта тема была предметом обсуждения небольшой группы специалистов, но с появлением Интернета, наступлением эпохи цифровизации и масштабным развитием мобильных и цифровых технологий все больше преподавателей иностранных языков осознают необходимость использования новейших технологий в образовательном процессе. Термин цифровые технологии (ЦТ) появился сравнительно недавно. В зарубежной педагогической литературе он используется как аутентичный термин, включающий недавно появившиеся, разнообразные и ставшие уже традиционными информационно-коммуникационные технологии [11, с. 65].

В XX столетии произошел прорыв в развитии компьютерных технологий, связанный с приходом Интернета, открытием мультимедийных технологий и будущим прогрессом коммуникационных технологий. Возникла необходимость другого подхода к преподаванию английского языка, который использовал бы результаты технического развития. Период цифровизации характеризуется появлением новых методов преподавания иностранного языка, которые подразумевают использование языка в тренировках четырех видов речевой деятельности в реальном контексте, а также интеграцию информационных компьютерных технологий (ИКТ) в процесс обучения.

Сегодня термин «цифровизация» получил широкое распространение в обществе, его уже употребляют в качестве омонима, потому как данное слово имеет много значений. Касательно самого определения, то цифровизация – это повсеместное внедрение цифровых технологий в разные сферы жизни: экономику, промышленность, культуру, образование, политику и т. д. [2, с. 4].

Данный термин востребован быстрым развитием информационных технологий и взаимодействием многих стран мира. Предмет обсуждения цифровизации динамично просматривается в нынешних научных исследованиях, рассматривающих перспективы данного феномена. Например, обнаруживаются статьи в электронном научном ресурсе *Cyberleninka* за последние годы, в которых подробно рассмотрены преимущества и недостатки использования цифровизации обучения. Нужно отметить работы Н. П. Петрова и Г. А. Бондарева «Цифровизация и цифровые технологии в образовании» (2019), Р. И. Суннатов «Опыт удаленного школьного обучения: возможные риски для успешности социализации обучающихся» (2020), А. А. Строкова «Цифровизация образования: проблемы и перспективы» (2020) и др.

Цифровизация в учебном процессе в общем смысле этого слова представляет собой встречное модифицирование образовательного процесса и его элементов, с одной стороны, и цифровых технологий и средств, применяемых в образовательном процессе, с другой. Цель изменения цифровых технологий – максимально полное их приспособление к эффективному решению поставленных педагогических задач [2, с. 16].

Причинами, генерирующими потребность в создании цифрового обучающего процесса профессионального образования и обучения, выступают три компонента цифрового коллективизма:

- цифровая экономика и порождаемые ею новые требования к кадрам; цифровое поколение (современное поколение обучающихся, имеющее экстраординарные социально психологические характеристики);

- новые тенденции компьютерных технологий, формирующие информационное общество и развивающиеся в нём участники [1, с. 48].

На сегодняшний день представляется возможным говорить о формировании совершенно нового этапа в использовании цифровых технологий (ЦТ) в преподавании английского языка, а именно о социально-интерактивном этапе. Данный этап основывается на активном социальном сотрудничестве пользователей ввиду становления общественных сервисов и их мобильных приложений, совокупности интернетной коллаборации, развития юзеровского контента, моментального доступа к учебному материалу, самостоятельной работы и т. п. На этом этапе ЦТ становятся необходимой принадлежностью не только для процесса преподавания, но и для обыденной жизни человека.

Существует социально-интерактивный период в преподавании, который основывается на воздействии технологий, так называемого Интернета второго поколения (Веб 2.0). Явление этой социально-технологической идеи исследуют Т. Берроуз, Дж. Браун, С. Даунс, Е. Д. Патаракин, Е. Н. Ястребцева и мн. др. Создание определения Веб 2.0 обычно приписывают американскому автору Т. О'Рейли, выпустившему в 2005 г. статью «What Is Web 2.0 Design Patterns and Business Models for the Next Generation of Software» [11 с. 2]. Е. Д. Патаракин инвентаризирует фундаментальные технологические свойства, выделяющие сервисы и сайты, касающиеся Интернета второго поколения:

- RSS (англ. Rich Site Summary) – стандарт обновляемой информации, разрешающий калибровать подачу контента в Интернете и перекидываться им изолированно от дизайна сайта и технологий, которые хранятся в его основе;

- AJAX – алгоритм, обеспечивающий загрузку нужных данных из Интернета без полной перезагрузки страниц;

- индивидуальные возможности привлечения, включающие в себя возможность принимать участие в диспутах, опубликовывать и видеоизменять контент в Интернете [6 с. 73].

Резонерские возможности, оказываемые ИКТ, лежат в основе создаваемой Дж. Сименсом теории коннективизма (2005). По его мнению, условия для принятия теории связаны с новыми направлениями в преподавании, а именно:

- уменьшением процента традиционного обучения в целом вузовском процессе;

- увеличением развития самообразования на протяжении всей жизни;

- большой подвижностью обучающихся в разнообразных отраслях знаний;

- повышением связи между институциональным и персональным обучением;

- наращиванием роли технологий в работе преподавания как такового;

- диверсификацией образа мышления индивида в связи с возникновением новых методов работы с информацией.

Сепаратно нужно отметить такое явление, как мобильное обучение иностранным языкам (MALL), которое сформировалось в начале XXI в. Термин

«мобильное обучение» (mobile learning или mLearning), возникший в англоязычной методической литературе около 10 лет назад, последнее время стал использоваться все чаще. Мобильные технологии содействуют трансформации трех основных составляющих педагогического процесса:

- характер осуществления учебной коммуникации;
- подход к средствам обучения;
- приемы подачи учебного материала и упражнений [8, с. 56].

Обучающийся сегодня имеет незамедлительный онлайн-доступ к учебным материалам и программам, учебным ресурсам, выполнению упражнений, возможности коммуницировать с преподавателем в удобное время и в любом месте. Мобильные девайсы предоставляют нижеследующие виды общения: электронная почта, голосовые и текстовые SMS, видеосвязь, социальные сети (Вконтакте, Телеграмм и т. д.). Такие возможности лучше всего подходят к идее «обучение через всю жизнь» или нынешней информированно-ориентированной идее образования, в которой особое внимание уделяется обучению способности персонально выбирать нужную информацию. Акцентировать внимание на задачах и искать практические варианты их решения, критически рассматривать приобретенные знания и использовать их в профессиональной деятельности [7, с. 78].

Многие ученые и педагоги убеждены, что перспектива обучения с содействием ЦТ зависит именно от популяризации сетевых способов связи, общедоступности электронных девайсов, огромного количества обучающих приложений и программ, от новых технологий, например, бесконтактного сокетта, который усиливает характеристики и качество образования, а также от доступности услуг мобильной связи и свободного доступа в Интернет.

Внедрение ЦТ в образовательную среду содействует также прогрессу творческого резона умственных умений обучающегося благодаря, во-первых, преобразованию процесса понимания, в ходе которого студент становится наблюдателем. Во-вторых, тому, что учебный материал становится методом приобретения наблюдательной истины. В.А. Поздняков в своей работе делает акцент на том, что применение ЦТ в момент обучения образует у студентов как концептуальное, так и фигуративное мышление. Причем понятие этой концепции мыслительных умений обширно, потому что «когнитивная составляющая индивида никак не должна калькировать структуру работы технических средств» [7, с. 92].

Характерными особенностями дидактического процесса, реализуемого благодаря ЦТ, являются четырех важных вида координации между его участниками, кроме постоянной формы коммуницирования преподаватель – студент:

- студент – технические средства – преподаватель;
- преподаватель – технические средства;
- студент – персональный компьютер или мобильный телефон;
- студент – персональный компьютер или мобильный телефон – студент.

Соответственно, одной из ведущих тем теории преподавания с использованием ЦТ является тема об установлении учебного процесса и результативного согласования этих форм. Значительное количество педагогов указывают

на то, что классическая форма обучения не позволяет создать условия для результативного развития интеллектуальных способностей студентов [3, с. 112]. Чаще всего в вузовском коллективном навыке преподавания множество преподавателей старается предоставить обучающимся как можно больше информативности по английскому языку. В то же время воспроизводительные методы ее подачи запрашивают наименьшее количество гносеологической и креативной деятельности.

При применении ЦТ в образовательном процессе виды классического взаимодействия «преподаватель – студент» подлежат трансформации. Прежде всего, устанавливается новый метод преподавания, которое становится важным посредствующим этапом процесса, например, в дистанционном формате это только метод «студент – технические средства/мобильный телефон – преподаватель». На втором месте обучающийся переходит из объекта преподавания в субъект. По причине дифференциальных свойств преподавания с использованием ЦТ.

Все эти специфики неопровержимо доказывают многие исследователи, подтверждая то, что мы имеем дело с модернизированным процессом преподавания, который полностью нацелен на обучающегося. Этот персональный концепт обучения может осуществиться в модернизированном для классического преподавания очертании «персональный компьютер/мобильное устройство – студент» [8, с. 59].

Допустимости, предоставляемые ЦТ перед преподавателями, наилучшим образом подходят намерениям преобразования актуальных систем образования. Вследствие развития этих технологий образовались новые формы преподавания – дистанционная и смешанная, формируются банки открытых образовательных ресурсов (ООР) и монолитное информационно-образовательные пространство вузов.

Из работ российских методистов (Е. С. Полат, М. Ю. Бухаркина) следует, что применение графических, вербальных, наглядных, акустических пособий улучшает концептуальное восприятие, высвобождает оперативную память и дает импульс функционированию долгосрочной, совершенствует работу стохастического прогнозирования и повышает стимул обучения.

«Мультимедийность» воспроизводит психологические механизмы, побуждающие восприятие и запоминание материала с подключением интуитивных реакций обучающегося. А именно, рефлексии или воспроизведения заданий могут анонсироваться той или иной фонемой, адаптирующей обучающегося на особый вид работы. Так, обучающиеся могут параллельно читать, слушать и говорить, по возможности соединяя все четыре вида речевой деятельности в одном упражнении [8, с. 117].

В целом цифровизация образования в области преподавания английского языка полагает обеспечение студентов перспективами совершенствования владения иностранным языком за счет рекуперации большого объема платных и бесплатных источников [5 с. 46].

С диссеминацией ЦТ, которые наделяют большим багажом умений и информации в любой момент и месте, образовалась необходимость в особенных умениях в структуре образования и преподавания. На современном этапе

никто не допускает сомнения в том, что ЦТ не просто допускаются, а без них уже становится невозможным сам педагогический процесс.

Но, к сожалению, исходя из нашего опыта преподавания, еще очень часто внедрение таких прогрессивных средств на базе ЦТ не адаптирует и не улучшает педагогическую работу, а скорее даже обременяет и утяжеляет ее, приводя к потере энтузиазма и ошибкам. Избежать таких ошибок просто – постепенное аргументированное и рациональное использование ЦТ должно быть в зависимости и присутствии исходных критериев их результативному вхождению в образовательный процесс, а в частности:

1) детализированности информационно-просветительской среды вуза, которая демонстрирует гармоничную систему программного обеспечения (баз данных, электронных пособий, обучающих источников и других средств, осуществляющих информационно-просветительские действия);

2) степени разработки информационно-коммуникационной компетенции обучающихся и студентов;

3) постоянной мотивации преподавателя и студента;

4) предоставления технического оснащения вуза и информационной безопасности прохождения обучения.

Вне всякого сомнения, присутствие электронных средств преподавания, доступа к Интернету оказываются обязательным, но неполным опционом информатизации преподавания. Основополагающими и трудноосуществимыми, как показывает практика внедрения ЦТ в учебный процесс в вузе, являются существующие дидактико-методические условия и психологические факторы, т. е. необходимая укомплектованность информационно-обучающей среды в вузе для обеспечения процесса преподавания, а также подготовленность преподавателей и обучающихся к эксплуатации ЦТ, под которой подразумевается наличие и убедительность мотивации в вопросах применения модернизированных технологий и уровень компьютерных знаний как преподавателя, так и обучающегося.

Говоря о высшем образовании, можно сказать, что работы по внедрению ЦТ касаются модернизации научно-исследовательской деятельности. На сегодняшний день цифровизация дала прорыв как модернизированию самого учебного процесса, так и осуществлению способа приема и обучения абитуриентов по новаторским программам высшего образования и качественного улучшения уже имеющихся и серьезно зарекомендовавших себя программ.

Изучение научной литературы показало, что с большей популярностью используются такие программы, как *Rosetta Stone*, *Duolingo*, *LingQ*, *Lingualeo*, *FluentU*, и пр. Эти программы рассчитаны на изучение английского языка способом погружения. На стартовом этапе устанавливается уровень владения языком, программа реализуется с учетом данного уровня. К тому же, сильные стороны большинства программ – это изучение языка в социокультурном содержании на базе аутентичных текстов в аудио- и видеоформате, а также приоритет онлайн-коммуникации с носителями языка по всему миру.

Большинство цифровых программ на данный момент имеют мобильные приложения, что позволяет использовать услуги мобильных телефонов. Данный доступ в преподавании английского языка называется *Mobile Assisted*

Language Learning (MALL), что на русский язык переводится как изучение иностранных языков с помощью мобильных технологий. Такой сервис разрешает персонализировать преподавание способом введения субъективно важных для каждого обучающегося ситуаций преподавания за счет усиления изучения языка, реализовать свободную инверсионную связь, при этом распознавать и корректировать ошибки [9, с. 167].

Таким образом, квалифицированная организация преподавания английского языка в контексте использования цифровых технологий будет способствовать реализации ожидаемых образовательных результатов от цифровизации образования и обучения, связанных с обнаружением и предельно содержательным применением перспектив ЦТ. Наряду с такими показателями можно отметить:

- предоставление общего прохождения указанных образовательных целей – мастерских знаний, умений, компетенций, нужных для получения профессиональной квалификации;
- дилатация перспектив для разработки отличительных коллективных методов структуры учебной деятельности;
- полноценная персонализация образовательного процесса;
- создание работы непрерывного диагностико-комплектующего рецензирования на базе моментальной обратной связи сразу в ходе выполнения учебных упражнений;
- эмансипация преподавателя от будничной работы.

Таким образом, главным вектором создания модернизированной системы образования на сегодняшний день является комплексная консолидация в эпоху ЦТ в образовательный процесс. основополагающим фактором является не «толкование» с помощью персонального компьютера или мобильного телефона единого курса или его частей и наблюдение изученного, а «более высокий уровень представления в образовательном процессе изучаемой темы, трансформация от дескриптивного изображения этой темы к имитации его основополагающих качеств» [9, с. 13]. В настоящее время для образовательных учреждений первостепенную актуальность обретает задача применения ЦТ для имитации профессиональной и научной работы, форсирование от воспроизводственного к креативному виду преподавания. Коллективное преподавание и коннективизм допускают создание структуры, с помощью которой обучающиеся смогут знакомиться с многофункциональными принципами изучения английского языка и использовать их как стратегию обучения через всю жизнь.

Подводя итог, можно сказать, что цифровизация социума принимается, как и многие нынешние тенденции, по-разному. Основные преимущества – это доступность и конкретность в приобретении товаров и услуг, ограничение к воздействию человеческого фактора. Цифровизация помогает избавиться от рутинной бумажной документации за счет сбережения материалов на электронных источниках. Она содействует благоприятному ведению бизнеса, меньших затрат человеческих ресурсов, прогнозированию и анализу данных. Трудно умалить преимущества цифровизации в области образования и научных исследований.

Итак, изучая вопрос преподавания английского языка в эпоху цифровизации образования, следует учитывать потребности современного общества и развивать данное направление в комплексе с психолого-педагогическими целями преподавания. Цифровизация – это удобный и необходимый инструмент для образования, но не следует забывать, что для студента зачастую это просто средство для достижения оценки. Принуждение в применении главным образом ЦТ в процессе обучения не даст плодотворных результатов и положительных показателей, а коалиционное вовлечение очной и заочной коммуникации придаст значительный эффект для всех участников образовательного процесса, что и станет перспективой для наших будущих исследований.

Список литературы

1. **Блинов, В. И.** Проект дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения / В. И. Блинов и др. – М. : Перо, 2019. – 72 с.
2. **Вайндорф-Сысоева, М. Е.** Цифровизация системы непрерывного повышения квалификации преподавателей иностранного языка (на примере института водного транспорта) / М. Е. Вайндорф-Сысоева, Н. А. Кузнецова, Р. В. Дражан // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика, 2018. – № 4. – С. 70–82.
3. **Гершунский, Б. С.** Философия образования : учеб. пособие для студ. высш. и ср. пед. учеб. завед. / Б. С. Гершунский. – М. : Московский психолого-социальный институт, 1998. – 432 с.
4. **Загвязинский, В. И.** Теория обучения, современная интерпретация / В. И. Загвязинский. – М. : Академия, 2008. – 188 с.
5. **Минина, В. Н.** Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты / В. Н. Минина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2020. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 84–101.
6. **Патаракин, Е. Д.** Социальные взаимодействия и сетевое обучение 2.0 / Патаракин Е. Д. – М. : Современные технологии в образовании и культуре, 2009. – 175 с.
7. **Поздняков, Э. А.** Философия преступления: для тех, кто не боится потерять иллюзии / Э. А. Поздняков. – М. : Академия, 2001. – 575 с.
8. **Полат, Е. С.** Новые педагогические и информационные технологии в системе образования : учебное пособие / Е. С. Полат и др. ; под ред. Е. С. Полат. – М. : Академия, 2009. – 268 с.
9. **Серостанова, Н. Н.** Современные технологии преподавания иностранных языков в эпоху цифровизации образования / Н. Н. Серостанова, Е. И. Чопорова // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 6. – С. 8–13.
10. **Титова, С. В.** Мобильное обучение иностранным языкам / С. В. Титова, А. П. Авраменко. – М. : ИКАР, 2014. – 224 с.

**Systemko A. V.,
Zaitseva A. Yu.**

Teaching a Foreign Language in the Era of Digitalization

The article discusses the peculiarities of teaching a foreign language in the era of information and communication and digital technologies. The appearance of the term «digitalization» is described. The concepts of digital educational technologies and their application in the educational environment are analyzed.

Key words: *foreign language, digital technologies, digitalization, information and communication technologies, education, multimedia.*

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 811.111: 81'373.45

Богачева Виктория Эдуардовна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
bve692008@yandex.ru

Дятлова Анастасия Михайловна,
студентка 5 курса Института филологии
и социальных коммуникаций,
специальность «Лингвистическое
обеспечение военной деятельности»
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»,
dyatlova-01@mail.ru

Интернациональные термины как объект лингвистического исследования при переводе специальной литературы

Статья посвящена проблеме перевода интернациональной терминологии с английского языка на русский. В исследовании выделены основные характеристики интернациональной терминологической лексики, а также проанализирована специфика ее перевода на русский язык; рассмотрены трансформационные приемы для перевода терминов в специальных текстах; выделены основные трудности, с которыми может столкнуться переводчик в процессе работы, а также описаны проблемы, связанные с псевдоинтернациональной лексикой.

Ключевые слова: интернациональная лексика, псевдоинтернациональная лексика, интернациональные термины, специальный перевод, специальный текст.

Словарный состав научного языка состоит не только из лексем научного стиля, но и из терминов, интернационализмов, а также иноязычных заимствований. Проникновение слов из одного языка в другие происходит непрерывно, что обусловлено быстрыми темпами развития современного общества, науки и техники.

Актуальность исследования проблемы перевода интернациональной лексики на сегодняшний день невозможно переоценить. При переводе текстов медицинского, технического, политического и др. видов, относящихся к области специального перевода, переводчику приходится сталкиваться с большим количеством интернациональных и псевдоинтернациональных терминов, а также терминологических сочетаний (до 50% от общего количества слов в текстах), ошибки в передаче которых могут значительно исказить смысл высказывания, тем самым нарушив адекватность перевода всего текста.

Основной целью работы является анализ особенностей и выявление специфики перевода англоязычных интернациональных терминов на русский язык, а также изучение проблемы псевдоинтернациональных терминов и способов их перевода в текстах специальной направленности с английского языка на русский.

Методы исследования выбраны с учетом специфики данной работы. Ими являются: теоретический анализ литературы по данной теме, описательный метод, сравнительный метод, метод обобщения и классификации.

Среди известных исследователей, которые занимались проблемой перевода интернациональной терминологии, следует отметить В. В. Акуленко, Н. К. Гарбовского, Т. А. Казакову, М. Кесслера, Т. Р. Левицкую, Я. И. Рецкера, А. М. Фитермана и др.

Толковый переводческий словарь под редакцией Л. Л. Нелюбина даёт следующее определение понятия «интернациональная лексика»: «Слова и словосочетания, термины и терминологические сочетания, которые в разных языках имеют сходную форму и одинаковые значения. Они появляются в языках в результате заимствования одним языком у другого или из какого-либо третьего языка, например, латинского, английского, французского и пр.» [8, с. 64].

По нашему мнению, наиболее полно вопрос интернациональной лексики был освещен в работах В. В. Акуленко. Среди основных характеристик интернационализмов он выделял сходство в графической и звуковой оболочке, семантическую идентичность или близость, помогающую билингову понимать текст на чужом языке, их взаимопонятность при соприкосновении языков, способность отождествляться в синхронии, а не только быть достоянием этимологии и т. д. [5].

Общеизвестно, что интернационализмы могут быть представлены как в двух родственных или неродственных, так и в нескольких языках. Необходимо отметить, что к языкам – источникам интернационализмов ученые относят в основном греческий и латинский языки, однако это могут быть и любые другие естественные современные языковые системы, например, французский, английский или немецкий языки.

Интернационализмы отличаются от обычных заимствованных лексем тем, что выражают понятия международного значения и имеют довольно обширную сферу употребления. Следовательно, обычные заимствования функционируют только в одном языке, а интернациональные слова во многих языках [1, с. 32].

В составе интернациональной лексики есть лексемы, заимствованные из других языков, например, из арабского (гарем, алгоритм, тариф, адмирал, цифра, алгебра, зенит, алкоголь, кофе), из японского (соя, джиу-джитсу), из африканских (шимпанзе), из китайского (чай, женьшень), из языков Индии (веранда, пижама, джунгли, пунш), из малайского (орангутанг), из персидского (караван, жасмин) [6].

Глобальная роль английского языка, признаваемая представителями разных отраслей знаний, позволяет предположить существование отдельного пласта интернациональной лексики английского происхождения. Безусловно, основную массу интернациональных элементов английского происхождения

составляют корневые морфемы, проникающие в мировые языки и обладающие способностью комбинироваться с национальными аффиксами [3, с. 34]. В качестве примеров, образуемых в русском языке различными способами производных, можно привести такие слова, как банковать, бизнесовый, консультирование, дизайнерский, дисковый, драйвовый, хитовый, маркетолог, медиасоюз, стильный, тестировать.

Если заимствование слов из английского языка, относящихся преимущественно к области спорта и морской терминологии, признавалось и ранее, а проникновение англицизмов в сферу деловой коммуникации в настоящее время не вызывает сомнения, то об отдельных интернациональных элементах до недавнего времени принято было говорить исключительно в контексте влияния на мировые языки греческого и латинского. В последние десятилетия, в связи с приобретением английским языком интернациональных функций, возросло количество заимствуемых из него слов на -ер (-or) со значением одушевленного/неодушевленного агента: спичрайтер, криэйтор, копирайтер, сканер, принтер [6, с. 280].

Процесс перевода с одного языка на другой всегда вызывал у переводчиков, не только начинающих, но и у мастеров своего дела, множество трудностей и вопросов. Особый интерес вызывает перевод аббревиатур, неологизмов, фразеологизмов, терминов, архаизмов, заимствований и др.

Интернациональные термины встречаются во всех областях науки и техники. Интернациональные слова, полностью совпадающие по значению, встречаются достаточно редко. Между тем слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в плане выражения) в двух языках, в плане содержания или по употреблению, не полностью соответствуют или наоборот – полностью не соответствуют друг другу. Однако перевод такой лексики допускает использование приёма дословного перевода [4].

Не возникает проблем или двусмысленностей при переводе таких интернациональных терминов, как синдром, вирус, концентрация, анион, детектор, диод, радио, теорема, интеграл, фокус, протон, атом и т. п. Это стало возможным благодаря тому, что данные слова закрепились в языке, став при этом терминами, которые свободно функционируют в нем. С помощью таких интернационализмов уже создан целый международный фонд научной терминологии [7, с. 277–283].

Основную часть интернациональной лексики составляют термины из области науки и техники, которые произошли от корней латинских слов. Поэтому, зная латинский алфавит, можно легко перевести их на русский язык. Таким образом, например, можно перевести следующие лексические единицы: *atom* (атом), *cosmos* (космос), *physics* (физика), *mathematics* (математика). Из общественно-политической жизни можно привести следующие примеры: *diplomat* (дипломат), *confrontation* (конфронтация), *parlament* (парламент), *poet* (поэт), *drama* (драма) и др. [2].

В большинстве случаев перевод таких слов не вызывает никаких затруднений, а чаще всего происходит наоборот – они выполняют в тексте роль своего рода «подсказок» и с их помощью легче понимается смысл всего повествования, даже если не все слова в тексте знакомы читателю или переводчику.

Моменты затруднения или колебания возникают в тех случаях, когда у интернациональных слов существуют исконно русские синонимы. В таких случаях интернациональное слово носит более точный терминологический характер, а выбор между двумя такими лексическими единицами зависит от стиля и вида текста, а также от реципиента конечного перевода.

Затрагивая семантическую сторону вопроса перевода интернационализмов, необходимо уточнить, что несоответствия часто связаны с тем, что в одном языке слово может иметь более общее значение, а в другом – более конкретное.

Существует два варианта частичных несоответствий: те, которые частично совпадают с русским (т. е., в одном значении из нескольких) и те, которые не имеют значения, присущего его английскому эквиваленту (русское слово обладает значением, которое отсутствует у его английского соответствия).

Интернациональные лексические единицы и словосочетания, значения которых полностью совпадают, а, значит, они являются полными эквивалентами, попадают в парах языков достаточно редко. С другой стороны, слова, ассоциируемые и отождествляемые (благодаря сходству в способах выражения, а именно благодаря их графическому и фонетическому сходству) в двух языках, оказываются не соответствующими друг другу частично или даже полностью как в плане содержания, так и в способах употребления и функционирования данных единиц. Это так называемые псевдоинтернациональные слова, которые были образованы из международных морфем только в данном языке и не вышли за его пределы (не были заимствованы другими языками) [8, с. 174].

Учитывая все нюансы передачи таких единиц, переводчики могут сделать вывод о том, что при переводе вообще не допускается использования приема дословного или буквального перевода. Однако исключение подобной возможности из стратегии переводчика было бы огромной ошибкой. Чтобы избежать неточностей, которые в дальнейшем могут привести реципиента сообщения в заблуждение, переводчик имеет в своем арсенале достаточное количество разнообразных приемов и способов перевода, которые стоит рассмотреть далее.

Самым классическим из них является транслитерация. Традиция побуквенной передачи слов зародилась давно, поэтому большое количество лексических единиц имеют устойчивый вариант перевода в русском языке, а именно с помощью транслитерирования. С развитием переводоведения и переводческой деятельности на место побуквенной передачи пришла передача звуковой оболочки слова, т. е. транскрибирование. Многие интернационализмы передаются через звуковую форму. Эта трансформация обеспечивает перевод прежде всего лексического значения тех слов, которые заимствованы с английского, французского и других языков, в которых орфографические системы основываются исключительно на фонетических принципах, например, «box – бокс», «leader – лидер», «jeans – джинсы».

С другой стороны, перевод интернациональных терминов не следует рассматривать только как механическую замену одной буквы или звука исходного языка на соответствующую букву или звук переводящего языка.

Таким образом, применяются более сложные способы перевода, когда графическая форма не полностью соответствует исходной и различается лишь прибавлением или упущением одной или нескольких букв или звуков, например, *basin* – бассейн, *wine* – вино, *salt* – соль. В таком случае следует помнить, что большинство интернационализмов сами пришли в английский язык с греческого или латинского языков, в результате чего он стал языком-посредником.

Следовательно, среди других способов можно выделить калькирование, синонимическую замену, экспликацию (описательный перевод), наличие в языке транспозиций определенных слов, а также применение способа специализации или генерализации терминологии в зависимости от области научного знания.

Калькирование широко применяется при переводе интернациональной лексики, а еще более распространенными являются полукальки, т. е. англоязычные слова, которые в процессе своей адаптации в русском языке изменяют свою форму согласно грамматическим, лексическим, фонетическим и стилистическим правилам и нормам русского языка. Чаще всего это касается окончаний слов, которые и несут в себе их основные характеристики. Примечательно, что калькированию подвержены скорее устойчивые терминологические сочетания, которые переходят из языка в язык целиком.

Следующим приемом можно назвать синонимическую замену. Под синонимической заменой понимают поиск равного по лексическому значению слова или словосочетания в языке перевода. Возможность использования такого способа перевода определяется наличием в переводящем языке корневой морфемы, которая уже находится в международном употреблении, и в результате может быть заменена на другую международную лексему, синонимичную или близкую по значению исходной. Данный способ замены возможен благодаря существованию в переводящем языке интернационализмов, которые были заимствованы в разные исторические периоды. Существование определенных эквивалентных интернационализмов объясняется переплетением языков между собой в различные исторические эпохи: «*base* – база», «*фундамент*» (греч. и лат.), «*elixir* – эликсир, панацея» (араб., греч.).

Описательный перевод или экспликация представляет собой способ, который применяется только в тех случаях, когда все остальные были не результативными. На современном этапе наука и техника развиваются настолько стремительно, что даже профильные специалисты, не говоря уже о рядовых читателях, не успевают за всеми новшествами и неологизмами, которые можно встретить в текстах специальной направленности. Не стоит забывать и о целой категории слов в английском языке, которые не имеют прямых эквивалентов в русском. Хотя их и не так много, однако, в некоторых случаях они могут вызвать значительные трудности в процессе перевода. Среди недостатков такого способа можно выделить громоздкость и многословность результата перевода. Например, «*coil gradient*» – «перепад температуры между катушкой и окружающим маслом» или «*hydraulic water*» – «вода, поступающая в гидравлический классификатор». Добиться правильного и максимально эквивалентного перевода поможет тщательный этимологический анализ компонентов переводимого выражения или словосочетания.

Терминологическая специализация – способ перевода, при котором происходит замена слова или словосочетания иностранного языка с более широким предметно-логическим значением на слово в переводе с более узким значением. Терминологическая генерализация – процесс, обратный специализации, при переводе на русский язык применяется довольно редко, так как терминологическое следование от частного к общему больше характерно для английского языка. В свою очередь, русские терминологические сочетания более точны, чем их англоязычные аналоги. К случаям специализации относятся слова «shutter» – «заслонка», «knob» – «ручка», «кнопка», «рукоять», «регулятор», а вот лексема «clamp» – «струбница», «хомут», «крепление» в зависимости от контекста может быть передана как с более узким значением, так и обобщена [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что переводчик имеет в своем арсенале довольно много приемов и способов перевода интернациональной лексики, в частности, терминов на русский язык. Разумеется, выбор наиболее подходящего способа зависит от многих факторов, в том числе: сферы научного знания, контекста, опыта переводчика, изученностью конкретной темы в языке перевода и т. д.

Наиболее используемыми на сегодняшний день являются способы транскрибирования и калькирования, а также специализация значения слова. В свою очередь, трудные для понимания словосочетания и выражения переводятся с использованием экспликации или синонимической замены.

Следующей важной проблемой, которая является камнем преткновения у многих исследователей и специалистов, является вопрос о степени расхождения, количестве и распределении данной лексики для разных пар языков. В английском и русском языках «ложные друзья переводчика» насчитывают несколько тысяч слов, представленные четырьмя частями речи: существительными, прилагательными, наречиями, глаголами.

Процесс ложного понимания интернациональной лексики прост: в процессе межъязыкового общения, при сравнении лексических и семантических систем двух языков, мы сталкиваемся с такими лексическими элементами, которые имеют схожую или одинаковую графическую и/или фонетическую формы, но различаются по смысловому наполнению.

Преобладание интернациональной и псевдоинтернациональной лексики преимущественно наблюдается в сфере научно-технического перевода и имеет свои характерные особенности, специфика которых проявляется как в количественном составе таких лексем в текстах, так и в их качественных характеристиках.

Таким образом, в данной статье были рассмотрены трудности, с которыми приходится постоянно сталкиваться переводчикам, а также проанализированы способы и приемы, которые помогают достичь максимальной адекватности перевода. Только учитывая все аспекты и стороны категории интернациональной и псевдоинтернациональной лексики, можно достигнуть эквивалентного, адекватного перевода, который максимально точно сможет донести информацию от иностранного источника сквозь межъязыковой барьер до конечного реципиента.

В заключение хотелось бы отметить, что на современном этапе развития общества, когда специальная терминология взаимопроникает в самые разные области науки и техники, переводчику необходимо, прежде всего, правильно понимать содержание технического текста. А для этого он должен хорошо разбираться непосредственно в теме оригинального текста и владеть английской терминологией из данной области. Для адекватного и грамотного технического перевода специальных текстов требуются знания не только грамматических, лексических и синтаксических основ английского языка, но также и глубокие познания из области той специальности, к которой относится оригинальный текст. Перевод специальных текстов – это трудоемкий, тщательный процесс и, более того, исследовательская работа, как в области языка, так и в области определенной специальности. Не существует свода правил, приемов и способов, знание которых обеспечит удачный перевод научно-технических текстов. Главные помощники переводчика – трудолюбие, терпение, специальные онлайн-словари, технические справочники и знание грамматики. Перспективы дальнейших исследований мы видим в глубоком изучении особенностей перевода интернациональных терминов в публицистических и художественных текстах.

Список литературы

1. **Акуленко, В. В.** Вопросы интернационализации словарного состава языка / В. В. Акуленко. – Харьков : Харьк. ун-т, 1972. – 215 с.
2. **Бреус, Е. В.** Основы теории и практики перевода с английского языка на русский / Е. В. Бреус. – М. : Изд-во УРАО. – 2001 – 197 с.
3. **Ким, Ю. Ф.** Опыт синхронного изучения иноязычных языковых единиц : автореф. дис. ... канд. филол наук : 10.02.20 / Ю.Ф. Ким. – Алма-Ата, 1971. – 25 с.
4. **Колиенко, Т. С.** Особенности интернациональной лексики и способы ее перевода / Т. С. Колиенко, И. В. Кузнецова [Электронный ресурс] // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы : материалы III Международн. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). – СПб. : Свое издательство, 2018. – С. 32–37. – Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14578/>, свободный. (Дата обращения: 16.08.2022 г.).
5. **Копылова, Е. В.** Этимология слов интернациональной лексики от классических до современных языков / Е. В. Копылова [Электронный ресурс] // Наука и современность. – №42. – 2016. – С. 94–100. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/etimologiya-slov-internatsionalnoy-lexiki-ot-klassicheskikh-do-sovremennyh-yazykov>, свободный. (Дата обращения: 11.08.2022 г.).
6. **Крысин, Л. П.** Иноязычные слова в современном русском литературном языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 206 с.
7. **Кузнецова, Т. И.** Профессиональный диалект или специальный язык: проблемы обучения иноязычной профессиональной разговорной речи / Т. И. Кузнецова, А. Н. Марченко, И. А. Кузнецов, В. М. Аристов // Филология и культура. – 2016. – №1(43). – С. 277–283.
8. **Нелюбин, Л. Л.** Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – 320 с.

9. **Смирнова, В. Н.** Специализация интернациональной лексики при переводе инженерно-строительных текстов / В. Н. Смирнова, О. В. Гринцова, Д. М. Гринцов [Электронный ресурс] // Вестник ЧелГУ. – №6. – 2019. – С. 161–170. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsializatsiya-internatsionalnoy-leksiki-pri-perevode-inzhenerno-stroitelnyh-tekstov>, свободный. (Дата обращения: 20.08.2022 г.).

**Bogacheva V. E.,
Dyatlova A. M.**

International Terms as an Object of Linguistic Study in the Translation of Specialized Literature

The article is devoted to the problem of English-Russian translation of international terminology. The study highlights the main characteristics of international terminological vocabulary, as well as analyzes the specifics of its translation. Moreover, it considers transformational techniques for translating terms of specialized texts and allocates the main difficulties that a translator may face in the working process, and describes the problems associated with pseudo-international vocabulary.

Key words: *international vocabulary, pseudo-international vocabulary, international terms, specialized translation, specialized text.*

УДК: 81'255.4'373.72 : 316.722

Калюжная Виктория Юрьевна,

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
vkalyuzhnaya2468@gmail.com

Гончарова Светлана Владимировна,

ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
sveta.sv71@mail.ru

Перевод идиом как трансляция культурного кода носителей языка

В статье предпринята попытка выделить культурную природу идиом, классифицировать и охарактеризовать их типовые особенности. Большое внимание уделено компонентам культуры, несущим семиотические смыслы для появления идиом. Подчеркивается значение идиоматики для сохранения идентичности национальной культуры.

Ключевые слова: идиома, культурный код, язык, коннотация, носители языка.

Каждый язык – это храм, в котором бережно хранятся души говорящих на этом языке.

О. Холмс

Идиомы справедливо считают наиболее ярким проявлением национально-культурной специфики языка, ценнейшим лингвистическим наследием, в котором отражено богатство, накопившееся в процессе исторического развития той или иной культуры. Процесс этот носит длительный и специфический характер, затрагивает глубинные особенности духовной и повседневной жизни носителей языка, являясь, в свою очередь, системой социального становления и предопределяя обычаи, верования и жизненные установки последующих поколений данной культуры. Другими словами, идиоматика становится своеобразным кодом, характерным только для одного языка и одной культуры, именно поэтому идиомы трудно распознать и интерпретировать представителям других культур.

Цель статьи – рассмотреть особенности перевода идиом как трансляции культурного кода носителей языка.

В научных кругах этот лингвистический феномен вызывает стойкий интерес, поскольку его связывают с проблемами соотношения языка и культуры, со значением национально-культурного своеобразия идиом для сохранения идентичности и целостности национальной культуры. Среди наиболее известных лингвистов, изучающих вопросы возникновения идиом, их клас-

сификацию и формы выражения, следует назвать У. Вейнриха, В. В. Виноградова, А. В. Кунина, Д. Э. Розенталя, М. А. Теленкову, С. Тер-Минасову, и др. Так, В. В. Виноградов пишет об идиомах как об абсолютно неделимых, неразложимых единицах, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака, подчеркивая их отличие от других видов фразеологических оборотов [2, с. 63]. А. В. Кунин, выделяя три раздела фразеологии, также называет идиомы немотивированными единицами, выступающими как эквиваленты слов, как устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением при высоком удельном весе коннотативного аспекта, то есть его экспрессивно-оценочных, эмоциональных, образных и других компонентов [3, с. 53]. У. Вейнрих подчеркивает, что всем языкам «внутренне присуща идеоматичность – свойство составных выражений, значение которых не выводится из синтаксической структуры и значений входящих в них компонентов» [1, с. 139].

Опираясь на эти и другие исследования, мы пришли к выводу, что не всякий фразеологизм можно считать идиомой, а лишь ту часть фразеологизмов, которая относится к понятию «фразеологическое сращение», то есть, это те фразеологические обороты, которые обладают абсолютной семантической спаянностью частей, целостное значение которых не выводится из значений составляющих их слов (нередко устарелых, сохраняющих архаическую грамматическую форму и не оправданную современными правилами синтаксическую связь). Отсюда понятно, что слова в идиоме исторически срослись так тесно, что по отдельности не передают смысла и поэтому не переводятся дословно. Например: *Jack of all trades*, имеет смысл лишь целиком, как ироническое обозначение человека, берущегося за все дела сразу, и ни о каком конкретном Джеке, ни о каких ремёслах здесь речи нет.

Интересно отметить, что через природу идиом можно проследить различие между языками и их носителями, поскольку все они различаются особенностями выбора предметов, которые составляют идиому. Например, на английском языке *it is raining cats and dogs*, идет сильный дождь, на валлийском звучит как *it is raining old women and sticks*. Еще один пример, в английских идиомах часто встречается слово «собака»: *dog's chance*, *dog's breakfast*, *dog's life*, *let the sleeping dogs lie* и др. Эти идиомы не имеют точных аналогов в русском языке, потому что, в отличие от английской культуры, собаки не имеют такого значения в русской культуре. И таких примеров множество. Отсюда следует, что на лексические элементы каждого языка влияет его культура и то, как люди формируют свое отношение к окружающей среде. Здесь можно говорить о наличии некоего лексикода, в рамках которого формируются соответствующие коннотации и смысловые формы. Поэтому знание культуры и контекста является ключом к пониманию и интерпретации идиом.

К компонентам культуры, несущим семиотические смыслы, относят: традиции и обычаи, материальную (бытовую) культуру, художественную культуру, духовную культуру (мораль). Англичане справедливо считаются народом, чтящим свои традиции и гордящимся ими, поэтому многие идиомы связаны именно с ними. Например, англичане очень трепетно относятся к

процессу чаепития, поэтому существует несколько идиоматических выражений со словосочетанием «cup of tea»: *an old cup of tea* – старушка, *an unpleasant cup of tea* – неприятный человек, *to be one's cup of tea* – нравиться, *a storm in a teacup* – буря в стакане воды и др. Еще примеры: любовь к садоводству породила множество идиом, связанных с выращиванием растений: *to have green fingers* – иметь талант к садоводству, *to nip something in the bud* – пресечь что-то на корню, *beat around the bush* – ходить вокруг да около и др.; увлечение футболом через идиомы прочно отразилось на обыденной речи британцев: *get the ball rolling* – начать какое-то действие, *get a kick out of something* – получать удовольствие от чего-либо, *to kick something off* – начать что-то, *to be on the ball* – быть на высоте и многие другие.

Идиоматика материальной культуры отражает традиционные национальные занятия англичан, приметы их типичного быта/поведения и связана с определенными событиями, относящимися к разным временам, например, *baker's dozen* – чертова дюжина, *to put smb. through the mill* – подвергнуть кого-то суровым испытаниям, *to carry coals to Newcastle* – делать что-то ненужное и др. Интересно отметить, что когда основным занятием англичан было рыболовство и сельское хозяйство, это нашло выражение в идиоматике языка: *holy cow* – святые угодники, ничего себе, *the black sheep of the family* – паршивая овца, *a cold fish* – неприветливый и бесчувственный человек. Когда появилось и получило важное значение мореплавание, это сразу отразилось на лексических формах сокращенного выражения мысли: *to rock the boat* – нарушать равновесие, *miss the boat* – упустить возможность, *push the boat out* – потратить большую сумму денег и др. То есть, каждое новое событие сопровождалось расширением идиоматики языка, отражая приоритеты того или иного событийного ряда в культурной жизни Британии.

Идиомы, касающиеся художественной культуры, отражают особенности английского языка, фольклора и литературы. Характерной особенностью английского языка является необычайно широкая коннотация некоторых английских слов, в частности, имен. Например, имя *Jack* может означать не только абстрактного человека, как в идиоме *Jack-of-all-trades*, но и часть механического устройства или реалии, например, *jack-plane* – рубанок, *jack-in-the-box* – мошеник, *Union Jack* – национальный флаг Великобритании, *jack-pot* – главный выигрыш и др. Имя *Tom* также входит в ряд идиом, например, *tomboy* означает девочку-сорванца, *tomcat* – кот-самца, *tomfoolery* – дурашливое поведение и др. Также, при переводе английских идиом, необходимо учитывать их грамматические особенности, среди которых можно выделить, во-первых, отклонения от грамматических правил, например, *it's ages since we met!* – сколько лет, сколько зим! (форма глагола *to be* соответствует единственному числу, а существительное стоит во множественном числе). Во-вторых, наличие аллюзивных значений, когда кажется, что идиомы имеют прямое толкование, но на самом деле это не так, например, *let's call it a day* – пора закругляться, *what are they up to?* – что они замышляют? Сюда же относится изменение порядка слов, грамматические и синтаксические ограничения идиом, полученные при их появлении. Другими словами, необходимо учитывать, что идиомы со временем не принимают добавлений к своим составляющим,

удалений, замен, изменений грамматических структур, поскольку их значение может измениться и идиоматическое выражение может исчезнуть. Такая устойчивость связана с культурным аспектом языка.

Большое количество идиом пришло в английский язык из фольклора и художественных произведений. Например, идиома *Fortunatus's purse* означает неистощимый запас денег и происходит от имени сказочного персонажа, *in borrowed plumes* – ворона в павлиньих перьях появилась из басни, *King Charles's head* – навязчивая идея, предмет помешательства встречается в романе Ч. Диккенса «Дэвид Копперфилд». Список таких идиом огромен, наличие их в английской литературе является красноречивым источником богатства и самобытности языковой культуры.

Еще одна довольно многочисленная группа идиом согласуется с духовными (моральными) корнями английского менталитета и культуры. Конечно, в основе своей они пересекаются с общечеловеческой моралью и ценностями, однако несут и чисто английские смысловые характеристики. Так, например, через идиоматику можно проследить образ классического англичанина, человека рассудительного (*good example is the best sermon* – хороший пример есть лучшая проповедь), прагматичного (*bring home the bacon* – неплохо зарабатывать, *go Dutch* – платить за себя, разделить счет пополам), ироничного (*kick the bucket* – «сыграть в ящик»), ценящего все парадоксальное и неожиданное (*when pigs fly* – когда рак на горе свистнет), презирающего откровенность и демонстрацию слабости (*to keep a stiff upper lip* – не падать духом).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что специфика идиом заключается в отражении истории и ментальности народа. Сам факт того, что язык, его механизм, заставляет сказать так, а не эдак, предписывая выбрать то, а не другое слово, позволяет нам предположить, что подлинным источником и хранилищем потенциальной информации выступает некий культурный код, который формирует и сохраняет национальное самосознание отдельной лингвокультурной общности. Говоря об английском языке, стоит отметить, что он изобилует идиоматическими оборотами, позволяя англичанам не только сокращать свою речь, но и делая ее более экспрессивной. К тому же идиомы – занимательная часть языка, что мы и попытались показать в данной статье, поэтому знакомство с ними вызывает интерес не только к изучению английского языка, но и к культурно-историческому наследию английской нации. Исследование перевода идиом как трансляторов культурного кода носителей языка мы будем продолжать в цикле дальнейших статей.

Список литературы

1. Вейнрих, У. Опыт семантической теории / У. Вейнрих // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 10. – Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 2011. – С. 50–176.
2. Виноградов, В. В. Об основных типах фразеологических единиц / В. В. Виноградов // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Прогресс, 1977. – С. 55–74.
3. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М.: Высшая школа; Феникс, 1996. – 381 с.

**Kalyuzhnaya. V. Yu.,
Goncharova. S. V.**

Translation of Idioms as Translation of the Cultural Code of Native Speakers

The article attempts to highlight the cultural nature of idioms, classify and characterize their typical features. Much attention is given to the components of culture that carry semiotic meanings for the emergence of idioms. The importance of idioms for preserving the identity of the national culture is emphasized.

Key words: *idiom, cultural code, language, connotation, native speakers.*

Каткова Виктория Павловна,
канд. пед. наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и практики перевода и общего
языкознания
ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ имени В. Даля»
katkova_lugansk@mail.ru

Сопоставительный анализ перевода фразеологических единиц в художественном и публицистическом тексте

Статья посвящена сопоставительному анализу перевода фразеологических единиц. В статье учитывается тип текста, в котором представлена фразеологическая единица, а также поднимается вопрос о целесообразности применения закрепленного алгоритма перевода обозначенных языковых единиц. С целью иллюстрации сформулированных выводов статьи, автором приводятся таблицы с примерами использования фразеологических единиц и вариантами их перевода. При анализе особенностей перевода фразеологических единиц во внимание принимаются особенности употребления данных единиц в художественном и публицистическом тексте.

Ключевые слова: фразеологические единицы, алгоритм перевода фразеологических единиц, публицистический текст, художественный текст.

Вопрос перевода фразеологических единиц достаточно широко освещен в научной литературе по теории и практике перевода. Отдельные аспекты перевода фразеологических единиц нередко становятся предметом исследования сопоставительного переводческого анализа, при котором определяются основные переводческие трансформации, наиболее полно отражающие сущность исходной фразеологической единицы.

Целью данной статьи является сопоставительный анализ перевода фразеологических единиц с учетом контекста их употребления.

В процессе исследования было установлено, что фразеологические единицы – это единицы, для которых характерна монолитность, экспрессивность, образность. Для фразеологических единиц характерно употребление вторичной номинации, что становится причиной приобретения другого комплексного значения. Исходя из указанных особенностей, в данной работе будет принято следующее понимание фразеологической единицы: фразеологическая единица – это сочетание слов, которые частично или полностью утратили свое исходное значение и функционируют как единое семантическое целое [1, с. 14].

К лингвистическим особенностям фразеологических единиц относятся сложный лексический состав, который выступает как семантическое целое; утрата лингвистической и семантической самостоятельности; закрепленный порядок слов; цельная функциональность.

Функционально-стилистическая роль и коммуникативно-прагматический потенциал фразеологизмов реализуются посредством выполнения указанных единицами двух основных функций: эмоционально-экспрессивной и изобразительной. Эмоционально-экспрессивная функция помогает автору отобразить собственные чувства, отношение к фактам, событиям, а также помогает вызвать у читателей соответствующие эмоции. Наряду с эмоционально-экспрессивной функцией, фразеологизмы выполняют и манипулятивную функцию, то есть, помощью введения в текст данной единицы автор может повлиять на сознание читателя и даже в некоторых случаях изменить свою точку зрения. Изобразительная функция фразеологизмов способствует наглядности в выражении мыслей и чувств, которые автор стремится передать в форме образных представлений. Наряду с изобразительной функцией, фразеологизмы выполняют и культурологическую функцию, которая заключается в отражении реалий культуры, которые характеризуют отдельную нацию.

В научной литературе основными критериями разграничения фразеологических единиц выступают: способ образования, структура фразеологической единицы, стилистическая принадлежность, этимология, семантика фразеологической единицы. Наиболее полная классификация фразеологических единиц представлена в работах В. В. Виноградова. Так, фразеологические единицы правомерно разделять на следующие четыре типа: фразеологические сращения (идиомы), фразеологические единства, фразеологические сочетания и фразеологические выражения (поговорки и пословицы) [1, с. 78].

При переводе фразеологических единиц, согласно работе В. Коллера, соблюдается так называемая вариативная эквивалентность, которая проявляется в разных видах отношений эквивалентности: денотативной, коннотативной, текстуально-нормативной, прагматической и формальной. Именно эти отношения являются основой процесса перевода фразеологических единиц. Данные отношения указывают на переводческую трансформацию, которая наиболее полно отражает сущность исходной фразеологической единицы. В литературе по теории и практике перевода представлен единый алгоритм передачи фразеологических единиц с иностранного языка на русский язык, а именно: аналоговый перевод, эквивалентный перевод и описательный перевод. Однако не всегда указанные переводческие трансформации позволяют отобразить сущность исходной фразеологической единицы в полном объеме. По указанным причинам в данной статье предпринимается попытка сравнительного анализа англоязычных фразеологических единиц [2, с. 89].

Для сравнительного анализа были отобраны:

- художественный текст романа современного английского автора Ника Хорнби «Мой мальчик» (Nick Hornby «About a boy»);
- тексты публицистических статей, которые представлены в электронном издании «The Guardian»;
- англо-русский фразеологический словарь.

При анализе указанных ресурсов были найдены порядка 100 фразеологических единиц, которые употреблены в разных контекстах. Например, фразеологическая единица *no way around it* является достаточно частотной и представлена как в художественном, так и в публицистическом тексте.

Таблица 1

Перевод фразеологической единицы *no way around it*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
There is no way around it, «big society» still needs money - Так или иначе, но высшему обществу все еще нужны деньги [4]	There was no way round it. (N.H.) В школу ходят все. Тут никуда не денешься [3, с. 78]	No way around it – без этого не обойтись; это случится так или иначе; это неизбежно [5, с. 511]

Основываясь на данных таблицы, отметим, что при переводе анализируемой фразеологической единицы в контексте публицистики переводчик воспользовался переводческой трансформацией компрессии, что позволило ему сохранить исходный семантический смысл англоязычной фразы, а также сохранить несколько ломанную структуру. При переводе фразеологической единицы в художественном тексте переводчик воспользовался фразеологическим эквивалентом, при этом «снизил» стилистическую нагрузку фразы. Именно поэтому русскоязычный вариант фразы приобрел звучание, которое характерно для подростков.

Далее обратим внимание и на фразеологическую единицу *do any good*. Примеры перевода и контекст употребления данной единицы представлен в таблице 2

Таблица 2

Перевод фразеологической единицы *do any good*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
Did Spotify's «fake artists» do any good? – Принесли ли пользу «фейковые художники» от Спорти? [4]	...but it didn't do him any good at school (N.H.) – ...но в школе это ему совсем не помогало [3, с. 56]	do any good – пойти на пользу [5, с. 405]

При анализе способов перевода рассматриваемого фразеологизма отметим, что независимо от типа текста, его жанровой специфики данный фразеологизм передается на русский язык посредством фразеологического аналога. Указанный способ перевода полностью соответствует семантической нагрузке исходной фразы, но претерпевает некоторые изменения на структурном уровне. Так, в художественном тексте представлено отрицание, в публицистическом – вопрос. Отметим, что в зависимости от структуры фразы переводчик выбирает наиболее удачный аналог англоязычной фразеологической единицы.

Обратим внимание и на фразеологизм *carry it through*. В таблице 3 представлены варианты перевода и контекст употребления данного фразеологизма. Обозначим, что данный фразеологизм требует выбора переводческой трансформации с учетом контекста его употребления, а также синтаксического и стилистического оформления фразы, в которой он употреблен.

Таблица 3

Перевод фразеологической единицы *carry it through*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
Should a woman <i>carrying</i> a doomed foetus be required to <i>carry it through</i> to stillbirth? – Должна ли женщина, которая вынашивает замерший плод, рожать его? [4]	... <i>carry it through</i> . (N.H.) - ...вынести это [3, с. 90]	<i>carry it through</i> – довести до конца [5, с. 312]

Основываясь на представленном переводе, выделим ряд аспектов перевода данного фразеологизма:

– в публицистике использована конкретизация, которая отражается в выборе глагола, который указывает на непосредственный процесс рождения ребенка. Такая трансформация обусловлена контекстом использования данной единицы. Также отметим, что в рамках публицистики утрачивается фразеологическое значение анализируемой единицы;

– в художественном тексте анализируемый фразеологизм передан с помощью фразеологического эквивалента, что поспособствовало выполнению изобразительной функции, а именно – охарактеризовать отношение главного героя к школе;

– в словаре фразеологических единиц перевод анализируемой единицы выполнен с помощью фразеологического аналога, что обусловлено прежде всего спецификой словарных статей. Анализируя перевод представленного фразеологизма в словаре, приходим к выводу, что он может быть представлен в речи и как самостоятельный фразовый глагол: *carry through* – *выполнять*.

Обратим внимание и на следующий фразеологизм *When in Rome do as Romans do*. В данном случае следует говорить о пословице, однако в публицистическом тексте данный фразеологизм утрачивает свое первоначальное значение и представляется в виде трансформированной фразеологической структуры, которая используется в тексте с целью привлечения внимания читателя к правилам дорожного движения. В таблице 4 представлены варианты перевода данного фразеологизма и контекст его использования.

Таблица 4

Перевод фразеологической единицы *When in Rome do as Romans do*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
When in Rome, don't drive as the Romans do – and get the right cover – Приехали в Рим? Не ездите, так как ездят жители Рима, и придерживаетесь правой стороны [4].	...but until then he would do as the Romans do.... (N.H.) - ... но до тех пор делай, как велят [3, с. 32]	When in Rome do as Romans do – в чужой монастырь со своим уставом не ходят [5, с. 879]

Анализируя способы перевода указанного фразеологизма, отметим, что и в публицистическом тексте выполнен дословный перевод, поскольку того требует контекст. Однако некоторых изменений претерпела структура фразы. Переводчик воспользовался вопросительной формой и заменой на грамматическом уровне, а также членением предложений на синтаксическом уровне. В публицистическом тексте также представлен технический термин – *right cover* (*правая панель*), но поскольку речь идет о дороге и о правилах движения в Риме (исходя из текста статьи), то переводчик воспользовался окказиональным соответствием, которое обусловлено контекстом.

При переводе рассматриваемого фразеологизма в художественном тексте, переводчик воспользовался модуляцией и полностью изменил пословицу. Кроме того, отметим, что и исходная фраза претерпела изменения – в тексте автор использовал усечение пословицы. Словарный вариант пословицы представлен с помощью полного аналога.

Следующий фразеологизм *to burst into laughter*. Варианты его перевода и контекст использования представлен в таблице 5.

Таблица 5

Перевод фразеологической единицы *to burst into laughter*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
When my character appeared on screen, the entire audience <i>burst into laughter</i> . I was devastated. – Когда мой персонаж появился на сцене, сидящие в зале люди покатались со смеху. Я был опустошен [4]	He knew how stupid that sounded and he started to blush, but then Ellie burst into pearls of laughter (N.H.) – Он понимал как он глуп сейчас и густо покраснел, а Элли...Элли расхохоталась [3, с. 19]	to burst into laughter – разразиться смехом, расхохотаться, залиться смехом [5, с. 211]

Анализируемый фразеологизм переводится с помощью фразеологического аналога независимо от типа текста. В публицистическом тексте интерес представляет перевод существительного *audience*, которое передано с помощью конкретизации и описательного перевода: *сидящие в зале люди*. В художественном тексте при передаче анализируемой фразеологической единицы используется также аналог, который в сравнении с исходной фразой стилистически нейтральный. Такое несоответствие в стилистической окраске является результатом опущения лексической единицы *pearls*.

Проанализируем фразеологизм *make sense of smth*. Варианты перевода и контекст использования представлены в таблице 6.

Таблица 6

Перевод фразеологической единицы *make sense of smth*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
«A very dangerous epoch»: historians try to make sense of Covid – «Очень опасное время» - историки пытаются найти объяснение Ковиду [4]	Will looked at this strange little group, ... and try to make some sense of it... (N.H.) – Вилл оглядел эту странную группку людей ... и попытался хоть что-то понять [3, с. 13]	make sense of smth – уловить смысл, понять [5, с. 709]

При анализе представленной фразеологической единицы, обозначим следующие особенности. В публицистическом тексте используется конкретизация, т. е. переводчик указывает на действия ученых, которые направлены на понимание сущности Ковид, при этом начальная фраза стилистически насыщенная и характеризуется высокой степенью эмоциональной оценки. Именно по этой причине переводчик выбрал вариант конкретизации при переводе фразеологической единицы, что позволило несколько снизить стилистическую напряженность начальной фразы. В художественном тексте под влиянием трансформированной структуры фразеологической единицы происходит подбор фразеологического аналога с учетом исходных трансформаций.

Обратим внимание и на фразеологическую единицу *spot the difference*. В таблице 7 представлены варианты ее перевода и контекст использования.

Таблица 7

Перевод фразеологической единицы *spot the difference*

Публицистический текст	Художественный текст	Словарь фразеологических единиц
London's public and private spaces – can you <i>spot the difference</i> ? – Частное и общественное в Лондоне – почувствуйте разницу [4]	For some reason he couldn't spot the difference between inside and outside, because there didn't seem to be a difference. (N.H.) – Именно по этой причине он не мог разобраться, в чем разница между внешним и внутренним. Наверное, потому что не видел между ними никакой разницы [3, с. 41]	spot the difference – найти отличия [5, с. 809]

Анализируя особенности перевода указанной фразеологической единицы, обозначим, что в публицистическом тексте переводчик использует русскоязычный эквивалент, который полностью отражает семантическую нагрузку исходной фразеологической единицы. В художественном тексте переводчик опускает фразеологическую единицу и передает ее в трансформированном виде, вплетая в контекст, при этом исходная фраза утрачивает первоначальную фразеологическую структуру и лексические единицы функционируют как автономные. Такой прием «разбивает» исходную единицу, но помогает сохранить тональность текста. Однако, несмотря на утрату фразеологической единицы, остается коммуникативная цель высказывания и отражается ход мыслей мальчика школьного возраста.

Подводя итог проведенному сопоставительному анализу фразеологических единиц, отметим, что их перевод зависит от контекста и от структурных изменений, которые они претерпевают в процессе индивидуально-авторского использования в художественном тексте. Основные трудности, связанные с переводом фразеологизмов, заключаются в наличии синонимических, антонимических и омонимических отношений, которые представлены в рамках анализируемого пласта лексики. Кроме того, нередко в зависимости от контекста фразеологические единицы утрачивают семантическую целостность, что приводит к их переходу в разряд общеупотребительной лексики и, как результат, данные единицы функционируют как номинативные.

На основании проведенного сопоставительного анализа способов перевода фразеологических единиц были выделены два типа отношений между исходной фразеологической единицей и ее переводом:

1) исходный фразеологизм = / \approx переводной фразеологизм = фразеологический перевод;

2) исходный фразеологизм \neq переводной фразеологизм = нефразеологический перевод.

Исходя из представленных отношений, переводчик вправе выбирать тот или иной способ перевода рассматриваемых языковых единиц, при этом учитывая контекст и специфику использования фразеологизмов, жанровые и стилистические особенности текста, а также культурный код, который заложен в исходной фразеологической единице.

Перспективы дальнейших исследований видим в разработке укрупненного комплекса переводческих трансформаций, которые бы учитывали контекст и структурные изменения фразеологических единиц.

Список литературы

1. **Виноградов, В. В.** Избранные труды. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
2. **Коллер, В.** Введение в науку о переводе : учебник на нем. яз. / В. Коллер. – Маиер : ООО и Компания, Вибельсхайм, 2001 – 343 с.
3. **Hornby, N.** About a Boy / Nick Hornby. – Gardners Books, 2002 – 288 p.
4. **Jerry Sadowitz** on his Edinburgh ban: ‘Cancel culture isn’t a culture. It’s a diktat that’s been imposed on us’ // The Gurdian [Electronic resource]. – <https://www.theguardian.com/stage/2022/oct/18/jerry-sadowitz-edinburgh-ban-cancel-culture-diktat-nudity-sexism-furore-interview>, свободный. (Дата обращения : 15.08.2022 г.).
5. **Кунин, А. В.** Большой англо-русский словарь фразеологических единиц / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 944 с.

Katkova V. P.

Comparative Analysis of the Translation of Phraseological Units in Literary and Journalistic Text

The article resents the comparative analysis of phraseological units translation. The article takes into account the type of text in which the phraseological unit is represented, and discusses the question of the expediency of using a fixed translation algorithm for designated language units. In order to illustrate the conclusions of the article, the author provide tables with examples of the use of phraseological units and their translation options. When analyzing the peculiarities of the translation of phraseological units, the peculiarities of the use of these units in the feature and journalistic texts are taken into account.

Key words: *phraseological units, translation algorithm of phraseological units, journalistic text, feature text.*

Кисель Виктория Сергеевна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
victoria_bessonnaya@yahoo.com

Василькова Ирина Романовна,
преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
irina_gukalova@mail.ru

Поиск эквивалента и аналога как основные способы перевода фразеологизмов

Данная статья посвящена проблеме поиска эквивалентов и аналогов во фразеологии. В работе освещены сложности перевода фразеологизмов и указаны основные способы их перевода. Проанализирован ряд примеров перевода фразеологизмов с помощью поиска подходящих эквивалентов и аналогов.

Ключевые слова: фразеология, эквивалент, аналог, денотативное значение, экспрессивность, образность.

Предметом особого интереса многих лингвистов являются способы перевода фразеологии. Им уделено немало внимания в многочисленных теоретических работах. Связанные с этим трудности рассматривают по-разному, предлагают разнообразные методы перевода, существуют несовпадающие и противоречащие мнения. Это, пожалуй, в порядке вещей, так как очевидного, стандартного, одного решения здесь быть не может. Довольно часто, даже при наличии равноценного фразеологического соответствия, приведенного в словаре, переводчику приходится подыскивать другие способы перевода, так как этот эквивалент не подходит данному контексту.

Целью статьи является изучение теоретических и практических аспектов выбранной темы, поиска надлежащих эквивалентов и аналогов фразеологии в англоязычной литературе.

На данный момент большинство исследователей (Л. Ф. Дмитриева, В. Н. Комиссаров, С. Е. Кунцевич, Е. А. Мартинкевич, Н. Ф. Смирнова и другие) выделяют такие основные способы перевода фразеологизмов:

- 1) поиск фразеологического эквивалента;
- 2) поиск фразеологического аналога [2].

Для начала рассмотрим первый способ перевода фразеологизмов. При использовании таких соответствий всегда сохраняется весь комплекс значений переводимой единицы. В этом методе перевода каждая составляющая фразеологизма ИЯ (исходного языка) остается прежней в ПЯ (переводящий язык). Составные части фразеологической единицы включают в себя весь смысл и лексический функционал, которые способствуют адекватному пере-

воду, то есть в ПЯ (переводящий язык) существует фразеологизм, совпадающий по всем параметрам с оригиналом:

– *as cold as ice* – холодный, как лед; *to take up the cudgels for (somebody or something)* – выступить в защиту кого-либо (чего-либо), ругаться головой, вступиться за кого-либо (что-либо), встать на чью-либо сторону, отстаивать что-либо (*to start to defend or support someone or something strongly*);

– *to ring the changes (on)* – повторять одно и то же на все лады, звонить во все колокола, вносить мелкие изменения, не затрагивать главного, изменять (что-либо) в одежде, маскировать (что-либо), переодеваться (*to vary the manner or performance of an action that is often repeated*);

– *to ride roughshod (trample, walk) over (somebody or something)* – жестоко обращаться (с кем-либо), держать в ежовых рукавицах, тиранить (кого-либо), самоуправствовать, действовать деспотически, помыкать (кем-либо), совершенно не считаться (с кем-либо или с чем-либо), попирать (чьё-либо) человеческое достоинство, обойтись грубо (*to carry out one's own plans or wishes with arrogant disregard for (others or their wishes); to domineer over or act with complete disregard for*);

– *to take the bull by the horns* – брать (взять, ухватить) быка за рога, действовать решительно, напрямик, мужественно преодолевать затруднения, принять трудное решение, проявлять смелость, быть не робкого десятка, действовать кардинальным образом (*to deal bravely and decisively with a difficult, dangerous, or unpleasant situation; to face and tackle a difficulty without shirking*) [1].

Таким образом, мы используем перевод с помощью нахождения эквивалента, когда имеем дело с фразеологизмами, которые происходят или возникают из одного источника в обоих языках, о которых идет речь. Рассмотрим некоторые примеры.

1. Греческая или другая мифология:

– *Aegean stables* – Авгиевы конюшни, крайний беспорядок и запущенность, загрязненное место;

– *Cassandra warning* – «пророчества Кассандры», предостережения, которыми пренебрегают, но которые сбываются, Кассандра – прорицательница дурного (*in Greek mythology, a daughter of Priam endowed with the gift of prophecy but fated never to be believed*);

– *Sisyphian labour (Sisyphian toil, a labour of Sisyphus)* – «сизифов труд», о бесполезном и изнурительном труде (*a ceaseless, hard and fruitless labour*);

– *Trojan horse* – троянский конь, скрытая опасность (*a large hollow wooden horse filled with Greek soldiers and introduced within the walls of Troy by a stratagem; if you describe a person or thing as a Trojan horse, you mean that they are being used to hide someone's true purpose or intentions*);

– *Aladdin's lamp* – волшебная лампа Аладдина, волшебная палочка, палочка-выручалочка (средство, позволяющее моментально, как по волшебству, достигать желаемого), талисман, выполняющий все желания своего владельца (выражение взято из сказки «Аладдин и волшебная лампа» («Тысяча и одна ночь»), чтобы вызвать джинна, исполнявшего желания, Аладдин тер свою лампу), (*a quality, talisman or object enabling its holder to gratify any wish*) [3].

2. История и литература Древнего мира:

– *to cross (pass) the Rubicon* – перейти Рубикон, отважиться на какой-то бесповоротный шаг, переступить, перейти какой-то важный рубеж (в 49 г. до н.э. Юлий Цезарь, вопреки запрещению Римского сената, перешёл с войском Рубикон – реку, служившую границей между Италией и Цизальпинской Галлией, – и начал гражданскую войну), (*to commit oneself irrevocably to some course of action*);

– *the die is thrown (cast)* – жребий брошен, выбор сделан, деваться некуда, жребий на кону (слова, якобы произнесённые Юлием Цезарем при переходе через Рубикон), (*an event has happened or a decision has been made that cannot be changed; the decision that commits a person irrevocably to an action has been taken*);

– *I came, I saw, I conquered* – пришел, увидел, победил (донесение Юлия Цезаря римскому сенату о победе над понтийским царем Фарнаком), (*according to Plutarch these words were written by Julius Caesar in a dispatch after his easy victory over King Pharnaces of Pontus*) [6].

3. Библия или работы, основанные на библейских сюжетах:

– *to cast the first stone at one* – первым бросить камень, бросить первый камень в кого-либо, первым осудить кого-либо (*be the first to make an accusation (used to emphasize that a potential critic is not wholly blameless), with biblical allusion to John 8:7*);

– *to cast pearls before swine* – метать бисер перед свиньями, то есть напрасно говорить о чём-либо или доказывать что-либо тому, кто не способен или не хочет понять это (цитата из Евангелия от Матфея 7:6: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас»), (*offer valuable things to people who do not appreciate them*);

– *a lost sheep* – заблудшая овца, человек, сбившийся с пути истинного, грешник;

– *not all is gold that glitters* – не все то золото, что блестит.

Прежде всего, переводчик старается отыскать именно фразеологический эквивалент, так как использование данного способа перевода позволяет наиболее точно воспроизвести фразеологизм. Однако необходимо учесть, что таких соответствий немного. Полными фразеологическими эквивалентами являются те готовые английские эквиваленты, которые совпадают с русскими по значению, образности, стилистической окраске и характеристике, лексическому составу и грамматической структуре:

– *to rest on one's laurels* – почить (почивать) на лаврах, останавливаться (успокоиться) на достигнутом (*to be so satisfied with what one has already done or achieved that one makes no further effort*);

– *there is no smoke without fire (where there is smoke there is fire)* – нет дыма без огня, без тучи нет дождя;

– *to read between the lines* – читать между строк (*to look for or discover a meaning that is hidden or implied rather than explicitly stated; to perceive or deduce a meaning that is hidden or implied rather than being openly stated*) [5].

Немалая часть абсолютных (полных) эквивалентов – так называемые интернациональные фразеологизмы, заимствованные из какого-либо языка

(в большинстве случаев – это французский, английский, испанский, датский, немецкий, итальянский, арабский, латинский, греческий языки).

1. Английский:

– *self (-) made man* – человек, добившийся успеха своими собственными силами, человек, сам сделавший себе карьеру, человек, выбившийся самостоятельно в люди;

– *my house is my castle* – мой дом – моя крепость, в своём доме как хоч, так и ворочу.

2. Французский:

– *after us the deluge* – после нас хоть потоп (фр.: *après nous le déluge*), (*as if there were no tomorrow*, слова приписываются Людовику XV или его фаворитке маркизе де Помпадур);

– *to pull the chestnuts out of the fire (for someone)* – таскать каштаны из огня (для кого-либо), чужими руками жар загребать (фр.: *tirer les marrons du feu*).

3. Испанский:

– *the fifth column* – пятая колонна (*persons working for the enemy within a country; introduced in English by E. Hemingway*);

– *to tilt at the windmills (fight or charge with windmills, fight windmills)* – сражаться (воевать) с ветряными мельницами, донкихотствовать (*attack imaginary enemies; introduced by Cervantes, with allusion to Cervantes' story of Don Quixote tilting at windmills, believing they were giants*).

4. Итальянский:

– *Dante's inferno* – Ад Данте Алигьери («Божественная комедия»);

– *finita la commedia* – комедия окончена, кончен бал, делу конец.

5. Арабский:

– *Aladdin's lamp* – волшебная лампа Аладдина, волшебная палочка, палочка-выручалочка (средство, позволяющее моментально, как по волшебству, достигать желаемого), талисман, выполняющий все желания своего владельца (выражение взято из сказки «Аладдин и волшебная лампа» («Тысяча и одна ночь»)), чтобы вызвать джинна, исполнявшего желания, Аладдин тёр свою лампу), (*a quality, talisman or object enabling its holder to gratify any wish*).

6. Немецкий:

– *da ist der Hund begraben* – вот где собака зарыта, в этом-то и заключается суть дела, вот в чем дело;

– *Sturm und Drang* – «буря и натиск», (литературное движение в Германии конца XVIII в., характеризовалось резкостью и эмоциональностью), эмоциональный всплеск (*a literary and artistic movement in Germany in the late 18th century, influenced by Jean-Jacques Rousseau and characterized by the expression of emotional unrest and a rejection of neoclassical literary norms*) [7].

Поиск фразеологических эквивалентов бесспорно является наиболее адекватным способом, однако не всегда в английском и русском языках совпадает образность. Более того, необходимо учесть, что при переводе возможны небольшие изменения в структуре, последовательности слов. Однако такие альтерации не меняют денотативного значения, экспрессивности, выразительности, образности составных частей фразеологизма:

– *kings go mad, and the people suffer for (from) it* – короли сходят с ума, а народ расплачивается, паны дерутся, а у холопов чубы трещат;

– *the pen is mightier than the sword* – перо сильнее (могущественнее) меча (шпаги), что написано пером – не вырубишь топором, язык не из стали, а может ранить, слово жжёт пуще огня, слово не стрела, а пуще стрелы ранит (*writing is more effective than military power or violence*);

– *in broad daylight* – средь (среди) бела дня, при дневном свете, при свете дня, публично, открыто, не скрываясь, у всех на виду, при солнечном свете, при естественном освещении (*during the day, when it is light, and surprising or unexpected for this reason*) [4].

Следовательно, фразеологический эквивалент – единица в русском языке, которая полностью соответствует по смыслу какому-то английскому фразеологизму и основан на одном с ним образе. Однако, допускаются небольшие отклонения в переводе.

1. В структуре образного фразеологизма ПЯ (языка перевода): *to make (cut) a long story short* – короче (проще) говоря, в двух словах, одним словом (*to leave out details in a narration, put the final touch in the composition, in short, put in a nutshell*).

2. Допускаются лексические опущения или добавления: *a lot of (much) water has (had) flown (run, passed, gone) under the bridge (since)* – много воды утекло с тех пор (как).

3. Возможны небольшие контекстуальные замены: *know something as a person (one) knows his (one's) ten fingers* – знать как свои пять пальцев (*know from A to Z*); *everything is good in its season* – всему свое время (черед), всё хорошо в своё время, всякому овощу свое время (*all in its own good (proper) time, to everything there is a season, everything in its own time, don't try to walk before you can crawl*).

4. Допускается генерализация: *one's (own) flesh and blood (bone)* – собственная плоть и кровь, родные дети, родственники по крови, плоть от плоти, кровь от крови, родственник, родная кровинка, братья и сестры.

5. Конкретизация в ПЯ (язык перевода): *a voice (crying, crying out) in the wilderness* – глас вопиющего в пустыне, одинокий голос в пустыне (*a person, group, etc., making a suggestion or plea that is ignored; someone who expresses an opinion that no one believes or listens to*).

Также существуют относительные (частичные) эквиваленты, которые очень похожи на фразеологизм ИЯ (исходного языка) по значению и стилистическим характеристикам, но отличаются лексическим составом, образностью и грамматическими признаками: *not to (be able to, can't, miss) see the wood (forest) for the trees* – за деревьями леса не видеть (*to be unable to grasp the whole because of too many details*); *to make a mountain out of a molehill* – делать из мухи слона, сгущать краски, (сильно) преувеличивать, раздувать на пустом месте, делать много шума из ничего, утрировать, (*to exaggerate the importance of something trivial*); *to beat the air (wind)* – носить воду решетом, попусту стараться, толочь воду в ступе, сотрясать воздух, понапрасну затрачивать энергию, переливать из пустого в порожнее, вести пустые разговоры, говорить на ветер [1].

Все эти примеры были взяты из различного рода учебных пособий и словарей. Смысл каждой фразеологической единицы полностью понятен как носителю ИЯ, так и реципиенту ПЯ.

Отметим, что эквивалент сохраняет все значения, между языками оригинала и перевода нет различий в структуре, грамматический и лексический состав приблизителен, перевод очень похож на оригинал. Зачастую использование данного способа перевода помогает правильно передать смысл предложения, этому способствуют эквиваленты, которые существуют в английском и русском языках как уже устоявшиеся выражения.

По мнению В. Н. Комиссарова, вторым типом перевода фразеологических единиц является поиск фразеологического аналога. Если в ПЯ отсутствует фразеологический эквивалент, то нужно подобрать фразеологизм с таким же переносным значением, который основан на другом образе [2].

Фразеологический аналог относится к тому типу соотношений между единицами исходного языка и языка перевода, в котором фразеологическую единицу можно передать на языке перевода тем или иным соответствием с некоторыми отступлениями от полноценного перевода, то есть фразеологизм исходного языка приблизительно соответствует фразеологизму языка перевода и переводится неким вариантом (аналогом): *a bird in the hand is worth in the bush* – лучше синица в руках, чем журавль в небе; ближняя соломка лучше дальнего сенца; синица в руках лучше соловья в лесу; *to make hay while the sun shines* – куй железо, пока горячо; коси коса, пока роса (*to make good use of an opportunity while it lasts*).

Использование такого способа перевода обеспечивает высокую степень эквивалентности. Однако некоторые ограничения существуют и здесь. В первую очередь, по наблюдениям В. Н. Комиссарова, при использовании такого типа перевода важно сохранить стилистическое и эмоциональное значения фразеологизма. Английский фразеологизм «Jack of the trades» и его русский аналог «мастер на все руки» оба можно отнести к человеку, который может заниматься различного рода делами. Однако, у них не совпадают эмоциональные значения, и поэтому русский фразеологизм не является аналогом английскому [2].

Действительно, в русском языке это мастер, умелец в самом положительном смысле, а вот в английском это – *master of none*, то есть человек, портящий всё, за что берется.

Во-вторых, стоит учитывать следующие факторы: стилистическую разницу некоторых аналоговых фразеологизмов (литературное английское *can the leopard change his spots* невозможно переводить русским разговорным выражением «горбатого могила исправит») и национальную окраску некоторых фразеологических единиц («to carry coals to Newcastle» по смыслу и стилистической окраске полностью соответствует русскому фразеологизму «ездить в Тулу со своим самоваром», а фразеологизм «what will Mrs Grundy say?» аналогичен с «что будет говорить княгиня Марья Алексеевна?», однако при переводе они не могут быть использованы). Национально-окрашенные фразеологизмы лучше переводить русскими фразеологическими единицами, в которых национальная окраска отсутствует:

Количество фразовых единиц, которые совпадают по смыслу и образности в английском и русском языках, относительно невелико. Подобные русские фразеологизмы мы будем называть фразеологическим аналогом английскому выражению, использование соответствующего аналога обеспечивает столь же адекватный перевод английского фразеологизма, как и в случае существования фразеологического эквивалента.

Большая часть английских фразеологизмов всё же имеет похожие по смыслу фразеологические единицы в русском языке. Зачастую такие выражения очень близки по своему коннотативному значению в обоих языках. Как мы рассмотрели ранее, чаще всего в качестве таких фразеологизмов выступают пословицы и поговорки, а также так называемые устойчивые выражения: *he that mischief hatches mischief catches* – кто вынашивает в сердце зло, зло и получает; не рой другому яму, сам в нее попадешь; *to have the ready tongue* – за словом в карман не лезть.

Нередко бывает, что фразеологической единице в ИЯ соответствует не один, а несколько фразеологизмов в ПЯ с аналогичным значением. Английскому фразеологическому выражению «*not for love or money*» соответствуют русские фразеологизмы: «ни за какие коврижки» и «ни за что на свете», которые между собой отличаются степенью выразительности. Ниже приведены похожие примеры фразеологизмов: *don't teach your grandmother to suck eggs* – не учи учёного; яйца курицу не учат; не учи рыбу плавать; *a crooked stick throws a crooked shadow* – как живёшь, так и сльвёшь; какой Сава, такой и Слава; каков отец, таков и сын; *first catch your hare then cook him* – не говори гоп, пока не перепрыгнешь; сначала поймай зайца, а потом будешь из него блюда готовить; не дели шкуру неубитого медведя.

Таким образом, переводчик выбирает один из аналогов, учитывая особенности контекста. Как отмечалось ранее, использование соответствующего фразеологического аналога лучше всего обеспечивает адекватность перевода. Подобранные нами примеры прекрасно иллюстрируют то, что при наличии русского аналога фразеологические единицы переводятся легко, но при этом важно учитывать контекст и эмоциональную окраску произведения, в котором используется фразеологизм. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении особенностей перевода фразеологических единиц.

Список литературы

1. Амбражейчик, А. 2000 русских, 2000 английских идиом, фразеологизмов и устойчивых словосочетаний : / А. Амбражейчик. – [3-е изд.]. – Минск : Попурри, 2007. – 299 с.
2. Английская фразеология [Текст] : (Теоретический курс) / сост. А. В. Кунин. – М. : Высш. школа, 1970. – 342 с.
3. Англо-русский фразеологический словарь с тематической классификацией : Продвинутый англ. – через фразеологию / сост. П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2000. – 446 с.
4. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1976. – 99 с.

5. **Русская фразеология** : семант., прагмат. и лингвокультурол. аспекты / сост. В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 284 с.
6. **Словарь лингвистических терминов** / сост. О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереот. – М. : УРСС; Калуга : Облиздат, 2004. – 569 с.
7. **Wikipedia** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>, свободный. (Дата обращения : 15.09.2022 г.).

**Kisel V. S.,
Vasilkova I. R.**

Searching for Equivalents and Analogues as the Main Ways of Translating Phraseologisms

This article deals with the problem of finding equivalents and analogues in phraseology. The article highlights the difficulties of translating phraseological expressions and indicates the main ways of their translation. A number of examples of translating phraseological expressions by searching for appropriate equivalents and analogues have been analyzed.

Key words: *phraseology, equivalent, analogue, denotative meaning, expressiveness, imagery.*

Кубракова Марина Виталиевна,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
soffi2506@mail.ru

Последовательный перевод в аспекте профессиональной деятельности будущих переводчиков

В статье рассматривается понятие устного перевода и его виды, отмечается роль последовательного перевода в двуязычном общении, выявляются основные психологические трудности в процессе последовательного перевода. Представлены основные стратегии профессиональной деятельности будущих переводчиков в процессе обучения последовательному переводу.

Ключевые слова: последовательный перевод, профессиональная деятельность, устный перевод, психологические трудности, переводчик.

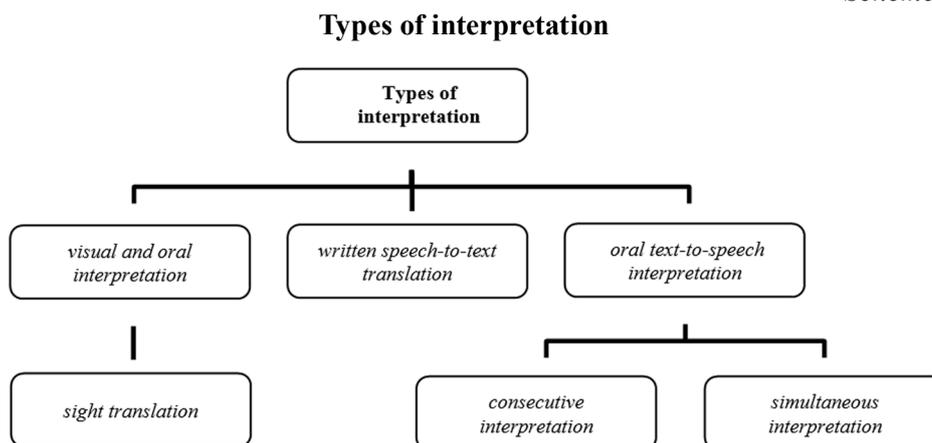
Interpretation has always been represented as one of the types of human activities, where the term “activity” involves a complex structure with such key features as the subject, the purpose, the need and the circumstances in which it takes place. The purpose of interpretation is to satisfy the social need of communication between people in the process of bilingual communication. Interpretation is influenced by various circumstances. Consequently, interpretation is divided into oral and written types, depending on its form and perception of the text.

Both written translation and interpretation also have some differences in the style of communication with interlingual participants and take place in different conditions. Talking about written translation the process of communication is done without direct contact or feedback from communicants. Interpersonal relationships do not have any importance; the object of attention is the translated text. In the oral form, the interpretation process takes place in verbal contact with communicants. The interpreter must perceive oral speech and ensure mutual understanding between the speaker and the listener [5, с. 101].

Undoubtedly, both written and oral translation “is a process of transcoding and re-expression. However, interpretation is the process of transcoding the spoken speech into sounding speech without a written record...” [1, с. 23].

This means that interpretation includes such types of translation that provide sound (verbal) transmission of oral message from one language into another one. According to E. A. Zemskaya oral speech, “is mandatory improvisation. It is created in the process of communication. Therefore, oral speech is closely connected with such feature as “unpreparedness”. An unprepared speech is generated simultaneously with its utterance, however it does not make the speech less prepared [4, с.249].

One should introduce traditional types of interpretation (see scheme 1):

According to scheme 1, interpretation can be done with the help of visual perception and by listening. Thus, visual interpretation is an oral translation perceived visually. Basically, this refers to a sight translation carried out simultaneously with the visual perception of the original written text (articles, letters, etc.). It is a common type of interpretation in the office.

Written speech-to-text translation is a written translation of a text perceived by ear or presented in a sound recording on a tape recorder or computer. This type is used to translate movie scripts, public speeches, negotiations, speeches, conferences. Oral text-to-speech interpretation is an interpreting of a text perceived by ear. Interpretation is divided into 2 independent types of interpreting: consecutive and simultaneous. Simultaneous interpretation is the interpretation of a message from one language into another simultaneously with the speech of a reporter and takes place at international conferences, meetings, etc.

Consecutive interpretation is a process of interpreting of a message from one language into another one after listening of the entire information. We consider it is necessary to elaborate on the consecutive interpretation and its modifications. This type of interpretation represents intermediary speech activity with the participation of at least three subjects and includes at least three types and forms of speech activity, such as listening, thinking and speaking. The interpreter has to face a huge variety of genre texts in his work. This can be a public speech, an interview, a report, negotiations and discussions. The specificity of this type is characterized by the presence of speech clichés, firmly established figures of speech, emotional-evaluative, figurative speech, aphorisms and catchwords, sometimes by the predominance of well-known terms, in some cases by vocabulary with neutral evaluation or phrases in a figurative meaning. Along with V. N. Krupnov, we note that, working with texts of different genres, an interpreter “must possess the methodology of finding adequate means of expressing a given thought, the technique of finding non-standard solutions, especially in difficult problem situations... In the process of interpretation, an interpreter must make the most accurate, stylistically correct decisions” [6, с. 46].

While considering the translation activities, it is extremely important to note the role of the interpreter in the context of intercultural communication. E. M. Vereshchagin and V. G. Kostomarov define this term as “adequate mutual understanding of two participants in a communicative act belonging to different national cultures” [2, c. 26].

Many works have been devoted to the problems of intercultural communication. Most experts agree with one issue: the function of translation is eliminating not only the language barrier, but also the barrier associated with the national and cultural characteristics of a particular language.

We should agree with E. R. Porshneva that professional translation activity is not only a special kind of mental activity, but also is a complex, versatile and multifunctional type of intercultural communication. It is aimed at identifying and interpreting the semantic content of texts (written/oral) created in one culture, and adapting their content to the perception of representatives in another culture. It is obvious that the language is closely connected with the world of its native speakers, in which national features are reflected in the language and passed on to subsequent generations [8, c. 40].

Consequently, it is the translation that contributes to the implementation of the process of acquaintance with foreign culture, and the interpreter acts as a negotiator, an intermediary capable of perceiving messages in oral/written form in one language and reproducing by means of another language.

However, speaking about language mediation, one shouldn't forget that an interpreter has to overcome a number of psychological difficulties in his work. These are examples of them.

1. *One-time perception.* In the process of the consecutive interpretation, the interpreter must extract all the information only with one-time perception, which excludes the possibility of returning to the original. Focusing plays a huge role, which is considered as an integral psychological condition of translation activity. One of the main qualities of attention is also stability – “the duration of focusing on objects or activities” [9, c. 62]. In other words, a sufficient amount of interpreter's attention contributes to an optimal perception of the content of the source text. The result of perception is an understanding of the original text. It should be clarified that the interpreter's understanding of the original differs from the understanding of the same message by the receptor, which perceives it without the intention to translate.

There are three levels of understanding when perceiving a speech message:

a) understanding the main subject (what about?);

b) understanding the semantic content (what?);

c) understanding the motives, internal logic of semantic content (why? by what means?) [9, c. 46]. It is worth emphasizing that the process of perception of the source information, taking into account these levels, is necessary for the successful implementation of translation activities.

2. *Factors complicating perception.* The level of perception of the original utterance can be influenced by various factors: the pace of the speaker, the peculiarities of his pronunciation, the illogicality of speech, its irregularity (from the point of view of grammar). But regardless of them, the interpreter must ensure mutual understanding between the communicants.

3. *Limited memory capabilities.* Along with the perception of the original message, the interpreter has to constantly keep in mind large information blocks, on the one hand which are sounded in a foreign language and on the other hand, the blocks in his native language which are ready for presentation. Frequently, even with paragraph-phrase translation, a beginner interpreter experiences stress due to the inability to cover the entire volume of incoming information, since memory is also the ability to forget [3, с. 170]. In the context of consecutive interpretation, short-term memory plays a direct role. But it should be noted that there are a number of exercises aimed at stimulating memorization, which should be included in the learning process of future interpreters.

4. *Switching from one language into another.* The translation process always requires mental, emotional and mental costs. A quick and productive switch from one language system into another one. Thus, R. K. Minyar-Beloruhev notes that “knowledge of two languages does not guarantee the functioning of the translation skill of switching. Knowledge of two languages is only a prerequisite, a necessary condition for the formation of this skill... A switching skill means the ability to automatically make a decision to recode a segment of the speech chain presented for transmission, denoting a situation or elements of a situation” [7, с. 111].

5. *Unfamiliar themes.* The profession of an interpreter involves working from time to time in an area unfamiliar to him, and insufficient mastering of new language material can also lead to a stressful state and negatively affect mutual understanding between communicants. Usually the topic is known for several days and it is important for an interpreter to turn to various dictionaries, reference books, and sometimes to specialists in this field in order to adequately carry out his activities.

Thus, having considered interpretation in the aspect of the professional activities of future interpreters, we can draw the following conclusion. An interpreter must have a number of qualities to carry out professional activity, namely: the ability to understand the original speech (taking into account the national-specific features of the language), extract the necessary information, as well as the ability to paraphrase the outgoing speech and form his own. Moreover, for the successful implementation of such actions, an instant reaction, concentration of attention, good auditory perception, connection of memory and thinking are necessary.

Therefore, when teaching and working with future interpreters, it is necessary to take into account possible psychological difficulties and build the learning process as much as possible close to the real conditions of translation activity, which would form and develop the above-mentioned qualities of future specialists.

Список литературы

1. **Алексеева, И. С.** Профессиональный тренинг переводчика : учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей / И. С. Алексеева – СПб. : Перспектива ; Союз, 2008. – 288 с.
2. **Верещагин, Е. М.** Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
3. **Гамезо, М. В.** Атлас по психологии: информ.-метод. материалы к курсу «Общ. психология» : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / М. В. Гамезо

- зо, И. А. Домашенко – М. : Просвещение, 1986. – 272 с.
4. Земская, Е. А. Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь / Е. А. Земская. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 688 с.
 5. Комиссаров, В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский : учеб. пособ. для ин-тов и фак-ов иностр. яз. / В. Н. Комиссаров, А. Л. Коралова – М. : Высш. шк., 1990. – 127 с.
 6. Крупнов, В. Н. В творческой лаборатории переводчика / В. Н. Крупнов. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 192 с.
 7. Миньяр-Белоручев, Р. К. Общая теория перевода и устный перевод / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Воениздат, 1980. – 237 с.
 8. Поршнева, Е. Р. Базовая лингвистическая подготовка переводчика / Е. Р. Поршнева. – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2002. – 148 с.
 9. Психология перевода : учеб. пособие (для Высших курсов переводчиков) / И. Я. Зимняя, В. И. Ермолович. – М. : Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореца, 1981. – 99 с.

Kubrakova M. V.

Consecutive Interpretation in the Aspect of Professional Activity of Future Interpreters

The role of consecutive interpretation in the bilingual communication is mentioned. The notion of oral interpretation and its types are considered in the article. The main psychological difficulties in the process of consecutive interpretation are revealed. The main strategies of professional activity of future interpreters in the process of teaching the consecutive interpretation are presented.

Key words: *consecutive interpretation, professional activity, oral translation, psychological difficulties, interpreter.*

Ткачева Юлия Геннадиевна,
канд. пед. наук,
ст. преподаватель кафедры
теории и практики перевода
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
yulia23255@yandex.ru

Контекст как фактор достижения адекватности при переводе

В статье контекст рассматривается как фактор достижения адекватности при переводе слов с широкой семантикой. Детальное изучение получает феномен контекста и его виды. Главная мысль автора сводится к тому, что именно контекст в определенном коммуникативном отрезке способен раскрыть смысловые связи всей совокупности лексических единиц текста, способствуя выбору адекватного значения слова.

Ключевые слова: *контекст, перевод, адекватность, слова с широкой семантикой, соответствие.*

Сегодня оценка качества перевода остается одной из наиболее актуальных, спорных и неоднозначных проблем в современной науке о переводе. Требования к адекватности перевода возрастают в силу увеличения масштабов переводческой деятельности и ее социальной значимости. Как правило, качественно выполненный перевод характеризуется достаточно полной передачей ключевых особенностей смысла, сохранением параллелизма структур и стиля оригинального текста, то есть текст перевода способен стать полноценной заменой текста оригинала. В этой связи в современном переводоведении актуальным остается вопрос, касающийся правильного подбора семантического варианта перевода для многозначного слова, поскольку язык находится в состоянии непрерывного развития и включает в себя все больше новых лексических единиц, а ранее известные слова обретают новые значения и смыслы. Одним из традиционно принятых и наиболее корректных способов решения данной проблемы является опора на контекст. Роль контекста имеет первостепенную значимость при переводе слов с широкой семантикой, поскольку в определенном коммуникативном отрезке он раскрывает смысловые связи всей совокупности лексических единиц текста, способствуя выбору адекватного значения слова. Таким образом, следует акцентировать внимание на том, что контекст упрощает многие задачи, стоящие перед переводчиком – позволяет правильно понять, адаптировать, и интерпретировать текст, подобрать и использовать корректные переводческие соответствия.

Современное переводоведение и лингвистика предлагают достаточно широкий спектр определений контекста, рассмотрим некоторые из них. Так, Б. А. Райзберг рассматривает два определения контекста. В первом случае ученый рассматривает его как «относительно законченный отрывок текста, письменной или устной речи, общий смысл которого позволяет установить,

уточнить значение и употребление входящих в него слов и словосочетаний; а во втором как некие условия, сведения, с учетом которых надо воспринимать определенные утверждения, события, действия» [6, с. 134].

В своих исследованиях Т. Н. Гурьева предлагает определять контекст как «законченный отрывок в литературном произведении, содержащий цитату или выражение и позволяющий уточнить их значение. В противном случае вырванная из контекста цитата может иметь совершенно другое значение и отличаться от первоначального замысла автора» [2, с. 64].

В контексте данного исследования особую актуальность приобретает определение контекста, предложенное О. С. Ахмановой: «Контекст: 1) – лингвистическое окружение данной языковой единицы; условия, особенности употребления данного элемента в речи; 2) – законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [1, с. 38]. На наш взгляд, дефиниция, предложенная О. С. Ахмановой, дает более углубленное понимание, поскольку в ней отражена связь той или иной языковой единицы с конкретной языковой ситуацией.

Как утверждает З. Г. Прошина, контекст – это «текст, который находится перед определенным словом или выражением и следует сразу после него, помогая объяснить его значение» [5, с. 24]. Данной позиции придерживается и Н. Н. Амосова, которая рассматривает контекст как «словесное окружение, в котором употребляется слово» [1, с. 48]. В реальной языковой ситуации значение слова может подвергаться изменениям в соответствии с контекстом, который также может придать слову новый смысл и иной оттенок значения. В этой связи можно сказать, что контекст способен определять и обуславливать значение слова. При этом, как утверждает Г. В. Колшанский, «контекст не рождает сам какого-либо значения единицы, он лишь реализует значение соответствующей языковой единицы» [3, с. 33].

При наличии разнообразных дефиниций контекста, ученые-лингвисты едины во мнении, что именно контекст выступает как фактор, дающий возможность слову проявлять свои скрытые смыслы.

Рассмотренная палитра взглядов ученых позволяет нам дать с позиции переводоведения авторскую трактовку контекста. Так, в нашем исследовании под **контекстом** понимается логически завершённый отрывок высказывания, лингвистическая совокупность элементов которого позволяет конкретизировать оттенки значения и решить лексико-семантические задачи перевода.

Сегодня расширение и укрепление межкультурных контактов способствует увеличению обмена информацией между народами, которая должна быть представлена на разных языках, вследствие чего возникает необходимость в переводе. Перевод – это сложный и многоаспектный вид человеческой деятельности, позволяющий наводить мосты между представителями разных лингвокультурных общностей. Как правило, перевод – это не только столкновение разных культур, эпох, уровней развития, традиций, но и личностей, являющихся носителями иной наивной картины мира и склада мышления. Из этого следует, что в процессе перевода происходит не просто замена одного языка на другой – переводчик, как транслятор культурных кодов, призван передать содержание оригинала, основываясь на принятых нормах и узусе пе-

реводящего языка. Использование корректных переводческих соответствий является необходимым условием для адекватного и равноценного перевода. В свою очередь, эквивалентный перевод возможен только при адекватном восприятии оригинального текста. Как известно, для более равноценной адаптации ключевых концептов культуры, и правильного подбора переводческих соответствий для слов с широкой семантикой обязательным условием является контекст.

В переводческой практике контекст играет решающую роль как в процессе восприятия текста на языке оригинала, так и в процессе передачи его содержания на языке перевода. При первичном восприятии текста его контекст представляет собой то необходимое окружение для любой единицы перевода, в котором она способна реализовать свое специфическое значение. Прежде всего вышесказанное относится к языковым единицам, обладающим широкой семантикой, которые в процессе восприятия текста могут приобретать значения и смыслы, основанные на анализе словесного окружения.

Для того, чтобы передать содержание оригинального текста средствами переводящего языка, переводчику необходимо прибегать к подбору корректных переводческих соответствий для той или иной лексической единицы. Однако применение определенного переводческого соответствия всегда основывается на принятии во внимание контекста, в котором функционируют подлежащие переводу единицы оригинала. Стержневым для нашего исследования является определение соответствия и переводческого соответствия, данное В. Н. Комиссаровым: «Единица переводящего языка, регулярно используемая для перевода единицы исходного, называется переводческим соответствием» [4, с. 135]. Поэтому прежде, чем переводить языковую единицу ИЯ, необходимо первоначально установить, в каком значении функционирует подлежащая переводу единица, что и помогает установить контекст.

Понимание языковой единицы в рамках определенного контекста способствует поиску полного соответствия для данной единицы в переводящем языке, либо же перечня соответствий, из которых можно выбрать наиболее подходящий вариант для перевода. Для адекватного восприятия и интерпретации текста необходимы специальные знания в области многозначности слов и употребления словосочетаний. То есть, для правильной интерпретации необходима пресуппозиция – особый способ семантического анализа текста, позволяющий раскрыть связи между высказываниями, который базируется на совокупности предположений и прогнозировании семантической функциональности слов, словосочетаний и предложений, формирующих текст. Так как контекст способствует наиболее полному и глубокому пониманию, раскрытию, а также интерпретации сущности подлежащей переводу единицы, следовательно, любая языковая единица поддается переводу.

Итак, как показывает анализ научных источников, контекст представляет собой необходимое условие для понимания изложенной в тексте информации. Поэтому контекст необходимо принимать во внимание в текстах разной типологии и обязательно учитывать его при переводе. Контекст – это то, что делает слово уместным в определенном тексте, с учетом его жанровой принадлежности, экспрессивности, позволяет вообразить коммуникативную си-

туацію. Контекст способен как расширять, так и сужать круг потенциально корректных соответствий, как для отдельных лексем, так и для фрагментов дискурса. Все это еще раз подтверждает важность контекста для обеспечения адекватного перевода на одном из уровней эквивалентности.

Ключевое влияние на адекватность и полноценность перевода оказывает тип контекста – он способствует подбору равноценных лексических средств в переводящем языке. Специалисты в области лингвистики и переводоведении предлагают выделять два вида контекста микроконтекст (узкий контекст) и макроконтекст (широкий контекст).

Микроконтекст составляет ближайшее окружение подлежащей переводу лексической единицы, словосочетания или предложения, само их окружение является основой для синтеза корректного значения в переводящем языке. Микроконтекст тесно соотносится с лингвистическим контекстом, который, в свою очередь, всегда противопоставляется экстралингвистическому или ситуативному контексту, опирающемуся на фоновые знания переводчика. Лингвистический контекст рассматривается как необходимое условие для реализации референциальной функции, поскольку только речь позволяет слову обрести свойства обозначения конкретных предметов, объектов и ситуаций окружающей действительности.

Лингвистический контекст дополнительно подразделяется на лексический, грамматический и смешанный вид контекста.

Рассмотрим более подробно каждый из видов микроконтекста. Лексический контекст – это комплекс конкретных лексических единиц, слов или устойчивых словосочетаний, в сочетании с которыми употребляется какая-либо из единиц перевода. В рамках лексического контекста значение единицы, подлежащей переводу, определяется лексическим значением слова-индикатора, в то время как в грамматическом контексте в качестве слова-индикатора выступает грамматическая функция слова.

Противоположным явлением микроконтексту является макроконтекст. Широкий контекст может представлять собой абзац или даже целый текст, он не ограничивается рамками и не выходит за них. В то время, как узкий контекст является одним из ключевых свойств понимания всей глубины текста и позволяет качественно разграничивать полисемию.

Первичное адекватное восприятие текста тесно взаимосвязано с широким контекстом. Макроконтекст несет на себе компенсирующую функцию для имплицитной информации и отображает общее смысловое содержание, его пределы невозможно отобразить, как это может контекст комплекса предложений, целого абзаца, главы или всего произведения в целом. Наличие пресуппозиций позволяет переводчику в полной мере постигать смысл имеющейся в тексте перевода информации.

Наряду с вышерассмотренными видами контекста в современной лингвистике выделяют еще и экстралингвистический контекст. Данный вид контекста имеет отношение к информации, выходящей за рамки лингвистического окружения лексической единицы, он предполагает принятие во внимание как обстановки, времени и места, к которым относится высказывание, так и других экстралингвистических факторов окружающей действительности,

способствующих адекватной интерпретации высказывания либо конкретных его единиц, подлежащих переводу.

Так, рассмотренные дефиниции микро- и макроконтраста свидетельствуют о том, что данные понятия имеют существенные отличия. Микроконтраст применим при рассмотрении конкретных предложений и абзацев, то есть в большей степени он направлен на передачу всех тонкостей текста, поиска смыслов в отдельных его частях, в то время как макроконтраст функционирует в процессе интерпретации всего текста, давая возможность скорректировать первичное восприятие подлежащей переводу информации.

Явление имплицитного контраста также нельзя оставить без внимания, поскольку данный вид контраста включает в себе все лингвистические предположения конкретной коммуникативной ситуации, знания и мнения участников акта коммуникации друг о друге, прошлые речевые взаимодействия.

Явление эксплицитного контраста в лингвистике является противоположным имплицитному и может быть выражено как вербальными, так и невербальными средствами. Иными словами, это совокупность представлений об окружающей человека действительности, которая свидетельствует об очевидных свойствах мира.

В лингвистической теории и переводческой практике выделяют левосторонний и правосторонний виды контраста. Левосторонний контраст – это не что иное, как предшествующее языковое окружение, то есть те слова, которые находятся в непосредственной близости относительно рассматриваемой единицы текста. Данный вид контраста имеет ключевое значение для первичного восприятия и оценки информации, поскольку позволяет предугадать значение отдельных единиц, левосторонний контраст активизирует языковую догадку и необходим для нахождения корректных переводческих соответствий для слов с широкой семантикой. В свою очередь, правосторонний контраст формируется не только из ближайшего лингвистического окружения, а наоборот, может распространяться на значительные части текста.

Передача значения лексической единицы может представлять значительную трудность для переводчика, которая чаще всего заключается в несовпадении семантических структур слов и их употребления в ИЯ и ПЯ. Одинаковые по значению слова в ИЯ и ПЯ могут не быть абсолютными эквивалентами в рамках одного и того же контраста – это обуславливается разницей сочетаемости слов, присущей каждому языку. Значение слова – это некий комплекс его смыслов, нашедший свою репрезентацию в различных контрастах, следовательно, широта круга значений слова зависит от его употребления в различных контрастах. Слово, которое вступает в различные смысловые отношения с другими лексическими единицами, обладает высокой сочетаемостью, что способствует его употреблению в различных контрастах. Однако, считаем необходимым отметить, что расширение спектра значений слова может стать причиной его частичной дисемантизированнойности, то есть потере или искажению его собственного значения. Расплывчатость значений наблюдается у тех слов, которым свойственно большое количество контекстуальных значений. Именно контраст помогает переводчику подобрать корректный перевод для слов, смысл которых варьируется в зависимости от языкового окружения. В

выборе соответствия переводчик так же может прибегнуть к сочетаемости слова, то есть микроконтексту его употребления.

Так, любое из слов тесно взаимосвязано с окружающими его элементами и поэтому даже при переводе отдельно взятого слова следует обращать внимание на контекст. Практический опыт позволяет отметить, что переводчику не стоит ограничиваться выбором элементов для перевода, предложенных в словаре, так как в нем не могут быть указаны все возможные варианты сочетаний той или иной лексической единицы. В своей работе переводчик должен уметь не только пользоваться словарем, но и понимать уровень смысловых отношений, существующих между единицами словарного состава русского и английского языков. Лексические единицы английского языка обладают довольно широкой семантикой, в то время как лексическим единицам русского языка присуща большая экспрессивность и конкретность. В этой связи, выполняя перевод с английского языка, переводчик прибегает к таким переводческим приемам, как генерализация, конкретизация и модуляция. Напомним, что конкретизация – это переводческий прием, используя который переводчик подбирает более точные и конкретные соответствия. Используя переводческий прием генерализации, переводчик наоборот, заменяет частное понятие на более общее, иногда видовое понятие может быть заменено родовым. Прием модуляции – смыслового развития представляет собой углубленное смысловое толкование лексической единицы.

Слова, обладающие широкой семантикой, могут представлять значительные трудности для переводчика, поэтому в отдельно взятых случаях исключительно контекст способствует правильному подбору переводческого соответствия. Контекст как бы отсекает лишние значения и варианты перевода, делая слово однозначным. Иногда для определения значения слова достаточным может быть ближайшее лексическое окружение, в отдельных случаях требуется неоднократное прочтение всего текста. Также считаем необходимым отметить, что выбор подходящего эквивалента зависит от умения переводчика находить в тексте те элементы, которые способствуют правильному пониманию и интерпретации необходимой лексической единицы.

Например, английское слово *advance* имеет несколько значений, некоторые из них становятся очевидными из контекста:

Our troops made an advance against the enemy. – Наши войска наступали на врага.

It is a very great advance on all your former writing. – Это огромный шаг вперед по сравнению со всем, что вы до этого написали.

Men don't make «advances» any longer. – Мужчины больше не «ухаживают».

Money advance – денежная ссуда.

Advance free of interest – беспроцентная ссуда.

To advance the cause of freedom – содействовать делу свободы.

To advance a new plan – выдвинуть новый план.

We advanced him a month's salary. – Мы выплатили ему месячную зарплату вперед.

They advanced the date of their arrival. – Они перенесли дату своего приезда на более ранний срок.

To advance the hour-hand – передвигать часовую стрелку вперед.

To advance in rank – получать более высокое звание.

To advance prices by 10 per cent – повысить цены на десять процентов.

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что семантическая структура слова *advance* не исчерпывает всех смысловых возможностей, заложенных в данной лексической единице. У данного слова существует целый ряд контекстуальных значений, не зафиксированных в словаре, но вполне генерируемых в определенном контексте.

Таким образом, оценка качества перевода неразрывно связана с контекстом. Поскольку именно контекст позволяет выделить единичное значение для слова с широкой семантикой, а также разграничить его многозначные значения в определенном языковом окружении, придав слову корректный смысл, а тексту перевода правильную интерпретацию. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем изучении контекста как фактора достижения адекватности при переводе.

Список литературы

1. **Ахманова, О. С.** «Вертикальный контекст» как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – М. : Наука, 1977. – №3. – С. 47–54.
2. **Гурьева, Т. Н.** Новый литературный словарь / Т. Н. Гурьева. – Ростов н/Д. : Феникс, 2009. – 368 с.
3. **Колшанский, Г. В.** Контекстная семантика / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1980. – 152 с.
4. **Комиссаров, В. Н.** Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 254 с.
5. **Прошина, З. Г.** Theory of Translation: уч. на англ. яз / З. Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. – 239 с.
6. **Райзберг, Б. А.** Современный социоэкономический словарь / Б. А. Райзберг. – М. : Инфра-М, 2012. – 629 с.

Tkacheva J. G.

Context as a Factor of Achieving Adequacy in Translation

In the article, context is considered as a factor of achieving adequacy in the translation of words with broad semantics. A detailed study is given to the phenomenon of context and its types. The main idea of the author is that it is the context in a certain communicative segment that is able to reveal semantic connections of the entire set of lexical units of the text, contributing to the choice of an adequate meaning of the word.

Key words: context, translation, adequacy, words with broad semantics, equivalent.

Токмачева Марина Алексеевна,
канд. пед. наук, доцент кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
tok_marina@mail.ru

К вопросу о современных методах в преподавании иностранных языков

Интенсивное развитие инновационных технологий в мировом образовательном пространстве требует их постоянного и активного внедрения в повседневную учебную практику. Несмотря на то, что инновационным методикам в преподавании иностранных языков посвящены многие научные труды, они все еще нуждаются в обобщении и систематизации. Целью данной статьи является контент-анализ западных инновационных методов в обучении иностранным языкам в эпоху глобализационных процессов.

Ключевые слова: *современные тенденции, современные методы, иностранные языки.*

Социокультурный контекст изучения иностранных языков претерпел серьезные изменения в эпоху всеобщей цифровизации и глобализации общества. Обучение иностранному языку как средству коммуникации и приобщения к культурному наследию изучаемой страны и ее народа приобрело приоритетное значение, о чем свидетельствуют многочисленные и разноаспектные труды отечественных и зарубежных исследователей в области образовательных инновационных методик и технологий (З. Ахмедова, С. Битман, М.-Э. Лакруа, С. Лешербонье, Э. Мазур, К. Марсолье, П. Потвин и др.)

В практику преподавания иностранного языка всё активнее внедряются идеи межкультурной коммуникации. Происходит когнитивное и социокультурное развитие учащихся, расширяется их кругозор. Все это предполагает как узнавание иных традиций, так и трансляцию родной культуры на пространствах лингвистической ойкумены.

Межкультурное обучение обусловлено рядом факторов, таких как:

- международные контакты, как на государственном уровне, так и в повседневной коммуникации;
- лингвоэтнокультурная самоидентификация личности;
- мировые глобализационные процессы;
- поликультурная мультилингвальная реальность;
- интенсивное развитие инновационных информационных и коммуникационных технологий.

Коммуникативный подход, ставший ведущим в изучении иностранных языков, в качестве своей основной задачи определяет совершенствование коммуникативных навыков, т. е. умение эффективно использовать язык для конструктивного общения [4]. При этом коммуникативная компетентность предполагает следующие маркеры владения языком:

- знать, как правильно использовать иностранный язык в зависимости от цели высказывания;
- знать, как правильно использовать иностранный язык в зависимости от ситуации;
- уметь понимать и воспроизводить различные типы высказываний;
- уметь поддерживать разговор, невзирая на ограниченное знание иностранного языка;
- владеть различными видами стратегий коммуникации.

Коммуникативный подход, по мнению американского лингвиста Дж. С. Ричардса, предполагает, прежде всего, коммуникативную направленность обучения, то есть применения языка как средства коммуникации в реальных жизненных ситуациях [4]. При этом он подчеркивает необходимость системного обучения как устным, так и письменным формам общения. Успех в изучении языка сегодня не представляется без аутентичных неадаптированных учебных материалов, которые являются необходимым дополнением к классическим учебникам отечественных авторов. Коммуникативный подход предполагает принцип ситуативности, т. е. моделирование ситуации, с которой обучаемый может столкнуться в жизни. И, наконец, важна личностно-ориентированная направленность обучения, при которой учащийся высказывает свою точку зрения, обсуждает интересные и насущные для него проблемы. Парная либо групповая работа позволяет проявлять творческие задатки и учиться языку во взаимодействии.

Коммуникативный подход представляет собой благоприятное пространство для применения самых разнообразных классических методов обучения иностранному языку (переводных, прямых, устных, аудиolingвальных, аудиовизуальных, смешанных, социально-коммуникативных, структурно-функциональных), а также новейших методов, рассмотрению которых и посвящена данная статья.

К. Марсолье, французский исследователь в области современных образовательных технологий, рассуждая о методах обучения, называет критерии, по которым они могут быть отнесены к инновационным:

- новизна по отношению к существующей практике;
- практическая применимость;
- усовершенствование существующих методов обучения;
- апробированность;
- системность и долгосрочность [3, с. 11–29].

Цель статьи – рассмотреть основные инновационные методы преподавания иностранного языка, выделяемые рядом современных западных исследователей [1; 2; 5]:

«Перекрестное обучение». Данный метод заключается в соединении неформального обучения с формальным образованием. Перекрестное обучение позволяет дополнить «формальные» знания, полученные в образовательном учреждении, неформальным опытом повседневной жизни, приобретенным в ходе личной культурной деятельности и досуга.

Обучение в неформальной обстановке, например, в музеях и внеклассных клубах, может дополнить академическое содержание навыками решения

проблем повседневной жизни. К примеру, изучая тему «Художественное искусство Франции», учащимся предлагается посещение выставки художников-импрессионистов. «Перекрестный» метод работает в обе стороны: формальная часть обучения обогащается повседневным жизненным опытом, в то время как неформальная его часть совершенствуется за счет знаний, полученных в классе. Данный «переплетенный опыт» создает дополнительную мотивацию для обучения, предоставляет учащимся оригинальные и увлекательные возможности получения новых знаний, расширение кругозора, развитие критического мышления.

Обучение аргументацией. Обучение, основанное на аргументации, развивает у учащихся навыки научного рассуждения, заставляет делать логические выводы, работать в группе, подтверждать или опровергать тезисы. Метод аргументации помогает учащимся подвергать мыслительной обработке противоречивые идеи, что приводит к более глубокому пониманию материала. В качестве примера можно привести занятие, посвященное актуальной экологической тематике. Проблема автомобильной перегрузки больших городов Франции, таких, как Париж, Марсель, Лион, и связанные с ней экологические последствия, может быть вынесена на обсуждение в классе. При этом учащимся предлагается провести дискуссию на тему использования личного автотранспорта с указанием его достоинств (удобств) и недостатков (вреда для окружающей среды), а также поиска оптимального решения проблемы.

Учитель может организовать конструктивное обсуждение в классе, в виде дебатов, побуждая учащихся задавать открытые вопросы, формулировать тезисы и антитезисы, перефразировать утверждения научным языком, аргументировать свои утверждения, использовать устойчивые языковые модели для построения объяснений, адекватно реагировать на чужую точку зрения. При этом сам преподаватель задает правильный курс занятию при помощи наводящих вопросы, вызывающих у учащихся интерес к обсуждаемой теме, побуждает класс мыслить научно, выбирать оптимальный путь решения проблемы из множества вариантов.

Спонтанное обучение. Этот метод обучения иностранному языку является незапланированным и непреднамеренным. К нему можно прибегать в любое время и в любом месте: в школе, на прогулке или в саду. Такое занятие не планируется учителем специально и не следует определенной программе, но происходит во время повседневной деятельности либо при выполнении другой учебной деятельности. В качестве примера можно привести прогулку по осеннему городскому парку с описанием природно-урбанистических видов в форме диалога на изучаемом языке.

«Урок наоборот». Эта инновационная педагогика появилась в 1990-х годах в Гарварде, США, благодаря профессору физики Эрику Мазуру. Учащимся предлагалось самостоятельно изучить планируемую тему, чтобы на уроке посвятить время анализу материала, ответам на вопросы, обмену мнениями и дебатам. Принцип «обратной педагогики» сегодня широко используется и при изучении иностранных языков. И хотя сам метод не нов, но постоянно совершенствующиеся цифровые инструменты дают этому виду учебной практики широкие возможности. Для самостоятельного усвоения материала преподава-

тели предоставляют учащимся документы в цифровом формате: классические тексты, изображения, аудио- и видеоматериалы, ссылки на онлайн-курсы. Студенты берут на себя ответственность за самостоятельное усвоение курса, что зачастую дает лучшие результаты, чем, если бы они пассивно слушали материал. При этом преподаватель старается распределить теоретический материал между студентами, исходя из интересов и возможностей каждого. Так, при изучении темы «Музеи Парижа» каждый студент выбирает себе тему для индивидуального изучения, после чего делится с одногруппниками новыми знаниями. Функция преподавателя сводится к контролю ответа, его коррекции и подведению итогов.

Концептуальное обучение. Этот метод обучения иностранному языку базируется на понимании человеческого поведения на основе фундаментальных концепций теоретической информатики. Речь идет о разбиении глобальных проблем на более мелкие (декомпозиция) и распознавании, как они относятся к уже решавшимся в прошлом задачам (распознавание образов), отбрасывании менее важных деталей (абстрагирование), и разработке шагов, необходимых для поиска решений (алгоритмы), и, наконец, конкретизации этих шагов (отладка).

На практике применение данного метода может варьироваться от написания кулинарного рецепта на изучаемом языке, чтобы поделиться любимым блюдом с друзьями, до планирования отпуска, экспедиции или развертывания научной группы для решения сложной задачи, такой как борьба с пандемией. Ценность данного метода состоит в том, что, кроме обучающей цели, он помогает овладеть искусством аналитического мышления, решения непростых задач различных аспектов жизни, структурирования сложной проблемы и ее эффективного решения.

Говоря о современных методах в образовании, отметим, что инновационная педагогика не обязательно использует электронные инструменты. И все же, учитывая темпы диджитализации общества, нельзя не указать современные методы обучения иностранным языкам, которые стали возможными именно благодаря цифровым технологиям.

Одним из них является *интерактивный лекционный зал*. В современной Франции с целью оптимизации интерактивности аудитории-амфитеатры переживают настоящую революцию. Так, университеты Страсбурга, Ле-Ман, Гренобля, а также инженерные школы Ниццы и Лиона оснащаются «электронными индикаторами», с помощью которых студенты сигнализируют профессору во время лекции, насколько им понятен новый материал.

Еще один метод интерактивной подачи теоретического материала – «дискуссионные группы». Лектор делит аудиторию на мини-группы, которым предлагает обсуждать конкретные вопросы, а после дискуссии преподаватель резюмирует материал для всей аудитории.

Учебные лаборатории. Наряду с традиционными амфитеатрами или аудиториями, в настоящее время в школах и университетах Франции появляются новые, более открытые и гибкие образовательные пространства, оснащенные ширмами, столами и стульями на роликах, которые легко переставляются и позволяют в считанные секунды разделить аудиторию на изолированные мини-комнаты на 2-3 человека, а затем провести коллективное обсуждение в

виде круглого стола. Некоторые университеты также оборудованы письменными и магнитными панелями во всю стену, что позволяет студентам с размахом фиксировать свои идеи во время «мозгового штурма». Применяются также планшеты, соединенные друг с другом и подключенные к видеопроектору для обмена мнениями друг с другом и с преподавателем.

«Телеприсутствие». Современные средства связи позволяют быть в классе, не находясь там физически. Так, цифровой кампус, строящийся Европейским университетом Бретани, позволяет одновременно объединить 76 000 студентов из 28 учебных заведений-участников. «Телеаудитория» оснащена сенсорными интерфейсами с изображением высокой четкости и стереозвуком.

Бесспорно, оснащение учебных классов все еще требует больших вложений и усилий. Так, на вопрос, заданный преподавателям университетов в Канаде (опрос 2019 г.) – «с какими трудностями вы сталкиваетесь при внедрении инновационных методик в преподавании иностранных языков?» – подавляющее большинство (77%) ответило: «техническая оснащенность аудиторий» (для сравнения: недостаток в дидактических пособиях отметили лишь 18% респондентов) [2, с. 134].

Какую же методику обучения иностранному языку выбрать? Прежде всего, необходимо помнить, что универсальных методик не существует, а изучение иностранного языка – процесс трудоемкий и длительный, рассчитанный на продолжительный период времени. При этом эффективность каждого метода определяется преподавателем исходя из его профессионального чутья, культурной среды, обстоятельств, личных особенностей учащихся. Коммуникативный подход, который остается общепризнанно «золотым стандартом» при обучении иностранному языку, с успехом может быть дополнен любым из перечисленных инновационных методов.

Таким образом, применение современного подхода к обучению иностранному языку при использовании инновационных методов, позволяет не только получить языковые знания и навыки, но и усвоить социокультурный компонент: нормы поведения в социуме, знания о традициях и культуре страны изучаемого языка, что способствует адекватному взаимодействию с носителями в ситуации непосредственного общения. Перспективы исследований мы видим в дальнейшем детальном изучении отдельных инновационных методов и их применении на практике.

Список литературы

1. **Berry, V.** Éducation formelle et éducation informelle : regards croisés sur la notion de compétence (transversale) / Vincent Berry, Alain Garcia // *Éducation et socialisation*. – 2016. – № 31 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/edso/1636>; DOI : <https://doi.org/10.4000/edso.1636>, свободный. (Дата обращения: 13.06.2022 г.).
2. **Karsenti, T.** Technologies innovantes pour l'enseignement du FLE: quelles sont les strategies pour les rendre plus efficaces? / Thierry Karsenti, O.M. Kozarenko // *Xlinguae*. – Vol. 12. – Iss. 1XL. – January, 2019. – P. 134.
3. **Marsollier, C.** L'innovation pédagogique : ses figures, son sens et ses enjeux / Christophe Marsollier // *Recherche & formation*. – 1999. – № 31. – P. 11–29.

4. **Richards, J. C.** Communicative language teaching today / J.C. Richard. – NY: Cambridge University Press, 2006. – 52 p.
5. **Tali, F.** Mise en place d'un dispositif de formation hybride : une innovation c'est un changement qui a réussi? / Fatiha Tali // Éducation et socialisation. – 2020. – № 55 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/edso/9071>, свободный. (Дата обращения: 24.07.2022 г.).

Tokmacheva M. A.

On the Issue of Modern Methods in Teaching Foreign Languages

Intensive development of innovative technologies in the global educational space requires their constant and active implementation in everyday educational practice. Despite the fact that many scientific articles and reports are devoted to innovative methods in teaching foreign languages, they still need to be generalized and systematized. The purpose of this article is a content analysis of western innovative methods in teaching foreign languages in the era of globalization processes.

Key words: *modern trends, modern methods, foreign languages.*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

УДК 81'38: [316.77: СМИ]-047.37

Бочацкая Анна Александровна,
преподаватель кафедры
английской и восточной филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
Dancinglady94@yandex.com

Современные медиалингвистические исследования

Статья посвящена характеристике категориальных особенностей современной медиаречи. Она отражает особенности авторского мировосприятия, трактовки событий. Медиаречь нашего столетия интерактивна, диалогична (диалогизирована) и потенциально гипертекстуальна, она отличается стилистическим многообразием и, в зависимости от социальной ориентации издания, оформляется в культурно-речевом плане. Ей присущи и такие качества, как полифоничность, поликодность, визуализация. Медиадискурс нашего времени нарративен: журналист в своем материале рассказывает свою историю, отражающую его предпочтения.

Ключевые слова: медиатекст, интерактивность, гипертекстуальность, диалогизация, полифоничность, визуализация, нарративность.

Существующая научная парадигма сформировала специальную дисциплину – медиалингвистику. Термин был введен в обиход Т. Г. Добросклонской [3, с. 65]. Медиалингвистика разрабатывает проблему соотношения лингвистических и экстралингвистических принципов создания медиатекстов, исследует специфику их речевого развертывания, предлагает типологию медиаформатов, описывает концептуальную сферу медиатекстов. Ю. Н. Караулов писал, что «современный медийный язык – это планетарный поток сознания» [4, с. 15], который содержит элементы различных функциональных стилей. Это, своего рода, поток сознания, который создается не традиционными средствами массовой информации (газеты, журналы, телевидение и радио), а онлайн-версиями печатных изданий или радио- и телевизионных каналов, а также СМИ. Семантические и стилистические особенности медиатекстов отражены в работах таких исследователей, как Г. Я. Солганик, Л. М. Майданова, Н. С. Цветова и др.); типологию медиатекстов изучали: В. И. Коньков, И. П. Лысакова, Л. М. Майданова и др.); рассмотрением специфики речевых исследований в СМИ, особенно их архитектоники, занимались Л. Г. Кайда, В. И. Коньков, М. А. Кормилицына, В. А. Салимовский, Е. В. Чепкина и др.; исследованием картины мира, отраженной в современном медийном дискурсе, занималась И. В. Анненкова; анализу различных средств повышения выразительности медиатекстов посвящены работы А. П. Сковородникова, Г. В. Бобровской, М. А. Кормилицына, Т. И. Красновой и др.

Цель статьи – проанализировать современные медиалингвистические исследования.

В настоящее время современное информационное поле включает в себя «гражданскую журналистику», которая принимает форму блога. Подобные формы массовой коммуникации занимают важное место в системе коммуникаций XXI века. Мобильный блог – важная форма получения видеоматериалов телевизионными каналами. Основателем этой формы журналистики стал Тед Тернер, который сформулировал основные принципы телевидения: вещание 24 часа в сутки; работа в реальном времени (как информационные агентства): повестка формируется исходя из новостей в заголовках; приобретение права на эксклюзивное освещение важнейших событий; организация и проведение телемостов, в которых принимают участие информационные центры мира; гибкая сетка вещания, приоритет новостных передач: любая программа может прерваться для показа экстренного выпуска новостей; трактовка событий в глобальной перспективе.

Так, например, все основные критерии работы CNN отвечают требованиям существования современных СМИ: оперативность, достоверность, эксклюзивность, гибкость, глобальность, что, на наш взгляд, позволяет CNN и сегодня не просто оставаться «на плаву», а развиваться и осваивать новые пространства. Канал CNN International круглосуточно транслирует новости о самых важных событиях, зритель CNN International может получить информацию о спорте, погоде (на всей Земле), новости с бирж, экономические сводки, сведения из киноиндустрии, науки, о культурных событиях, открытиях в медицине. Развитая сеть корреспондентов и бюро позволяет получать информацию максимально оперативно и достоверно (а это является важнейшим условием для выживания средств массовой информации сегодня), позволяет дополнять телевизионный эфир прямыми трансляциями и включениями.

В России эти принципы работают в первую очередь на телеканале *Life*. Канал имеет в своем штате большое количество собственных корреспондентов, а также готов покупать сюжеты, которые могут быть сняты на мобильную камеру очевидцами. Такая политика характерна и для других ведущих телеканалов, например, «Первого», «России» и др. Таким образом, любой человек, сумевший предложить интересное видео, может стать репортером, тем самым внести свой вклад в современную массовую коммуникацию.

В России многие печатные периодические издания («Аргументы и факты», «МК» и др.) размещают блоги на своих сайтах. Их авторами являются не только профессионалы, но и люди, занятые в других сферах деятельности. Сотрудничество с ними позволяет освещать новости дня, проводить мониторинг социально значимых тем.

Характерной особенностью *moblog* является сочетание короткого текста (иногда с музыкальным файлом) и фотографий (видео). Отличительными чертами подобных блогов являются мультимедийность и диалогичность. Специфика жанра моблога определяет цель, которую хочет реализовать автор [5 с. 15].

Сообщения в мобильных блогах являются речевыми актами, но при их характеристике следует учитывать особенности адресанта и адресата, а также референтную ситуацию, место и время общения, канал связи, так как место

и время общения не закреплены, оно происходит спонтанно. Канал связи (мобильный телефон, личная веб-страница в Интернете, онлайн-сообщества по интересам – *Facebook, Instagram*, или на специальном сайте *Lifelog*, где размещаются фотографии, видео, текстовые сообщения с мобильных телефонов абонентов) не предполагает прямого контакта между коммуникантами.

Благодаря развитию Интернета, язык СМИ приобрел такие характеристики, как интерактивность, и гипертекстуальность, т. е. любой текст может быть потенциально гипертекстовым, поскольку он обладает способностью распространяться за счет добавления новых информационных ссылок. Так, например, онлайн-текст позволяет получать информацию почти мгновенно.

Новые электронные средства массовой информации оказывают влияние на лингвистические характеристики текста. Высокие технологии современной журналистики стали предпосылкой для изучения тех качеств медиатекстов, которые ранее не воспринимались как лингвистические. Мультимедиазация заставляет лингвистов сосредоточиться на сочетании вербального материала и иллюстраций. Однако журналистская визуализация текста не только позволяет узнать информацию о факте во всем многообразии его качеств, но нередко приводит и к разбалансировке информационного потока, когда внешняя составляющая часто заменяет слово. Рекламные тексты и материалы работы СМИ, к сожалению, дают слишком много примеров этой победы над печатным словом.

Важной чертой речи СМИ является оценка – особенность журналистской речи должна не только отвечать требованиям точности, аргументации, но и культурным установкам аудитории. Например, на первый взгляд в выражениях «бабий батальон» или «безумный печатник» нет ничего плохого, но экспрессивность этих выражений показывает эмоциональный накал аудитории, поэтому невозможно оправдать появление оценок, которые задевают нравственное чувство людей, их представления о жизненных ценностях. Серьезную озабоченность вызывает и известная манера речи журналистов, такая как подшучивание – это задевает чувства слушателей, когда, например, журналист, цитируя по радио стихотворение А. С. Пушкина «Зимнее утро», предлагает свое продолжение: «Пора, красавица, просыпайся! Пойдем потусуем!» (*РЕТРО FM, 08.02.2017, ведущий М. Ковалевский*). К сожалению, такого рода вербального поведения придерживаются многие ведущие, электронные СМИ, а также некоторые авторы печатных текстов, полагая, видимо, что профессионализм заключается в хлестких оценках, а не в их соответствии культурным и моральным нормам поведения в обществе, ведь вульгарный стиль добавляет «желтизны» СМИ.

Высокие технологии современной журналистики стали предпосылкой для изучения тех качеств медиатекстов, которые ранее не воспринимались как лингвистические. Это особенно верно для визуализации, которая подразумевает включение элементов различных типов кодов – вербальных и невербальных в журналистский материал. Процесс мультимедиа заставляет лингвистов отойти от традиционного понимания текста и сосредоточиться на сочетании вербального материала и различных видов иллюстраций. Журналистская интерпретация текста приводит к тому, что внешняя составляющая

заменяет слово. Реклама и материалы работы СМИ, к сожалению, насыщены примерами победы над печатным словом. Медийный дискурс имеет специфические особенности – он «создается ядерным текстом, обычно проблемным. Этот текст вызывает неоднозначные отклики. Авторы комментариев имеют возможность не только высказать свою точку зрения на ядерный текст, но и вступить в диалог с другими блогерами» [1, с. 21]. Таким образом, еще одна важная особенность речи – это диалогичность, которая встречается в электронных версиях печатных изданий и СМИ. Диалогический дискурс обычно имеет синкретический характер, может включать прозаический или поэтический текст, картинку, ссылки на музыку, Полифония, поликодовость – это качества, которые присущи дискурсу. Иногда такой дискурс представлен лишь системой ссылок на посты участников диалога. Диалогическое происхождение этой речи единства очевидно. Интернет-пространство значительно расширило возможности журналистского стиля, как в содержании, так и в стилистической точке зрения, что позволило создать новую виртуальную личность, наделенную высокой социальной активностью. Она способна быстро реагировать на различные события, тем самым выражая свою позицию.

Дискурсивность – основополагающая черта онлайн-личности, которая «живет» только в состоянии диалога с другими участниками виртуального общения. В последнее время мы видим активное развитие феномена ререйтинга – создания текста на основе другого источника, что свидетельствует о низкой креативности современной журналистики. Переписывание порождает дискурс, поскольку один и тот же факт может быть преподнесен в содержательном и в стилистическом аспектах в разном восприятии, а событие изменяется во времени с некоторыми изменениями по мере поступления новой информации. Иногда это частные изменения, обновления, комментарии экспертов, иногда радикальная различная интерпретация событий. Примером «жизни» событий первого типа в Интернете является то, как были представлены санкции против Турции, чья ракета сбила российский самолет. Второй тип существования информации в Интернете был представлен в новостях Яндекса, в которых сообщалось об энергетической блокаде Крыма: в первоначальном тексте присутствовала новость о том, что Кубанская энергосистема становится воротами в Крым, но последующие сообщения СМИ давали опровержение этого факта.

Хочется отметить, что переписывание задумано неоднозначно, не только лингвистами, но и журналистами самих себя. Однако этот тип получения и создания информации наглядно показывает, как меняется образ события в СМИ, и подчеркивает нарративность современного журналистского дискурса. Нарративность текстов СМИ позволяет автору быть убедительным для читателя, зрителя и слушателя в изображении своего взгляда на мир и является важной особенностью журналистской речи. Истории из жизни и о жизни делают текст «второй реальностью» на основе выбора фактов, который передает аксиологию журналиста, тем самым создает образ времени. Медийный нарратив – это часть всего медийного дискурса. Он тематически объединен в предметно-модальный нарратив и построен в соответствии с сюжетом и организованной историей. Нарратор и неявный повествователь в них также

присутствует. Медийный нарратив как объект изучения современной лингвистики представляет интерес с точки зрения лингвистики текста. Журналистский нарратив (или нарративные СМИ) является частью общего дискурса. Разница между медийным нарративом и нарративными медиа огромна. Это видно из анализа состава современной медийной речи. Так, например, можно выделить тексты СМИ (как печатных, так и электронных), рекламы, связей с общественностью, блог сферы, документальных фильмов. Каждая из этих областей имеет свою собственную цель.

Следовательно, тексты, которые можно отнести к определенной области, характеризуются особыми способами отбора и репрезентации событий, спецификой системы предметов речи, приемами композиции, мировоззренческими, лингвистическими особенностями повествований о современной жизни. Д. Герман, утверждает, что «когнитивная нарратология является трансмедиальной; она охватывает связь повествования и разума не только в печатных текстах, но и в личном взаимодействии, кино, радиопередачах новостей, компьютерных виртуальных средах и других средствах повествования» [7, с. 31]. Таким образом, мы можем говорить о новой дисциплине медийного нарратива и рассматривать ее в рамках организованных нарративных текстов и дискурсов (журналистских материалов, состоящих из различных жанровых форм).

Информационное пространство, создаваемое средствами массовой информации, очень широко – это целый мир, родной и чужой, говорящий на разных языках. Он «проживает» много жизней за самые короткие мгновения. Как этот мир отражается на языке средств массовой информации? Прежде всего, в новых заимствованиях дается информация о различных реалиях современного поколения. Они создают предметные очертания современной жизни, как материальной, так и культурной. Гаджет, iPhone, скриншот, инфографика, 3D, слоган, флешмоб, фандрайзинг (процесс сбора средств и других ресурсов организации для реализации конкретного социального проекта), краудфандинг (*crowdfunding projects*) – вот список относительно «свежих» заимствованных слов. Они актуальны в речи СМИ, поскольку явления, которые они представляют, вошли в наше бытие.

Список литературы

1. **Александрова, И. Б.** Диалогичность как категориальная характеристика речи современного общества / И. Б. Александрова, В. В. Славкин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/taxonomy/term/586>, свободный. (Дата обращения: 21.08. 2018 г.).
2. **Гаревой, Г.** Сочинения на заданную тему / Г. Гаревой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gabgarevoi.narod.ru/inoslova_v_russkom.html, свободный. (Дата обращения: 29.01.2019 г.).
3. **Добросклонская, Т. Г.** Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т. Г. Добросклонская – М. : Флинта, 2008. – 263 с.
4. **Караулов, Ю. Н.** Язык СМИ как модель общенационального языка / Ю. Н. Караулов // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования. Тезисы научной конференции. – М. : Фило-

- лог. ф-т МГУ имени М. В. Ломоносова, 2001. – С. 15.
5. **Пустовалов, А. В.** Новые формы журналистики во взаимодействии с гражданским обществом / А. В. Пустовалов, И. А. Березина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psujourn.narod.ru/lib/ib_ap_newform.pdf, свободный. (Дата обращения: 24.02. 2019 г.).
 6. **Шишков, А. С.** Ключ к познанию силы языка : учебный словарь по лексикологии / А. С. Шишков. – М. : МедиаМир, 2014. – 298 с.
 7. **Herman, D.** Cognitive Narratology / D. Herman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://wikis.sub.uni-hamburg.de/lhn/index.php/Cognitive_Narratology, свободный (Дата обращения: 21.02.2017 г.).

Bochatskaya A. A.

Modern Media Linguistic Research

The article is devoted to the characterization of categorical features of modern media speech. It is anthropocentric, that is, it reflects the peculiarities of the author's worldview, interpretation of events and phenomena. The media of our century is interactive, dialogical (dialogized) and potentially hypertextual, it differs in stylistic diversity, it is shaped in cultural and speech terms in different ways, depending on the social orientation of the publication. It also has such qualities as polyphony, polycode, visualization. The media discourse of our time is narrative: a journalist creates his own picture of the world in his material, tells his story about being, which reflects his cognitive, axiological, creative preferences.

Key words: *media text, interactivity, hypertextuality, dialogization, polyphony, visualization, narrative.*

Гайворонская Лиана Юрьевна,
доцент кафедры
романо-германской филологии
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
amoreangelo.lg@mail.ru

Роль «языка жестов» в коммуникативном поведении итальянцев

В данной статье рассматриваются особенности невербальной коммуникации итальянцев. Автор утверждает, что знание вербальных речевых особенностей, таких как: интонация, скорость речи, паузы, голос, лексические языковые особенности позволит избежать ряда недоразумений и непонимания при общении. По этим же причинам очень важно понимать невербальный язык и уметь им пользоваться. Знания этих аспектов особенно важны именно при изучении итальянского языка, поэтому нужно уделять внимание не только грамматическим и стилистическим правилам, но учить понимать, правильно интерпретировать и использовать невербальные средства – жесты, мимику. Это позволит сделать общение с носителями языка более эффективным.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное поведение, вербальная и невербальная коммуникация, жест, мимика, язык жестов, иллюстративные жесты, эмблематичные жесты, кинесика.

В условиях развития тесных контактов между народами вопросы культурной коммуникации, изучение национального культурного поведения являются особенно актуальными. Эффективность общения зависит от многих факторов: вербальных и невербальных средств, от знания собеседниками национально-культурных особенностей тех стран, представителями которых они являются.

Цель статьи – изучить роль «языка жестов» в коммуникативном поведении итальянцев.

Коммуникация (лат. *communicatio* от *communico* – «связываюсь, общаюсь»). Общение, передача информации от человека к человеку – специфическая форма взаимодействия людей в процессах их познавательно-трудовой деятельности, осуществляющаяся главным образом при помощи языка (реже при помощи других знаковых систем). Коммуникацией называются также сигнальные способы связи у животных. Однако, это далеко не единственное значение слова в литературе. Этот термин может употребляться в различных значениях:

1) коммуникация связывается с единичным сообщением, так называемым коммуникативным актом, не всегда предполагающим взаимодействие;

2) под коммуникацией иногда понимают комплекс средств информационной связи между людьми, обеспечивающий передачу и получение сообщений: знаки, символы, сигналы (формальный аспект коммуникации), так называемый «поведенческий фасад».

Существует два вида коммуникации: вербальная и невербальная.

К вербальному аспекту общения относятся устная и письменная речь, речевое выражение мыслей или эмоционального состояния. К устному вербальному общению относится говорение и аудирование, к письменному – чтение и письмо. Вербальный аспект итальянского коммуникативного поведения имеет ряд особенностей, знание которых позволит сделать общение более эффективным. Вот некоторые из них.

1. Тон и интонация. Смысл высказывания может меняться в зависимости от интонации и тембра говорящего. Например, фраза, «*Che sei bella!*» (Какая же ты красивая!), сказанная с разной интонацией, может выражать восхищение или, наоборот, разочарование и упрёк. Итальянцы только по одной интонации могут безошибочно определить, жителем какого региона является собеседник. В Италии используется довольно высокий тон.

2. Скорость. О скорости итальянской речи известно во всём мире. Выражение «100 слов в минуту» говорит о манере общения именно итальянцев. Итальянцы говорят почти скороговоркой, и очень часто это является причиной недопонимания смысла сообщения. И здесь на помощь приходят жесты, которые как бы замедляют речь и подключают к слуху визуальное и тактильное восприятие. В этом плане жесты являются своеобразной компенсацией за усиление понятия собеседника.

3. Паузы. Для итальянской речи характерны короткие паузы между репликами. Но даже эти паузы итальянцы стремятся заполнить так называемыми словами «на все случаи жизни»: *allora* – итак, значит, ну; *appunto* – именно; *sai* – знаешь; *insomma* – в общем; *comunque* – как бы то ни было; *dai* – давай, ну.

4. Морфологический и синтаксический аспект. В процессе изучения итальянского языка могут возникнуть сложности в использовании предлогов, артиклей, времён (например, *Passato Remoto*), наклонений (например, сослагательное наклонение *Congiuntivo*), в порядке слов в предложении и др.

Титулы и звания. В итальянском языке существует большое количество слов, обозначающих титулы и звания: *Signore*, *Direttore*, *Dottore*, *Professore*, *Ingegnere* и др., которые очень активно используются итальянцами при формальном общении в отличие от русского языка.

К невербальной коммуникации относятся жесты, мимика, позы. Учёные-лингвисты по-разному определяют понятие невербального общения. Например, «Невербальное поведение – это сопровождающие или заменяющие речь несловесные сигналы; жесты, мимика, поведение во время речи, движения говорящего, дистанция, соблюдаемая собеседниками, физический контакт между собеседниками, манипулирование предметами, тембр, быстрота речи» [1, с. 9].

Освоение методов невербального общения важно не только в повседневной жизни, но и в профессиональной деятельности, что поможет правильно трактовать невербальные элементы и более успешно выстроить стратегию коммуникативного поведения.

Проблема невербального общения всегда представляла обширное поле деятельности для лингвистов. Наиболее значимой работой начала XX века была работа Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животных», где он

определяет важную роль жестов и мимики в поведении человека и животного [2, с. 63]. Этот труд стимулировал современные исследования в области «языка тела». С того времени учёными были обнаружены и зарегистрированы более 1000 невербальных знаков и сигналов.

А. А. Реформатский считал, что без решения вопросов о том, как происходит невербальная деятельность, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [5, с. 192].

«Язык жестов» является объектом изучения науки, которая называется кинесикой. Это наука о «языке тела» и о его частях. Но большинство исследователей склоняются к более узкому пониманию объекта кинесики, считая, что это прежде всего учение о жестах (а именно, о жестах рук), а также о мимических жестах, жестах головы и ног, позах и знаковых телодвижениях. Исследователь Г. В. Крейдлин утверждает, что «передача информации происходит за счёт вербальных средств (слов) – 7%, за счёт звуковых средств (тон голоса, интонация) – 38%, и за счёт невербальных средств (жестов) – на 55%» [3, с. 592], то есть, особую важность в общении между людьми составляет не то, что мы говорим, а как мы это преподносим собеседнику через невербальные средства – жесты, мимику.

Само слово «жест» произошло от латинского слова *gestus*. Жест – это любое движение, совершённое ладонями, руками или плечами. «Толковый словарь Ожегова» определяет жест как «движение рукой или другое телодвижение, что-то выражающее или сопровождающее речь» [4, с. 939].

Невербальный коммуникативный аспект также характеризуется рядом особенностей. Как говорилось выше, высокая эмоциональность итальянцев отражается в мимике, жестах, громкости голоса, в его тембре.

1. Мимика. У итальянцев мимика живая, выразительная, многоговорящая. Например, стоит вспомнить Роберта Бенини при получении Оскара за фильм «Жизнь прекрасна». То, что были способны выразить лицо и тело этого выдающегося режиссёра и актёра, не смогли бы передать никакие слова! Прежде всего, они показали, что он настоящий итальянец!

2. Дистанцирование. Если для жителей Америки, Англии, Японии считается приемлемой дистанция между собеседниками около 1 метра, то в Италии такая дистанция между собеседниками могла бы трактоваться как проявление некоторой холодности, эмоциональной отстранённости и недостаточного участия. В северной и центральной части Италии нормальным считается расстояние между говорящими в 30–45 см, а в Южной Италии – 20–25 см, то есть, почти «вплотную».

3. Контакт с собеседником. Контакт с собеседником также довольно тесен. Прежде всего, это зрительный контакт, который говорит о заинтересованности. Допускается также и телесный контакт: похлопывание по плечу, объятия и поцелуи при встрече, даже между мужчинами, что считается абсолютной нормой этикета.

4. Социальный символизм. Он проявляется в одежде, внешнем виде, в манере поведения. Через имидж человек показывает окружающим своё социальное положение, демонстрирует самооценку (всегда высокую!), вид деятельности. Итальянцы внимательно следят за модой, стараются всегда выглядеть

элегантно и стильно, это касается не только женщин, но и мужчин. Некоторые правила этикета тоже символичны. Например, хризантемы в Италии принято нести только на кладбище, подарки нельзя заворачивать в фиолетовую бумагу (цвет траура), красные розы дарят только возлюбленным, на 8-е Марта женщинам не принято дарить только мимозу, несчастливым числом считается 17 и др.

5. Жесты. Самый важный компонент общения итальянцев! По данным некоторых исследований, итальянец может использовать до 80 жестов в минуту и это не удивительно. Ведь жесты – это способ сократить дистанцию между людьми, вызвать доверие, сопереживание, эмоциональную близость. Они приносят в общение динамическую гармонию и неповторимый колорит, – всё, что так важно для итальянцев. Они любят повторять, что «если нам завязать руки за спиной, мы не сможем общаться, потому что настоящий итальянец говорит руками».

Итальянские жесты – это как бренд «Сделано в Италии». Язык жестов стал также популярным и модным во всём мире, особенно после того, как сицилийский режиссёр Люка Вулло, автор книги и одноимённого фильма «Голос тела», начал проводить в английских университетах учебные семинары, посвящённые жестикуляции. «Невероятные возможности общения, которые мы, итальянцы имеем, – пишет Л. Вулло, – просто завораживают иностранцев. Для итальянца жестикуляция – это не просто нечто, что сопровождает слова или выполняет только декоративную функцию: жестикуляция имеет своё собственное значение. Нам (итальянцам) удаётся лучше, чем другим, передавать свои ощущения и чувства через тело. Может быть, эти способности появились потому, что на протяжении истории мы много раз были оккупированы другими народами, и мы жили всегда в необходимости понимать друг друга без слов и объясняться как можно быстрее» [6, с. 23]

Да, действительно, чтобы уверенно общаться с итальянцами, нужно освоить не только итальянскую лексику и грамматику, но и «язык жестов», который, по мнению итальянцев, более убедителен, чем обычный словесный разговор. Местные активисты даже неоднократно обращались к правительству страны с требованием признать итальянский язык жестов вторым национальным языком. Туристы–иностранцы часто говорят, что итальянцев можно легко понять, даже не зная языка, а лишь наблюдая мимику и жесты и слыша «красноречивую» интонацию.

«Язык жестов» в Италии разнообразен и богат, причём в разных регионах есть свои особые жесты. По некоторым данным, итальянцы в своей речи используют более 250 различных движений руками.

Итальянская жестикуляция стала предметом специальных исследований, на основании которых были созданы словари жестов.

По мнению учёных, язык жестов итальянцы переняли у греков, которые в Восьмом веке до нашей эры колонизировали Аппенинский полуостров. Чтобы местные жители не поняли их разговоров между собой, греки общались при помощи жестов.

Практически каждое вербальное сообщение подтверждается или дублируется в речи итальянцев невербальными средствами, как в неформальном,

так и в формальном общении. По мнению итальянского лингвиста А. Roggi, «можно выделить около 100 символических жестов, которые используют итальянцы, и сгруппировать их по следующим категориям:

1. Социальные условности (приветствия, поздравления) – 13 жестов.
2. Эмоциональное состояние и чувства (одобрение, удовлетворение, скука, страх, сожаление) – 25 жестов.
3. Намерения действия (приглашение приблизиться или удалиться, замолчать, обратить внимание) – 22 жеста.
4. Вопросы и ответы (утвердительный ответ, отрицательный ответ, сомнение, безразличие) – 13 жестов.
5. Характеристика человека (хитрость, глупость, неверность, упрямство, везение и т. д.) – 15 жестов.
6. Описание фактов (ложь, принесённый ущерб, сговор) – 10 жестов.
7. Оскорбления – 4 жеста.

Как видим, спектр жестов широк и разнообразен. Итальянские жесты можно разделить на 2 группы:

- 1) мимические жесты;
- 2) символические жесты.

Мимические или иллюстративные жесты – это жесты, произведённые с помощью лица. Выражение лица – главный показатель чувств. Как правило, этот вид жестов заменяет слова и выражения в стандартных ситуациях. Вот некоторые примеры мимических жестов:

- 1) удивление – поднятые брови, широко открытые глаза, опущенные вниз кончики губ, приоткрытый рот;
- 2) страх – приподнятые, сведенные над переносицей брови, широко открытые глаза, губы растянуты в сторону;
- 3) гнев – брови опущены вниз, морщины на лбу изогнуты, глаза прищурены, губы сомкнуты, зубы сжаты;
- 4) отвращение – брови опущены вниз, нос сморщен, нижняя губа выпячена;
- 5) радость – улыбка и блестящие глаза; всем известно, что улыбка бывает разной: улыбка губами, когда не видно зубов, так называемая «голливудская» улыбка, при которой открываются зубы.

Иногда, когда человек улыбается, мы можем предположить, что на самом деле ему очень грустно. Почему? Потому что глаза не улыбаются, в них не прыгают огоньки. Не зря Л. Н. Толстой сказал, что «глаза – это зеркало души», Мы можем угадать состояние человека именно по глазам. Например, когда мы чему-то радуемся, в чём-то заинтересованы, то они блестят, но если нам грустно, если человеку не интересен разговор, то его взгляд становится отсутствующим, пустым. Но каждый скажет, что лицо можно «сделать» и будет прав. Когда человек говорит неправду, у него сразу будет видна разница между произнесёнными словами с одной стороны и жестами, мимикой и позой с другой стороны.

Символические или эмблематичные жесты представляют собой определённые знаки – символы, произведённые руками, несущие семантическую нагрузку, а значит, заменяющие слова и целые предложения. Эта группа более

разнообразна и эмоционально насыщена, ярко проявляющая национальные особенности и колорит.

Приведем примеры наиболее часто используемых итальянцами символических жестов.

1. Открытой рукой с сомкнутыми пальцами производим удар по рёбрам – Так хочется есть! (*Si vuole mangiare troppo!*)

2. Слегка потираем живот рукой круговыми движениями – Хорошо поел, спасибо! (*Ho mangiato bene, mille grazie!*)

3. Многократно прижимаем большой палец к другим на вытянутых перед собой руках – Какой ужас! (*Orribile!*)

4. Потираем руки на уровне груди – Я доволен! (*Sono contento!*)

5. Энергично машем руками ладонями кверху – Успокойтесь и выслушайте меня! (*Calmatevi e ascoltatevi!*)

6. Вытираем воображаемый пот со лба – Это было трудно! (*Era questo difficile!*)

7. Кусаем ладонь или пальцы, чаще всего указательный – Ярость и негодование! (*Furia e indignazione!*)

8. Слегка согнутыми вниз пальцами постукиваем по лбу – Ты в своём уме? (*Sei pazzo?*)

9. Последовательно загибаем пальцы рук, показываем, как что-то исчезает – Осторожно! Он мошенник! (*Attenzione! Lui e' truffatore!*)

10. Соединяем указательные пальцы перед собой, иногда потираем – Они прекрасно могут договориться! (*Loro possono essere d'accordo!*)

11. Рука в позиции режущего ножа на шее и характерное движение – Рискуешь головой (жизнью)! (*Stai rischiando la tua vita!*)

12. Вытягиваем указательный палец и делаем вращательное движение – Повтори, пожалуйста! (*Ripeti, per favore!*)

13. Машем поднятым указательным пальцем в стороны, имитируя маятник – Ну уж нет, ни за что не соглашусь! (*Beh, no, non saro' mai d; accordo!*)

14. Сомкнутые пальцы руки на уровне груди, иногда встряхиваем рукой – Оставь меня в покое, чего ты хочешь? (*Lasciami stare! Cosa vuoi?*)

15. Тыльной стороной ладони мысленно выводим то, что застряло в горле – Меня это не волнует! (*Non mi da' fastidio!*)

16. Раскрытыми воображаемой сеткой пальцами отгораживаем себя – Не знаю и знать не хочу! (*Non so e non voglio sapere!*)

17. Оттягиваем пальцем нижнее веко – Будь осторожен! (*Stai attento!*) или Давай дружить! (*Diventiamo amici!*)

18. Буравим пальцем щеку – Очень вкусно! (*Molto buono /a!*)

19. Если итальянец машет вам на прощание тыльной стороной ладони к себе, это значит, что он с вами прощается, а не зовёт вас.

20. Если итальянец похлопывает вас по руке, оживлённо рассказывая о чём-то, он вам делает «инъекцию доверия» [7, с. 160; 8, с. 53].

Это лишь малая часть итальянских символических жестов. Самое главное – научиться правильно трактовать эти знаки, чтобы избежать недопонимания. Как видим, средства коммуникации многогранны. Эффективность общения зависит от знания всех национальных тонкостей и правил комму-

никативного поведения. Поэтому при изучении иностранного языка следует уделять внимание не только грамматическим и стилистическим правилам, но учить также понимать, правильно интерпретировать и использовать невербальные средства общения. Это позволит усилить коммуникативную направленность обучения и будет способствовать формированию более целостной коммуникативной компетенции, то есть, способности эффективно осуществлять иноязычное общение с носителями языка в различных ситуациях.

Изучение невербальных коммуникативных компонентов современной Италии не может опираться только на объяснения преподавателя. Обучение должно осуществляться с широким использованием современных технологий и аудиовизуальных средств, например:

- 1) аудиозаписи (передачи, трансляции);
- 2) видеоролики телепередач (фильмы, ток-шоу, рекламные ролики, политические дебаты и т. д.);
- 3) видеозаписи «живого» общения (интервью, беседы, соцсети и т. д.);
- 4) иллюстрации из журналов и сайтов (фото, карикатуры, реклама);
- 5) отрывки из газетных статей и художественных произведений, содержащие яркие образцы или скрытые намёки на невербальное поведение.

На начальном этапе изучения невербальных средств студентам можно предложить следующие задания:

- 1) распознавание и анализ жестов, интонаций, поз итальянцев;
- 2) имитация (просьба воспроизвести жест за персонажем, сопроводить реплику жестом, заменить реплику жестом).

На более продвинутом этапе обучения можно использовать различные ситуации общения (инсценировки, ролевые и деловые игры).

Подводя итог, стоит отметить, что человек, изучающий иностранный язык и в дальнейшем желающий достичь высокого уровня языковой и профессиональной компетенции, должен отлично владеть не только вербальными коммуникативными средствами, но и невербальными для более эффективного и эмоционального общения, а также для избежания недоразумений и недоговорок при общении с носителями языка.

Именно это и станет предметом нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. **Баева, Е. И.** Жесты–символы в итальянской лингвокультуре / Е. И. Баева // К проблеме описания невербального поведения итальянцев. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурные коммуникации. – 2016. – С. 9–16.
2. **Дарвин, Ч.** Выражение эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин, П. Экман. – СПб. : Питер, 2013. – 63 с. (Серия «Мастера психологии»)
3. **Крейдлин, Г. Е.** Невербальная семантика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое обозрение, 2002. – 592 с.
4. **Ожегов, С. И.** Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. – М. : Искусство, 1999. – 939 с.
5. **Реформатский, А. А.** Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 2004. – 192 с.

6. **Vullo, L.** La voce del corpo. Roma. Editore / L. Vullo. – Roma: Sorel, 2018. 23 p.
7. **Poggi, L.** Le parole del corpo. Introduzione alla multimodale – Roma: Editore, 2006. – 160 c.
8. **Poggi, L. e Caldonetto, M.** 86 gesti che usano gli itagliani piu' spesso. Carocci editore / L. Poggi, M. Caldonetto. – Roma: Editore, 2009. – 53 p.

Gaivoronskaya L. Yu.

The Role of «Sign Language» in Italian Communication Behavior

This article discusses some of the features of non-verbal communication of Italians. The author considers that effectiveness of communication between people of different nationalities depends not only on verbal means, but also on non-verbal ones. Knowledge of verbal speech features, such as: intonation, speech speed, pauses, voice, lexical language features. – will avoid a number of misunderstandings and misunderstandings in communication. For the same reasons, it is very important to understand non-verbal language and be able to use it. Knowledge of these aspects is especially important in learning the Italian language, and it is necessary to pay attention not only to grammatical and stylistic rules, but to teach to understand, correctly interpret and use non-verbal means – gestures, facial expressions. This will make communication with native speakers more effective.

Key words: communication, communicative behavior, verbal and non-verbal communication, gesture, facial expressions, sign language, illustrative gestures, emblematic gestures, kinesics.

Дроздова Алена Васильевна,
канд. наук по соц. коммуникациям,
доцент кафедры журналистики и
издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
dilena_23@list.ru

Факторы обновления концепции профессиональной подготовки журналистов

В статье на основе актуальных работ по теории и практике журналистики, а также теории и методике высшего образования, обобщены концептуальные положения организации и содержания профессиональной практики как неотъемлемой части подготовки современного журналиста. Сделан вывод о необходимости усиления практикоориентированности, актуализации ценностного и прагматического подходов как доминирующих при составлении программ профессиональных практик для студентов – будущих журналистов.

Ключевые слова: журналистика, профессиональная практика, личный маршрут.

Обращение к практике,
опыту жизнедеятельности прессы –
принципиальная методологическая установка.
Сергей Корконосенко

Журналисты часто признаются, что понимать суть своей профессии начали лишь во время практики. В. Аграновский, к примеру, в своем наиболее популярном издании отмечал: «Осмысливая и ревизуя... свой собственный журналистский опыт, я, кажется, понял, как должен сам работать и каким должен быть» [1].

Формирование знания о журналистике осуществлялось не в сугубо академическом пространстве. Газетчики и писатели кон. XIX – нач. XX ст. в публицистике и приватной переписке с редакторами, издателями, авторами, родными и знакомыми не только описывали специфику журналистской профессии, но и делали выводы об особенностях ее развития, универсальной роли в обществе. Вспомним, к примеру, очерк К. Чапека «Как делается газета» или остросоциальные фельетоны М. Горького «Несколько дней в роли редактора провинциальной газеты», В. Дорошевича «Репортер», А. Дружинина «Драматический фельетон о фельетоне и фельетонистах», М. Салтыкова-Щедрина «Газетчик», А. Серафимовича «Бойкое перо».

Цель статьи – изучить факторы обновления концепции профессиональной подготовки журналистов.

Современные журналисты чаще используют мемуарные жанры, помогающие рассказать о своей работе «языком откровений, личных дневни-

ков, наблюдений и опыта» [6, с. 5]. Так, жизни выдающихся редакторских коллективов и личному пути профессионального становления посвящены книги Г. Зафесова «После двадцати лет молчания. От собственного корреспондента газеты “Правда”» (2009), А. Друзенко, Г. Карапетяна, А. Плутника «С журналистикой покончено, забудьте!» (2007), В. Калныша «За слова отвечают» (2017), В. Познера «Прощание с иллюзиями» (2014), Л. Курьяновой «Журналистика с Любовью» (2021). Список, на самом деле, неисчерпаем. Как, собственно, и советы начинающим авторам от именитых практиков. В целом они сводятся к единому мнению о том, что начинать профессиональную подготовку медийщик должен еще до поступления в университет, ср.: «Как идти к мечте? Главное – действовать! <...> Если вы хотите быть телеведущим, работать на радио или в пресс-службе, то сейчас самое время реализовать планы» [7, с. 221].

Ранняя профессионализация студентов и непрерывный процесс прохождения учебных и производственных практик во время обучения является нормой для журналистского образования. Как отмечает Л. Свитич, за отделениями и факультетами журналистики с момента их образования закрепились постоянные формы творческого сотрудничества с различными СМИ: «На всех этапах в учебном процессе участвовали журналисты-практики, высококвалифицированные специалисты. Их привлекали к проведению творческого конкурса, чтению лекций, ведению спецсеминаров, организации творческих мастерских, руководству курсовыми и дипломными работами, производственной практикой. Стали заключаться договоры о творческом сотрудничестве редакций и факультетов журналистики» [10, с. 124].

Современные студенты уже с первого курса проходят практику в редакциях СМИ. В зарубежных странах практика зачастую становится основной формой обучения. О волонтерате, как способе овладения профессией непосредственно в редакции, упоминают Б. Мисонжников и А. Тепляшина, рассматривая систему профессиональной подготовки журналистов в Германии: «Это особая форма глубокой практической адаптации. Это, вместе с тем, не просто практика в традиционном истолковании. Это нечто более основательное и долгосрочное, связанное как с освоением методик ремесла, приобретением серьезных профессиональных навыков, так и с психологическим проникновением и погружением в профессиональную среду. Волонтерат не ограничивается комплексом ознакомительных мероприятий, а предусматривает именно полноценную профессиональную деятельность, хотя и под контролем специальных кураторов, назначенных из среды опытных редакционных сотрудников» [8, с. 34].

При этом содержание практик, естественно, меняется. Одними из наиболее важных причин являются глубокие перемены в жизнедеятельности общества, связанные, преимущественно, с технологическим прогрессом. Среди них С. Корконосенко выделяет:

- гигантское расширение сети информационных каналов и усиление технико-технологической мощи коммуникаций;
- многократное возрастание объема и разнообразия информационных потоков;

– виртуализация социальной и личной жизни, отдаление человека от действительности, погружение его в параллельные (коммуникационные) миры [4, с. 79].

Важно в таких условиях, напоминает ученый, наделить информацию и знания не только чисто экономическим, товарным статусом, но и придать им статус духовных феноменов.

Еще одной причиной, которая должна найти отражение в содержании практической подготовки медиаспециалистов, Л. Коханова называет усиление маркетингового подхода в системе журналистского образования. Основные выводы, на которые следует обратить внимание, следующие:

– в основе организации практик гармоничное сочетание двух начал – фундаментальность подготовки (универсализация по отношению к методам сбора и обработки информации, общения с аудиторией, осмысления явлений действительности) и одновременная ранняя специализация (по тематике и отделам редакций);

– в приобретении специальных навыков и в ускорении адаптации к конкретным условиям труда практике принадлежит несомненный приоритет, и место ее проведения – только реальное журналистское производство;

– организация целевой подготовки медиаспециалистов значительно снижает риск появления «случайных» людей на факультетах и отделениях журналистики, в редакциях СМИ;

– эффективность проведения практик определяется согласованностью действий субъектов образования – преподавателя и студента, а также индустрии СМИ;

– отечественная информационная отрасль пребывает в серьезной динамике, решающую роль должна сыграть подготовка высококвалифицированных кадров и целенаправленное накопление творческого потенциала медиасферы [5, с. 480–522].

Праксиологическая направленность сферы массово-информационного производства также ориентирует организаторов практик на отработку форм деятельности, обладающих общественной эффективностью и личностной значимостью; системное и последовательное изучение речевой деятельности в аспекте прагматики; формирование знаний о медиатексте как процессе и результате эффективной речевой деятельности.

В условиях роста колоссального объема профессий и углубляющейся медиатизации общественной жизни будущий медиапрофессионал также остро нуждается в педагогизации знаний о журналистике. Специалисты отмечают, что «обучение в условиях педагогизации образовательной среды позволяет начинающим журналистам понять логику учебного процесса по освоению сущности журналистской профессии, способов творческой деятельности, способствует четкому осознанию положения профессии в жизни общества, культивированию ответственности и стремлений к самообразованию» [2].

Актуализован поиск инновационных образовательных концепций и парадигм, в содержании которых приоритетом остается формирование не столько хорошо обученных, но универсально мыслящих, творческих личностей: «Перемены на теоретико-концептуальном уровне повлекли за собой необхо-

димось изменений в методике преподавания журналистского дела, которая стала опираться на активную деятельность самих студентов и в значительной степени ориентироваться на развитие личностных качеств и профессиональной компетентности будущих журналистов» [3].

Так, в концепциях и моделях профессиональной подготовки журналистов, предложенных в последнее время Т. Владимировой, И. Илларионовой, М. Петровой, С. Распоповой, актуализируются такие компоненты профессиональной подготовки журналистов, как: «созидательно-творческая инициатива», «практика деятельности в чрезвычайных (кризисных, неопределенных) условиях», «универсальность профессиональной подготовки», «soft skills». Представленные компоненты в полной мере согласуются с признаками современной реальности – сложностью, неоднозначностью, а также со свойствами «климата глобальных системных изменений» – тревожностью, нелинейностью, хрупкостью и непостижимостью. Логично, что при таком контексте нашей жизни журналистское творчество необходимо рассматривать как его особый вид – деятельность с повышенной социальной ответственностью, в которой приоритетными компетенциями становятся креативность, системное мышление, ценностная и личностная рефлексия [9].

В общей сложности, факторы, предопределившие обновление концепции профессиональной подготовки журналистов, обусловлены характером трансформаций как в образовательной, так и в массово-коммуникационной сферах. Понимание медиа как чрезвычайно сложной и разнообразной совокупности структур и видов деятельности, каждой со своим собственным способом коммуникации, экономикой, границами и аудиторией, требует от студентов обязательного познания и практической отработки целого ряда востребованных сегодня профессиональных компетенций и навыков. Вместе с тем, практическая подготовка будущих медиаспециалистов должна помочь им выстроить «личный маршрут» в профессии, ценностном самоопределении и векторах творческой активности.

Список литературы

1. **Аграновский, В. А.** Вторая древнейшая. Беседы о журналистике / В. А. Аграновский [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://lib.ru/NEWPROZA/AGRANOWSKIJ_W/agran_01.txt, свободный. (Дата обращения: 20.10.2022 г.).
2. **Жидкова, А. В.** Актуализация педагогического компонента профессиональной подготовки журналистов в классическом университете : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 [Электронный ресурс] / А. В. Жидкова. – Ульяновск, 2011. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com> (Дата обращения: 20.10.2022).
3. **Карасевич, Ю. М.** Взаимодействие университета и телерадиокомпании как фактор формирования профессиональной компетентности студентов-журналистов: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 10.01.10 [Электронный ресурс] / Ю. М. Карасевич. – Оренбург, 2004. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com>, свободный. (Дата обращения: 20.10.2022 г.).

4. **Корконосенко, С. Г.** Теория журналистики: моделирование и применение / С. Г. Корконосенко. – М. : Сфинкс, 2015. – 248 с.
5. **Коханова, Л. А.** Основы теории журналистики / Л. А. Коханова, А. А. Калмыков. – М. : Знания, 2009. – 536 с.
6. **Кронна, С.** Журналистика: первый абзац. Опыты, завернутые в газетную строку / С. Кронна. – Ростов-н/Д, 2005. – 416 с.
7. **Курьянова, Л. Н.** Журналистика с Любовью / Л. Н. Курьянова. – М. : РИПОЛ Классик, 2021. – 240 с.
8. **Мисонжников, Б. Я.** Введение в профессию: журналистика / Б. Я. Мисонжников, А. Н. Тепляшина. – М. : Искусство, 2019. – 190 с.
9. **Распопова, С. С.** Журналистское творчество: теория и практика освоения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 [Электронный ресурс] / С. С. Распопова. – Москва, 2007. – 24 с. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com> (Дата обращения: 20.10.2022 г.).
10. **Свитич, Л. Г.** Введение в специальность. Профессия: журналист / Л. Г. Свитич. – М. : Знания, 2011. – 255 с.

Drozdova A. V.

Factors of Updating the Concept of Professional Preparing of Journalists

The conceptual provisions of the organization and content of professional practice as an integral part of the training of a modern journalist are summarized in the article on the basis of current works on the theory and practice of journalism, as well as the theory and methodology of higher education. The conclusion is made about the need to increasing practicality, actualization of value and praxiological approaches as dominant in the preparation of professional practice programs for students – future journalists.

Key words: *journalism, professional practice, own route.*

Куянцова Елена Александровна,
канд. филол. наук,
доцент кафедры журналистики и
издательского дела
ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»
elenakul@list.ru

Украинские медиакритические материалы как важная составляющая информационной войны Украины – России

В статье рассмотрена роль медиакритики в информационной войне Украины и России. Сделана попытка разобраться, каким образом украинские медиакритики влияют на общественное настроение, почему им удалось повысить уровень антироссийских настроений, в чем эффективность их работы. Приведены примеры сочетания правдивых фактов и дезинформации в освещении политических проблем в медиакритических статьях.

Ключевые слова: медиакритика, русофобия, информационная политика, информационная война.

События на Украине, происходящие в последние годы, показали и России, и всему миру, насколько далеко идущими могут быть последствия информационной войны между государствами. Если же речь идет еще и о культурно и исторически близких народах, то резко возрастает актуальность и важность изучения стратегий и технологий, которые использовались в информационном поле Украины для создания враждебного по отношению к России пространства.

В данном исследовании мы обратили внимание на роль медиакритики в распространении русофобии в медиапространстве Украины. Эти механизмы на данный момент малоизучены, поскольку на Украине подобные исследования не могут быть реализованы по объективным причинам, в российском научном пространстве долгое время им уделялось не достаточно внимания.

В современном информационном пространстве Украины долгое время внедрялась мысль о том, что медиакритические организации вместе с осознанной общественностью должны отслеживать деятельность СМИ. Главным «третейским судьей» является гражданское общество, предъявляющее высокие требования к деятельности украинских СМИ. В своей оценке оно будет опираться на результаты исследования общественных организаций или фондов, которые внимательно изучают, насколько СМИ правдивы, объективны, сбалансированы в освещении социально и политически значимых событий. Разумеется, такие организации нуждаются в финансировании. Но зачастую этим занимаются правительственные структуры США и Великобритании. Яркими примерами таких организаций, фондов, проектов и т. д., активно функционирующих на Украине, являются: «Детектор Медиа» (в прошлом «Телекритика»), проект Г. Почепцова «Media Sapiens», фонд «Демократиче-

ские инициативы», журнал «МедиаКритика», издаваемый Львовским национальным университетом. Как правило, контент этих организаций направлен на «объективное» освещение деятельности властей и СМИ в контексте того, насколько украинское общество близко к демократическим идеалам Запада.

По мнению экспертов – авторов вышеуказанных проектов, украинское общество максимально близко к обозначенному им идеалу: украинские граждане смело критикуют власть и проявляют активность в социальных сетях, таким образом эффективно влияя на политическую жизнь страны в целом и на деятельность отдельных политиков. Медиакритические проекты очень одобряют независимость украинских СМИ от государства, подчеркивая, что это необходимое условие для их демократического пути развития: государство не дает возможности объективно и взвешенно освещать социально важные события, имеющие значение и интерес для общественности.

Чтобы уменьшить цензуру и влияние государства на СМИ, на Украине еще в 90-е годы был взят курс на последовательное разгосударствление СМИ. Общественные организации, прежде всего «Детектор Медиа», в этом контексте оценивают украинские СМИ как достаточно демократичные. Регулярно они отчитываются перед мировой общественностью. Например, в двуязычном (англ. и укр. версии) журнале «Украина в фокусе», издаваемым фондом «Демократические инициативы», регулярно дается оценка «качества демократии в Украине» и экспертные оценки ее развития в таких сферах, как «демократические институты и правовое государство; законодательство; защита и соблюдение прав человека и меньшинств; независимые медиа; международная политика в евроинтеграционном и трансатлантическом аспекте» [9].

Разумеется, это имитация демократических процессов на Украине. Медиакритики и медиаэксперты отчитываются о работе украинских медиа, добавляя значимость и правдоподобность в свои материалы за счет критики деятельности властей и СМИ, которые нарушают принципы журналистской этики, однобоко освещают значимые политические события. Таким образом, мы можем говорить о статусе своеобразного «вочдога» украинской журналистики, закрепившегося за проектом «Детектор Медиа». Активным помощником в этом деле является издание львовского национального университета «МедиаКритика».

Приведем яркий пример, из которого хорошо видно, что критика, публикуемая на страницах «МедиаКритики», может быть весьма правдивой. Автор статьи И. Ладька достаточно смело и ясно обозначила главную особенность в отношениях власти и СМИ в 2019 году, вскоре после победы на президентских выборах В. Зеленского. Глава его Офиса Андрей Богдан заявил, что «нам не нужны журналисты. Мы коммуницируем с народом напрямую (тут и далее перевод наш – Е. К.)» [7, с. 10]. Анализируя ситуацию, сложившуюся во взаимоотношениях команды президента Украины и медиа, И. Ладька указывает, что при В. Зеленском украинская власть стала не коалицией победивших, а монобольшинством, значит, критика власти со стороны СМИ будет однозначно направлена в сторону действующего президента. Автор справедливо подмечает резкую перемену в отношениях власти и СМИ – игнорирование журналистов, замена их на пиарщиков. Власть захотела показать, что спо-

собна стать единственным источником информации о себе, поэтому весьма активно принялась создавать имитацию журналисткой деятельности (14-часовой пресс-марафон В. Зеленского, где он сам выбирал вопросы, которые в том числе и повторялись, не давал возможности задать уточняющий вопрос). Среди журналистов быстро созрело недовольство таким отношением к себе, что привело к их «солидаризации» [7, с. 11]. «Одно из важнейших заданий журналистов – информировать общество. К сожалению, как бы этого не хотела ЗЕ!власть, она не справляется с этой ношей. Первые попытки государства часто распространяют дезинформацию, манипуляцию и фейки» [7, с. 13]. Трудно поспорить с этим справедливым обзором деятельности команды Зеленского.

Впрочем, известный украинский ученый Б. Потятиник дает этому факту другое объяснение: анализируя происходящие явления в современной медиасфере, он указал на «размывание границы между профессиональной журналистикой и аматорством» [8, с. 8]. Развитие блогосервисов и социальных сетей позволили политикам и всем заинтересованным высказывать свои взгляды без посредничества журналистов, как следствие – каждый может быть потенциально не только автором, но и издателем, стала массовой самопубликация. В этом контексте украинский ученый и указал на высказывание команды В. Зеленского о ненужности журналистов [8, с. 8].

Впрочем, стоит отметить, что вся справедливая критика в описываемых источниках часто сочетается с явной неприязнью ко всему русскому. Рассмотрим пример, который касается анализа работы телеканалов «Рада» и «Дом». Критикуя работу телеканала «Дом», Отар Довженко, один из наиболее известных авторов публикаций «Детектор Медиа», мастерски объединяет в своих текстах справедливую критику и модную сейчас иронию и сарказм, обесценивающую критикуемый объект. «Признаки формы – русский язык и успокаивающий темпоритм – привлекают внимание, но не дают ответы на вопросы: зачем, собственно, мы что-то рассказываем жителям оккупированных территорий?» [3]. Обратим внимание: несмотря на то, что телеканал «Дом» был открыт для русскоязычного населения Донбасса для его «реинтеграции», сам факт русскоязычного вещания этого телеканала вызывал критику среди журналистов и «медиаэкспертов». К примеру, в одной из публикаций на сайте «Детектор Медиа» читаем следующее: «...мне так и не удалось понять, каким образом именно русскоязычность канала должна обратить аудиторию к правильной позиции. Вероятно, логика в том, что если в Украине появляется государственный русскоязычный канал, то само его существование перечеркивает кремлевский миф о притеснениях русскоязычных. Но нужен и эффективен ли такой витринный проект?» [6].

Анализируя контент «Дома», О. Довженко иронизирует: «Вопреки участию в запуске людей Медведчука и Алексея Кирющенко, который *любит Украину и Россию одинаково*, опасения касательно *пророссийскости* «Дома» пока что не подтверждаются. Капитуляцию, коллаборационизм и *возвращение в лоно русского мира тут не пропагандируют*. О войне, правда, говорят с использованием минской терминологии <...> *О России и российской агрессии* не вспоминают вообще. Как и о боевых действиях <...>. Но это вписывается

в общий фрейм *новостей про все хорошее*. Никаких протестов, расколов <...>, что может испортить настроение зрителям» [3]. Обратим внимание на суть обвинения канала: он бесполезный, потому что нет острых выпадов в сторону России и раздувания вражды между близкими народами, более того, есть подозрения, что на телеканале обходят стороной острые углы. А это скучно и неправильно, по мнению украинских медиакритиков, отчитывающихся перед передовой мировой общественностью.

Подвергся критике и телеканал «Рада», который члены команды президента В. Зеленского решили сделать своим пиар-проектом. И снова публику подкупает осведомленность авторов публикаций о подноготной работающих на телеканале журналистов, о «своих» людях в руководстве канала и власти, разворачивающих под благовидным предлогом бюджет. Но больше всего критики отругали телеканал за его «государственную» принадлежность. «Рада» должна была освещать деятельность Верховной Рады, а по сути пиарить находящихся у власти «слуг народа». Критика канала, который решил провести обновление и «гламуризацию» государственных или коммунальных ресурсов, что уже случалось «в истории украинских медиа» [4], звучит убедительно.

В украинской науке о журналистике и медиакритических материалах еще с 90-х годов XX века четко обозначено: государство не должно влиять на медиа. Ведь «усиление государственных медиа – это фактически контрреволюция в информационной сфере, которая прямо противоречит международным обязательствам Украины. В отчете Совета Европы (миссии Анны Северинсен и Ренате Вольвенд) 2005 года говорится: «Мы призываем власть продолжить процесс ликвидации государственной собственности медиа, поскольку существование государственных медиа противоречит европейским стандартам» [4].

В условиях современной реальности, когда мы убедились, как много значит для государства информационная политика и возможность влиять на СМИ в освещении жизненно важных проблем, мы понимаем, зачем так тщательно и последовательно внедрялась мысль о том, что государственные СМИ – это контрпродуктивно. Олигархизация украинских СМИ и их подчиненность Западу убедительно показали губительность этих процессов для государства и народа, его истории, современности и будущего. Процессы в медиа, связанные с вечным «спором» о сочетании государственного и коммерческого участия в системе СМИ, часто становятся объектом исследования украинских медиакритиков. «Собственно на ликвидацию государственной медиасобственности были направлены реформы в этой сфере после Революции достоинства – *разгосударствление* прессы и превращение Национальных теле- и радиокompаний Украины, областных государственных телерадиокompаний в *общественные*. Отход от этого курса, изменения в законодательстве, которые *противоречат демократическим нормам*, могут негативно влиять на перспективы евроинтеграции нашей страны [4].

Ситуация, которая сложилась в украинской медиасфере в целом и в отдельно в медиакритике, была в свое время правдиво охарактеризована в эфире телеканала «Зик» (ныне заблокирован) журналистом и блогером

Анатолием Шарием, который сказал о том, что Наталья Лигачева по сути взяла на себя роль инквизиции в области журналистики, «взвалила на свои хрупкие плечи такую обязанность – следить за исполнением, чтобы никто не ковырялся в носу из журналистов» [1]. Но имеет ли право делать это журналист, который сам никоим образом не придерживается принципов журналистской этики и занимается написанием заказных статей и ротацией определённых информационных потоков в угоду прозападной украинской власти? Ответ очевиден. От себя добавим, что кроме Натальи Лигачевой есть еще немало желающих быть экспертами в сфере медиакритики, придавая своим статьям с критикой действующей власти и работников СМИ некую весомость, значимость, претензию на истину. Таким образом, играя в долгую, Запад (прежде всего США и Великобритания) построили в украинском медиапространстве довольно замысловатую, но весьма эффективную систему управления украинскими медиа. Эта система успешно показала себя в борьбе с российским влиянием в украинском медиапространстве.

Украинские медиакритики неустанно анализируют проявления «кремлевской пропаганды», то обесценивая ее, то демонизируя. Например, в 2014–2015 годах авторы медиакритических публикаций били тревогу о вездесущности российской пропаганды, ее едва ли не всеисильности, утверждали, что украинское медиапространство борется с хорошо отлаженным механизмом кремлёвской пропаганды. В 2020 году Отар Довженко в своем обзоре «дезинформационных нарративов» российской журналистики пишет, что «пророссийская пропаганда в Украине <...> локализована буквально в десятку телеканалов и онлайн-изданий» [2]. Основные «прокремлевские нарративы» («Украина – недодержава», «Украина – нацистское государство», «Внешнее управление») возникли якобы как страшилки в предвыборный период для мобилизации своих избирателей. Все время подчеркивая фрагментарность и местечковость пророссийских настроений в публикациях, О. Довженко тем не менее полагает, что «Кремль и его союзники в украинской политике выстроили эффективную, хорошо скоординированную и централизованную систему распространения пророссийских дезинформационных нарративов. Она продуцирует качественный и разнообразный по форме контент, который, кроме традиционных медиаканалов, распространяется в социальных сетях и осуществляется другими медиа далеко за рамками зоны непосредственного влияния пророссийских политических сил» [2].

На наш взгляд, такая «нелогичность» – это попытка показать смену настроений в обществе, еще одна добавка в общий мейнстрим, который создавался в украинском медиапространстве с осени 2013 года: украинское общество на пути к европейским ценностям и все дальше от России. Но «проблема пророссийской пропаганды в украинском медиапространстве остается насущной и нерешенной» [2]. Образы ужасной России и ее «дикого», «темного» народа, верящего в «путинскую» пропаганду, далеко оставившую позади себя даже геббельсовскую, активно вырисовываются именно в подобных медиакритических публикациях. В процессе усиления русофобии в медиапространстве все меньше внимания обращается на соблюдение журналистских стандартов и этики, если речь идет о русском. Собственно, несколько лет на-

зад представитель ОБСЕ в сфере свободы медиа Дуня Миятович попыталась было остановить это безумие, но вскоре согласилась, что «свободу СМИ можно ограничить, когда они посягают на основоположные права человека» [5]. В 2022 году мы убеждаемся в ужасающих последствиях такой работы «проевропейских» СМИ Украины.

Список литературы

1. **Анатолий Шарий на телеканале Zic от 28.02.2020** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7-IeS7QSVys>, свободный. (12.09. 2021 г.).
2. **Довженко, О.** Саурон і Саруман проросійської пропаганди. Підсумки моніторингу дезінформаційних нарративів під час місцевих виборів 2020 [Электронный ресурс] / О. Довженко // Детектор Медіа. – Режим доступа: https://detector.media/propahanda_vplyvy/article/182872/2020-11-27-sauron-i-saruman-prorosiyskoi-propagandy-pidsumky-monitoryngu-dezinformatsiynukh-naratyviv-pid-chas-mistsevykh-vyboriv-2020/, свободный. Дата обращения: (10.08.2022 г.).
3. **Довженко О.** Телеканал «Дом»: переозвучити Україну російською мовою [Электронный ресурс] / О. Довженко // Детектор Медіа. – Режим доступа: <https://detector.media/kritika/article/175697/2020-03-20-telekanal-dom-pereozvuchytu-ukrainu-rosiyskoju-movoju>, свободный. (Дата обращения: 01.08.2022 г.).
4. **Довженко, О.** Що війна робить із медіями. Що медіі роблять з нами / О. Довженко // МедіаКритика. – 2015. – № 22. – С. 34–36.
5. **Довженко О.** Влада і є новини. Як «Слуга народу» перетворює канал «Рада» на інструмент піару й політичної боротьби / О. Довженко, Г. Склярченко // Детектор Медіа. – Режим доступа: <https://detector.media/infospace/article/194842/2021-12-16-vlada-i-je-novyny-yak-sluga-narodu-peretvoryue-kanal-rada-na-instrument-piaru-y-politychnoi-borotby/>, свободный. (Дата обращения: 03.08.2022 г.).
6. **Заноз, Н.** Кримська інформаційна війна: чим відповість Україна [Электронный ресурс] / Н. Заноз. – Режим доступа: http://zaxid.net/news/showNews.do?krimska_informatsiyna_viuna_chim_vidpovist_ukrayina&objectId=1305723, свободный. (Дата обращения: 03.08.2022 г.).
7. **Залізник, Ю.** Профіль російського окупанта в соціальних мережах як доказ агресії проти України / Ю. Залізник // МедіаКритика. – 2014. – № 21. – С. 18–22.
8. **Зубченко, Я.** Конвульсії Великої Вітчизняної війни [Электронный ресурс] / Я. Зубченко // Детектор Медіа. – Режим доступа: <https://detector.media/kritika/article/177098/2020-05-13-konvulsii-velykoi-vitchyznyanoi-viynu>, свободный. (Дата обращения: 12.07.2022 г.).
9. **Кузнецова, Є.** Як я була глядачкою телеканалу «Дом» [Электронный ресурс] / Є. Кузнецова // Детектор Медіа. – Режим доступа: <https://detector.media/kritika/article/188769/2021-06-03-yak-ya-bula-glyadachkoju-telekanalu-dom/>, свободный. (Дата обращения: 08.09.2021 г.).
10. **Ладика, І.** ЗЕ! Влада: журналісти тепер зайві / І. Ладика // МедіаКритика. –

2019. – № 26. – С. 10–13.

11. **Потятиник Б.** Медіатизація без журналістики / Б. Потятиник // МедіаКритика – 2020. – №27. – С. 8–10.
12. **Потятиник, Б.** Парадоксальный простір нових медій: Україна – Гонконг // МедіаКритика. – 2014. – № 21. – С. 13 – 18.
13. **Фонд «Демократичні ініціативи» імені Ілька Кучеріва** [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dif.org.ua/about>, свободный. (Дата обращения: 04.08.2022 г.).

Kujantseva E. A.

Ukrainian Media Critical Materials as an Important Component of the Ukraine – Russia Information War

The article examines the role of media criticism in the information war between Ukraine and Russia. An attempt is made to understand how Ukrainian media critics influence public mood, why they managed to increase the level of anti-Russian sentiment, what is the effectiveness of their work. Examples of a combination of truthful facts and disinformation in the coverage of political issues in media critical articles are given.

Key words: *media criticism, Russophobia, information policy, information war.*

УДК

Хохлов Алексей Александрович,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Образовательный центр №1»,
г. Ивантеевка, Московская обл.,
соискатель РУДН
bart.reutov@list.ru

Методология описания концептосферы современной российской публицистики

Проблема изучения концептосферы в статье рассмотрена в качестве одного из центральных направлений когнитивной лингвистики. Выявлены группы «универсальных ценностных» концептов, составляющих основу картины мира и влияющих на формирование всего мировосприятия, а также наиболее распространенные в СМИ средства их репрезентации. Процесс репрезентации универсальных ценностных концептов реализуется посредством употребления крылатых единиц, являющихся наиболее распространенным фразеологическим средством в современных СМИ. Проанализирована необходимость выявления национальной специфики концептуализации идентичных явлений в сознании людей, являющихся носителями разных языков.

Ключевые слова: *концепт, когнитивная лингвистика, концептосфера, картина мира, языковая личность.*

В когнитивной лингвистике термин *когниция* (от лат *cognitio* – познание) рассматривается в качестве ключевого понятия дисциплины, включающего знание и мышление в языковом воплощении. Исследователи в области когнитивной лингвистики рассматривают язык как когнитивный инструмент – систему знаков, определяющих такие процессы, как репрезентация и транслирование информации. Исследование языка в качестве определяющего элемента в процессе репрезентации ментальных моделей в сознании привело к выявлению главного вопроса когнитивной лингвистики, который заключается в исследовании отношений в цепочке «разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие», при этом центральное место занимает описание механизмов восприятия естественного языка, а также построение модели его интерпретации [7 с. 36]. Совокупность вышеизложенных понятий, находящихся в тесной связи, формирует определенный механизм, «обуславливающий функционирование познавательной деятельности, в котором наиболее важными процессами являются категоризация и концептуализация» [2, с. 64].

Описание концептов является одним из современных направлений когнитивной лингвистики. Концепты позволяют сформировать представление человека об окружающей его действительности, обладают «ценностными характеристиками для конкретной языковой личности и коллективного сознания в целом», отражают «национальную и социокультурную специфику видения мира носителем языка» [5, с. 156]. Большой объем научных работ, по-

священных исследованию концепта (В. И. Карасик, А. Ю. Петкау, И. А. Стернин, А. Н. Усачева и другие), даёт основание утверждать, что данное направление является на сегодняшний день одним из наиболее актуальных. Говоря о концепте, нельзя не согласиться с мнением российского лингвиста Ю. Е. Прохорова, который утверждает, что «концепт может быть представлен в языковом сознании и в языковой картине мира, в художественной картине мира и в отдельном литературном жанре; концептом может быть и понятие, и некая каузальность, и некая эмоция, и так далее» [9, с. 9].

Говоря о наиболее четкой методологии современного изучения и описания концептов, сложно не согласиться с точкой зрения О. М. Смирновой, утверждающей, что подобная методология выработана лишь «в рамках когнитивной лингвистики – нового этапа изучения сложных отношений языка и мышления», начало которого положено нейрофизиологами, врачами, а также психологами [12, с. 249]. Цель развития данного направления, по мнению исследователя, заключается в изучении языковых систем знаний, «то есть языковые формы их передачи, организации, хранения, извлечения из памяти, языковые формы воздействия на знания и с помощью знаний и т. д.» [12, с. 249].

Автор приходит к выводу, что когнитивной лингвистике присуще изучение языковых форм с позиций отражения определенного видения мира отдельной персоны и различных вариантов концептуализации объективной реальности в языке, а также общих принципов категоризации и механизмов «обработки информации с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды» [12, с. 249].

Современные исследования, посвященные анализу заголовков печатных СМИ, актуализирующих ключевые концепты посредством крылатых единиц, позволяют детально рассмотреть способы вербальной репрезентации данных концептов, а также представить его многоаспектную характеристику. Данная характеристика, которая включает рассмотрение макроструктуры концепта (на основе выявленных когнитивных признаков в отношении образного, информационного содержания и интерпретационного поля концепта), категориальной структуры концепта, эксплицируемой в качестве отношений когнитивных классификационных признаков. Подобное рассмотрение концепта позволяет выявить ядро концепта, его «приядерную» зону, а также периферию концепта.

Процесс репрезентации универсальных целостных концептов наблюдается в современных публицистических текстах. Подобная репрезентация наиболее часто осуществляется посредством употребления журналистами фразеологических единиц. Публицистическим текстам, в составе которых реализуется функциональный потенциал фразеологических единиц, посвящено множество работ (О. В. Ломакина, А. С. Макарова, В. М. Мокиенко, Л. М. Рязановский и другие), что говорит об актуальности данной области языка. Примечательно, что фразеологизмы в подобных текстах претерпевают различные трансформации – как структурные, так и семантические. Наиболее ярко это проявляется в газетных текстах. В. Н. Вакуров, ссылаясь на одного из первых исследователей языка газеты, Г. О. Винокура, отмечает высокий уровень фразеологизированности газетного языка, что объясняется его неотъемлемым

свойством – стандартностью, клишированностью большинства выражений, являющихся типично газетными [1, с. 43]. Одной из наиболее употребляемой в газетных текстах разновидностей фразеологических единиц являются крылатые выражения.

О. В. Ломакина подчеркивает зависимость реализации функционального потенциала фразеологических средств языка от контекста, «в котором выявляются ядерные и периферийные единицы» [4, с. 78]. Специфика использования крылатых единиц (КЕ) в периодической печати в процессе вербализации центральных концептов подразумевает многообразие функций, реализуемых устойчивыми сочетаниями – от экспрессивно-оценочной до семантического преобразования всего контекста. Подобные преобразования позволяют говорить об актуализации исследуемого концепта компонентами, изначально не связанными с обозначенным концептом. Также нередки случаи проявления семантической связи данного концепта с прочими социально значимыми концептами, что выражается в их вербализации посредством КЕ. Как утверждают З. Д. Попова и И. А. Стернин, репрезентация концепта в языке осуществляется за счет лексем, фразеосочетаний, словосочетаний, предложений, текстов и совокупности текстов. Анализ языковых средств выражения концепта позволяет получить представление о его содержании в языковой картине мира носителей языка [8, с. 10–11].

Среди различных концептов центральное место занимают «универсальные ценностные» концепты, составляющие основу картины мира и влияющие на формирование всего мировосприятия. К данной группе относят концепты «политика» [6; 14], «спорт», [15], а также концептуальные диады «война – мир», «здоровье – нездоровье». Проведенный анализ позволил установить, что исследуемые концепты репрезентуются как ядерными составляющими, так и варьированием периферийных компонентов. О. В. Ломакина отмечает, что «выбор языковых средств, в том числе паремий, зависит от коммуникативного намерения говорящего / пишущего (иллокуции), функционально-стилевой и жанровой принадлежности созданного текста» [3, с. 177]. В ходе рассмотрения проведенных анализов удалось выявить ключевую роль компонентов, посредством которых происходит актуализация концептуального содержания КЕ, в результате чего посредством актуализаторов происходит осуществление первичной коммуникативной задачи журналиста – установление вербального контакта с читателем.

Рассмотрим в качестве примера заголовки «*От снаряда до рассвета*» («Коммерсантъ», 26.01.2022)

Ср.: «*От заката до рассвета*» (Иносказательно: ночь, темное время суток) [10, с. 563].

Желая задействовать прагматическую функцию заголовка, ориентированную на предварительное ознакомление читателя с контекстом статьи, автор прибегает к трансформации КЕ, являющейся названием одноименного фильма о вампирах 1995 года американского режиссера Роберта Родригеса. Образовавшийся в процессе субституции компонентов *заката – снаряда* трансформ не только актуализируется в контексте статьи, но и придает заголовку экспрессию, позволяющую автору уже в заголовке отобразить всю тра-

гичность описываемых событий. В статье автор рассматривает последствия бомбардировок Арабской коалицией Йемена, которые привели к большому числу жертв среди мирного населения. Отметим используемый в первичном значении («1. Время суток перед восходом солнца, когда начинает светать; начало утра» [11, с. 661]) семантически опорный компонент *до рассвета*, являющийся актуализатором приведенных в статье слов представителя международной НКО OXFAM в Йемене Абдулваса Мохаммед: «...каждую ночь мы ложимся спать и просто молимся, чтобы проснуться утром». Так, посредством переосмысления исходной КЕ, концепт «политика» актуализируется за счет не связанного с ним субститута в составе образовавшегося трансформа. Вариативность КЕ приводит к перераспределению субъектно-объектных отношений, а также к появлению новых смысловых оттенков значения.

Таким образом, методология описания современной концептосферы позволяет сформировать понимание об универсальном и специфичном в концептуализации окружающей действительности, а также разграничить ядерное и периферийное. Являясь неотъемлемой составляющей языковой картины мира человека, формирование концептосфер дает возможность рассматривать как наиболее важные с точки зрения определенного временного континуума концепты, так и второстепенные. Такого рода разграничение способствует выявлению национальной специфики концептуализации идентичных явлений в сознании людей, являющихся носителями разных языков. Процесс репрезентации универсальных ценностных концептов подразумевает употребление КЕ, являющихся наиболее распространенным фразеологическим средством в современных СМИ. Изучение данных вопросов в рамках современной когнитивной лингвистики является одной из наиболее актуальных исследовательских задач.

Список литературы

1. Вакуров, В. Н. Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. – 1994. – № 6. – С. 40–47.
2. Кадачиева, Х. М. Концептосфера как способ структурирования когнитивного пространства / Х. М. Кадачиева, Д. С. Алиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6–1(48). – С. 64–66.
3. Ломакина, О. В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л. Н. Толстого) / О. В. Ломакина // Вестник НовГУ. – 2014. – № 77. – С. 177–180.
4. Ломакина, О. В. Реализация функционального потенциала крылатики в современной российской публицистике / О. В. Ломакина // Филология и культура. – 2019. – № 1 (55). – С. 76–79.
5. Пенягина, Е. Б. Вариативность концепта «здоровье»: лингвокогнитивное исследование / Е. Б. Пенягина // Социо- и психолингвистические исследования. – 2020. – Вып. 8. – С. 156–160.
6. Пименова, М. В. Концепт политика и способы его репрезентации / М. В. Пименова // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 32–39.
7. Питина, С. А. Когнитивная лингвистика и смежные лингвистические науки о взаимодействии языка и мышления / С. А. Питина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 24 (315). – С. 35–37.

8. **Попова, З. Д.** Очерки по когнитивной лингвистике : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Юта, 2001. – 98 с.
9. **Прохоров, Ю. Е.** В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта ; Наука, 2009. – 176 с.
10. **Серов, В. В.** Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. / В. В. Серов. – М. : Локид-Пресс. 2020. – 677 с.
11. **Словарь русского языка:** В 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой; АН СССР, Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1–4, А–Й. – 698 с.; Т. 2, К–О. – 736 с.; Т. 4. – 796 с. – МАС.
12. **Смирнова, О. М.** К вопросу о методологии описания концептов / О. М. Смирнова // Вестник ННГУ. – 2009. – № 3. – С 247–253.
13. **Хохлов, А. А.** Репрезентация диады «война – мир» в современном газетном заголовке (на примере использования крылатых единиц в российской прессе) / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2022. – № 3(50). – С. 183–188.
14. **Хохлов, А. А.** Репрезентация концепта «политика» фразеологическими средствами в СМИ / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2021. – № 3 (46). – С. 690–693.
15. **Хохлов, А. А.** Репрезентация концепта «спорт» фразеологическими средствами в СМИ / А. А. Хохлов // Когнитивные исследования языка. – 2020. – № 3 (42). – С. 183–188.

Khokhlov A. A.

Methodology of Describing the Conceptual Sphere of Modern Journalism

The problem of studying the concept sphere is considered in the article as one of the central areas of cognitive linguistics. Groups of «universal value» concepts that form the basis of the picture of the world and influence the formation of the entire worldview, as well as the most common means of their representation in the media, are identified. The process of representation of universal value concepts is realized through the use of winged units, which are the most common phraseological means in modern media. The necessity of identifying the national specifics of the conceptualization of identical phenomena in the minds of people who are native speakers of different languages is analyzed.

Key words: concept, cognitive linguistics, concept sphere, picture of the world, linguistic personality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богачева Виктория Эдуардовна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Бочацкая Анна Александровна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Василькова Ирина Романовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Гайворонская Лиана Юрьевна, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Гончарова Светлана Владимировна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Гребеник Игорь Анатольевич, аспирант кафедры педагогики ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Грицкова Наталия Викторовна, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Гришак Светлана Николаевна, профессор кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», доктор педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Дзвоник Дарья Александровна, магистрант 2 курса Института филологии и социальных коммуникаций, программа магистратуры «Зарубежная филология. Французский язык и второй иностранный язык (английский)» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дзвоник Евгения Олеговна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Дроздова Алена Васильевна, доцент кафедры журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат наук по социальным коммуникациям, г. Луганск, ЛНР

Дятлова Анастасия Михайловна, студентка 5 курса Института филологии и социальных коммуникаций, специальность «Лингвистическое обеспечение военной деятельности» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Зайцева Анна Юрьевна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Калюжная Виктория Юрьевна, доцент кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Каткова Виктория Павловна, заведующий кафедрой теории и практики перевода и общего языкознания ГОУ ВО ЛНР «ЛГУ им. В. Даля», кандидат педагогических наук, доцент

Кисель Виктория Сергеевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Кубракова Марина Виталиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Куянцева Елена Александровна, доцент кафедры журналистики и издательского дела ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

Латышева Виктория Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Ли Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Милюков Максим Николаевич, преподаватель кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Новикова Анна Анатольевна, доцент кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат филологических наук, г. Луганск, ЛНР

Орехова Анна Дмитриевна, магистрант 2 курса Института филологии и социальных коммуникаций, программа магистратуры «Зарубежная филология. Французский язык и второй иностранный язык (английский)» ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Сысенко Анастасия Викторовна, преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

Ткачева Юлия Геннадиевна, старший преподаватель кафедры теории и практики перевода ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Токмачева Марина Алексеевна, доцент кафедры романо-германской филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», кандидат педагогических наук, г. Луганск, ЛНР

Хохлов Алексей Александрович, учитель русского языка и литературы МБОУ «Образовательный центр №1», г. Ивантеевка, Московская область, соискатель Российского Университета Дружбы Народов

Чередниченко Виталия Михайловна, преподаватель кафедры английской и восточной филологии ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ», г. Луганск, ЛНР

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Вестник Луганского государственного педагогического университета» (Свидетельство № ПИ 000196 от 22 июня 2021 г.) основан в 2015 г.

Учредитель и издатель сборника – ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ».

Научный сборник является периодическим печатным научным рецензируемым изданием, имеющим сериальную структуру. На страницах сборника публикуются научные работы, освещающие актуальные проблемы отраслей знания и относящиеся к отдельным группам научных специальностей. С 2016 г. издаются серии: «Педагогические науки. Образование», «Физическое воспитание и спорт», «Филологические науки. Медиакommunikации», «Биология. Медицина. Химия» «Гуманитарные науки. Технические науки».

Редакция сборника публикует научные работы, отвечающие правилам оформления статей и других авторских материалов, принятых в издании.

Авторские рукописи, подаваемые для публикации в выпусках серий, должны соответствовать их научному направлению и отличаться высокой степенью научной новизны.

Материалы могут подаваться на русском языке. Допускается публикация на английском языке. В таком случае авторы должны предоставлять развернутую русскоязычную аннотацию (до 2 тыс. знаков). Статьи публикуются на языке оригинала.

Публикация научных материалов осуществляется при условии предоставления авторами следующих документов:

1. Авторская заявка/согласие на публикацию авторских материалов.
2. Текст научной статьи (научного обзора, научного сообщения, открытой научной рецензии, публикация по материалам научных событий, информация об отечественных и зарубежных научных школах, персоналиях), соответствующий тематике серии сборника.
3. Рецензия на статью, подготовленную аспирантом или соискателем ученой степени кандидата наук, подписанная научным руководителем или заведующим кафедрой, на которой выполняется диссертационное исследование. Рецензия должна объективно оценивать научную статью и содержать всесторонний анализ ее научных достоинств и недостатков.

Заявка и научная статья или другие авторские материалы направляются в редакцию серии в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо. Авторская заявка с подписью автора(-ов), рецензия на статью подаются в отсканированном виде. Названия предоставляемых файлов должны соответствовать фамилии автора(-ов) и названию документов.

Рукописи статей проходят процедуру макетирования. Все элементы статьи должны быть доступны для технического редактирования и отвечать техническими требованиями, принятым в издании.

Материал для опубликования предоставляется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в текстовом формате, полностью совместимом с Word 97-2003. Рукопись должна иметь ограниченный объем 7–12 страниц машинописного текста (0,3–0,5 авторского листа; 12–20 тыс. печатных знаков с пробелами) включая аннотацию, иллюстративный и графический материал, список литературы.

Формат страницы А4; книжная ориентация; поля: левое 3 см, верхнее 2 см, правое 1,5 см, нижнее 2 см; гарнитура Times New Roman; цвет текста – черный; размер шрифта 14 кегль; интервал 1,5; выравнивание по ширине текста. Абзац выделяется красной строкой, отступ 1,25. Текст печатается без переносов, соблюдается постановка знаков дефиса (-) и тире (–), а также типографских кавычек (« »), в случае использования двойных кавычек внешними являются кавычки (« ») «елочки», внутренними – („“) «лапки».

Выравнивание отступа с помощью табуляции и пропусков не допускается. Уплотнение интервалов, набор заголовка в режиме Caps Lock, использование макросов и стилевых оформлений Microsoft Word запрещено.

В тексте статьи ссылки нумеруются в квадратных скобках, где первый номер указывает на источник в списке литературы, последующие – на страницы источника или другие источники, в таком случае номера источников отбиваются знаком (;). Например, [3, с. 65]; [4; 7; 9]; [2, т. 3, с. 41–44]; [1, с. 65; 3, с. 341–351]. Размещение в тексте прямых цитат без сносок не допускается. Сноски вниз страницы не выносятся.

При написании фамилий и инициалов используется следующее правило: инициалы печатаются через точку без пробела, инициалы от фамилии отбиваются неразрывным пробелом (Ctrl + Shift + «пробел»). Например, М. А. Крутовой. Согласно стилю оформления научной публикации предпочтительнее сначала указывать инициалы ученого, а затем его фамилию.

В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте должна иметься ссылка на конкретный рисунок, например, (Рис. 2). Каждый рисунок следует создавать в отдельном файле, а затем вставлять в статью с помощью функции «вставка» с обтеканием текстом. Не допускается выход рисунков за границы текста на поля. Все рисунки должны обеспечивать простое масштабирование с сохранением взаимного расположения всех элементов и внутренних надписей. Не допускается составление рисунка из разрозненных элементов. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области.

Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунков следует сохранять в форматах jpg, tif.

Каждую таблицу необходимо снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы следует предоставлять в текстовом редакторе Microsoft Word, располагать в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи необходимо давать ссылку на конкретную таблицу, например, (Табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. В таблицах допускается использование меньшего кегля, но не менее 10.

Текст научной статьи должен иметь следующую структуру:

1. Индекс УДК (универсальной десятичной классификации публикуемых материалов) выставляется без абзаца.

2. Фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, звание, должность автора(-ов), название учебного заведения или научной организации, в которой выполняется диссертационное исследование, электронный адрес автора(-ов).

3. Заголовок статьи. Заголовок должен быть информативным и содержать только общепринятые сокращения; набираться строчными буквами жирным шрифтом, без разбиения слов переносами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце.

4. Аннотация. Описывает цели и задачи проводимого исследования, а также возможности его практического применения. Аннотация на русском языке помещается в начале статьи, на украинском и английском – в конце. Аннотация должна быть написана от третьего лица и содержать фамилию и инициалы автора(-ов), заголовок статьи, ее краткую характеристику. Рекомендуемый объем аннотации 3–4 предложения; 40–60 слов; 500 знаков. Англоязычная аннотация должна выполняться на профессиональном английском языке.

5. Ключевые слова (5–7 слов / словосочетаний, определяющих предметную область научной статьи) на русском языке (располагаются после аннотации на русском языке), на украинском языке (после аннотации на украинском языке) и английском (размещаются после аннотации на английском языке). В перечне ключевых слов должны быть представлены общенаучные или профильные термины, упорядоченные от наиболее общих к более конкретным.

6. Вводная часть статьи, постановка проблемы, цель статьи, представление новизны излагаемых в статье материалов.

7. Данные о методике проводимого исследования.

8. Экспериментальная часть, анализ, обобщение, описание и объяснение полученных данных. По объему – занимает центральное место в статье.

9. Выводы и рекомендации, перспективы развития поставленной проблемы.

10. Список литературы, представленный в алфавитном порядке в виде нумерованного списка. В статье рекомендуется использовать не более 10 литературных источников. Заголовок «Список литературы» набирается

строчными буквами, с выравниванием по центру строки, без абзацного отступа, без точки в конце и ниже с выравниванием по ширине приводится пристатейный нумерованный список литературы. Фамилии и инициалы авторов набираются полужирным шрифтом, библиографическое описание источника обычным.

Каждый новый структурный элемент статьи не нужно нумеровать, выделять, называть. Изложение материала статьи должно быть последовательным, логически завершенным, с четкими формулировками, исключая двойное толкование или неправильное понимание информации. Оформление текста должно соответствовать литературным нормам, быть лаконичным, тщательно выверенным.

К публикации принимаются научные статьи, выполненные в строгом соответствии с техническими требованиями к оформлению статей и других авторских материалов. Текстовые принципы построения научной статьи могут варьироваться в зависимости от тематики и особенностей проводимого исследования. Материалы, не отвечающие основным предъявляемым требованиям, к рассмотрению не принимаются. Рукописи статей, сопроводительные документы как опубликованных, так и отклоненных авторских материалов авторам не возвращаются.

Авторы научных статей несут всю полноту ответственности за достоверность сведений, авторскую принадлежность представленного материала, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, приведенные инициальные сокращения.

Редакционная коллегия оставляет за собой право отбора присланных материалов, их рецензирования и редактирования без изменения научного содержания авторского варианта. Принятые к публикации научные статьи включаются в очередной номер журнала в порядке поступления.

Редакция не принимает к публикации статьи, опубликованные ранее в других изданиях. Публикация статьи в сборнике не исключает ее последующего переиздания, однако, в таком случае необходимо приводить ссылку на «Вестник Луганского государственного педагогического университета» как на первоисточник.

После выхода в свет печатной версии научного сборника, его полнотекстовые электронные копии размещаются в базе данных Научной библиотеки, а также на официальном сайте Луганского государственного педагогического университета в формате pdf. Электронные материалы могут копироваться по электронным сетям и распечатываться авторами для индивидуального пользования с указанием выходных данных сборника.

Согласие автора на публикацию статьи, данное в заявке, рассматривается и принимается редакцией сборника как его согласие на размещение предоставленных авторских материалов в свободном электронном доступе.

В заявке авторы должны подать следующую информацию:

1	Полное название статьи	
	<i>Заполняется каждым автором</i>	
	ФИО (полностью)	
2	Учёная степень, звание	
3	Название организации (вуз, кафедра, лаборатория, отдел), которую представляет автор (в именительном падеже), должность	
4	Страна, город	
5	Контактный номер телефона	
6	Почтовый адрес, индекс	
7	Адрес электронной почты	
8	Авторское согласие на печать и размещение рукописи в электронных базах свободного доступа	Подпись автора

Редакция Вестника Луганского государственного педагогического университета

Научное издание

Коллектив авторов

ВЕСТНИК

ЛУГАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сборник научных трудов

Серия 3

Филологические науки. Медиакommunikации

Главный редактор – *Л. Н. Синельникова*
Выпускающий редактор – *Г. Г. Калинина*
Редактор серии – *А. А. Новикова*
Корректор – *О. И. Письменская*
Компьютерная верстка – *Р. В. Жила*

Подписано в печать 05.12.2022. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографическая. Формат 70×100 1/16. Усл. печ. л. 11,70.
Тираж 25 экз. Заказ № 142.

Издатель

ГОУ ВО ЛНР «ЛГПУ»

«Книга»

ул. Оборонная, 2, г. Луганск, 91011. Тел. : (0642)58-03-20
e-mail: knitaizd@mail.ru